

Институт стратегических оценок и анализа
Ассоциация военных политологов
Российская экономическая академия им. Г.В.Плеханова

Вооружённый конфликт в Южной Осетии и его последствия

Москва – 2009

УДК 327
ББК 66.4
Р768

**Р768 Вооружённый конфликт в Южной Осетии
и его последствия / – М.: Красная звезда,
2009. – 160 с.**

Данное научное издание представляет собой результат осмысления отечественными исследователями вооружённого конфликта в Южной Осетии. Авторы сосредоточены на анализе политической составляющей произошедшего конфликта и исходят из того, что последствия событий августа 2008 года будут иметь долговременный характер и не ограничиваются пределами Кавказского региона.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующимися проблемами национальной и международной безопасности. Приоритетной целевой группой издания являются представители органов власти, экспертного сообщества, деятельность которых связана с подготовкой и принятием решений в сфере обороны и безопасности.

ISBN

УДК 327
ББК 66.4

ISBN

© Институт стратегических оценок
и анализа, 2009
© Ассоциация военных политологов, 2009
© Российская экономическая
академия им. Г.В.Плеханова, 2009

Предисловие

Выбирая в качестве предмета анализа конфликт в Южной Осетии, имевший место в августе 2008 года, инициаторы издания сборника исходили из того, что он не является локальным событием по пространственно-географическим и временным показателям. Очевидно, что истоки происшедшего конфликта, перспективы его дальнейшего развития и последствия в значительной степени детерминированы политикой, проводимой в Кавказском регионе многими игроками.

Августовские события имели важное отличие, которое не могло остаться незамеченным. Для многих россиян, экспертов, государственных деятелей, а также для части международного сообщества оказался довольно неожиданным характер реакции российского руководства на действия грузинской стороны. Дело в том, что в августе 2008 года впервые за постсоветскую историю Российская Федерация осуществила полномасштабное боевое применение своих Вооруженных Сил для защиты национальных интересов в соответствии с действовавшими доктринальными документами в области безопасности и обороны, вступив в прямое вооруженное противоборство.

По всей видимости, психологически руководители многих государств мира, в том числе и Грузии, были, что называется, «усыплены» явно затянувшимся отсутствием адекватной реакции российского руководства на недружественные, порой провокационные и даже агрессивные действия со стороны ряда государств. Кроме того, надо полагать, многими зарубежными политическими деятелями и экспертами не были сделаны соответствующие выводы из анализа решительных действий России по разрешению кризиса в Чеченской Республике и на Северном Кавказе в целом.

Есть ли основания утверждать, что действия России в августе 2008 года на Кавказе, завершившись признанием независимости самопровозглашенных республик Южной Осетии и Абхазии, лежат в русле апробированного Западом ранее в отношении Косово способа разрешения проблем в международных отношениях и являются их зеркальным отражением? Речь идет о реализации на практике принципа наций на самоопределение посредством военно-силовой поддержки (в первую очередь со стороны НАТО) одного этноса в его стремлении создать собственное национальное государство.

Как известно, политики ведущих государств Запада пытались убедить международное сообщество, и не в последнюю очередь руководство России, в том, что сценарий, примененный в отношении Косово, будучи исключительным случаем разрешения конфликта между народами некогда единого многонационального государства, не может и не должен стать примером в отношении других самопровозглашенных республик. Но многим уже тогда стало ясно, что в Косово был создан важный прецедент, вынудивший Российскую Федерацию проявить политическую волю и пойти на крайние меры, осуществить ответное применение военной силы. Такие действия произошли в условиях, когда военная сила другого государства привела к человеческим жертвам и а) была использована против российских граждан; б) применялась против российских миротворцев, действовавших в регионе на легальной и легитимной основе; в) открыто применялась против гражданского населения.

Невозможно не отметить значения принятия Президентом России Дмитрием Медведевым в условиях острого дефицита времени решения на ввод российских войск на территорию Южной Осетии с целью прекращения агрессивных действий грузинской стороны. Было вполне ожидаемым, что такое решение сразу же вызовет огромный резонанс не только в самой России и на Кавказе, но и во всем мире. Однако, думается, не меньшего внимания заслуживают действия российского руководства после завершения острой фазы конфликта, когда следовало политическими мерами закрепить результаты использования военной силы. Следует особо подчеркнуть, что, несмотря на достаточно жесткую и осуждающую риторику со стороны политических деятелей ряда государств, президент и премьер-министр России внятно и однозначно заявили мировому сообществу о позиции нашей страны и о решимости защитить национальные интересы. В то же время Президент России Дмитрий Медведев продемонстрировал готовность разрешить кризисную ситуацию, действуя в рамках международного права. По большому счету, ни у кого нет оснований поставить под сомнение состоявшийся факт выполнения Россией всех взятых на себя обязательств, оговоренных Д.Медведевым и Н.Саркози.

Впоследствии Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, а затем, в связи со складывающейся вокруг этих республик обстановкой, было принято решение о размещении на территории Южной Осетии и Абхазии российских военных баз. В мире это решение вызвало неоднозначные оценки. Немаловажной причиной его принятия послужили воинственные заявления грузинского руководства о якобы имеющейся перспективе реванша и повтора агрессивных действий в отношении осетинского и абхазского народов.

В собранных в данной монографии материалах предпринята попытка посмотреть на конфликт в Южной Осетии с различных точек зрения.

В материале А.Арбатова «Международная безопасность после Кавказского кризиса» рассматриваются политические последствия конфликта на Кавказе, формулируются цели, которые в итоге удалось достичь России, и оцениваются перспективы новой «холодной войны» между Россией и Западом.

В.Белозёров в своей статье «Некоторые выводы для России и её оборонной политики в свете последствий августовского конфликта» доказывает необходимость учитывать особенности восприятия конфликта в различной аудитории в условиях интенсивного воздействия на массовое сознание и предлагает выработать методологическую основу оценки хода и результатов конфликта. Автор пытается оценить политическую самостоятельность режима Саакашвили. Анализируется позиция партнеров России и ее союзников в связи с прошедшими событиями, показывается и достаточно ангажированное восприятие Западом политики России на Кавказе в целом.

Критической оценке роли Соединенных Штатов Америки в конфликте на Кавказе посвящена статья А.Владимирова «Стратегический этюд. Война «все включено», или Выводы из эпизода войны против России руками «собственных мерзавцев»¹ США», написанная «по горячим следам», сразу после завершения интенсивных боевых действий. Вторжение Грузии в Южную Осетию представлено как эпизод «большой войны», которую США ведут против главных геополитических соперников, в данном случае России и Евросоюза. Эта «большая война», как и ее югоосетинский эпизод, вызвана, убежден автор, целой «гроздьей» причин – экономических, военных, геополитических, внутривосточных, информационных. При всей резкости и небесспорности взглядов и выводов известного российского военного эксперта, некоторые его оценки заставляют задуматься над той ролью, которую пытаются играть Соединенные Штаты в современном мире, и особенно на постсоветском пространстве, где черты ведущейся «геополитической кампании» проявляются наиболее отчетливо.

Ряд статей сборника подготовлен сотрудниками Института стратегических оценок и анализа во главе с директором ИСОА, главным редактором журнала «Вестник аналитики» В. Гусейновым. Статьи подготовлены по материалам изданных Институтом в 2008 году трудов «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008)», «Россия в изменяющемся мире», а также по материалам рубрики «Анализ и прогноз», которую ИСОА ведет последние годы в журнале «Российская Федерация сегодня». Эти статьи охватывают анализ событий буквально нака-

¹ Автор обыгрывает слова, которые приписывают президенту США Франклину Делано Рузвельту (1933–1945), сказанные им в адрес никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы (старшего): «Это – сукин сын, но это наш сукин сын».

нуне вторжения Грузии в Южную Осетию («Завтра была война...»? А.Денисова и Н.Савкина). Динамика развития конфликта в ближайшей ретроспективе и его течение в августе 2008 г. подробно рассматриваются в статье «Югоосетинский разлом: размышления о причинах и последствиях» В.Гусейнова и С.Демиденко. На этой основе делаются выводы как о ближайших, так и долгосрочных последствиях югоосетинского конфликта. Действия американской администрации того времени, накануне и в ходе конфликта, по мнению авторов, позволяют трактовать роль США как фактического участника конфликта. Но в то же время ими подчеркивается, что не в последнюю очередь убежденность Саакашвили в легкой военной победе в Южной Осетии была подкреплена тем, что российская политика и дипломатия, по существу, проигнорировали ряд значимых для кавказского менталитета морально-психологических факторов, в том числе в событиях, связанных с Аджарией. Наконец, в статье «Тезисы о некоторых политических и военно-стратегических аспектах августа-2008», которую можно считать завершающей статьей этого своеобразного цикла, В. Гусейнов размышляет о некоторых аспектах конфликта августа 2008 года на Южном Кавказе в более широком плане, в том числе с учетом выхода за региональные рамки.

В материале О.Забузова «Действия России в информационном пространстве в связи с вооруженным конфликтом в Южной Осетии» рассматриваются особенности отражения конфликта в Южной Осетии в информационном пространстве. Автор специально акцентирует внимание на представленности грузинских и российских акторов в информационном пространстве Германии. Делается вывод о необходимости усиления информационной составляющей всей российской политики.

Попытка увязать начавшуюся в сентябре 2008 года военную реформу с последствиями конфликта на Кавказе предпринята в статье С.Мелькова «Вооруженный конфликт в Южной Осетии: катализатор военного реформирования в России?». Здесь рассмотрены тенденции развития внутриполитической, дипломатической и информационной обстановки в России после конфликта, приведена краткая оценка его военных итогов, сформулированы некоторые предложения в связи с выработкой возможной стратегии действий России.

Один из аспектов конфликта проанализирован в статье А.Перенджиева «Грузино-югоосетинский конфликт как пример террористической войны». В ней в теоретическом плане рассмотрена взаимосвязь терроризма и войны. На примере пятидневных боевых действий в Южной Осетии автор показывает, что в действиях грузинской стороны в отношении населения Южной Осетии просматриваются характерные элементы террористических проявлений. В статье делаются некоторые прогнозы относительно дальнейшего развития событий и возможных

способов противодействия негативным последствиям вооруженного конфликта на Кавказе.

В статье А.Селиванова «События в Южной Осетии и Абхазии: национально-государственный или кланово-олигархический подход?» обосновывается необходимость оценивать итоги конфликта через призму их соответствия интересам всей российской нации, а не только интересам ограниченной группы лиц (например, олигархической верхушки). В связи с изменениями геополитической обстановки в мире автор увязывает итоги конфликта с действиями политических элит ряда государств (США, Европы и постсоветского пространства).

Решение проблемы предотвращения войн и вооруженных конфликтов в теоретическом плане рассматривается в статье В.Серебрянникова «Предотвращение войн: теория и практика». Автор формулирует свои предложения на основе опыта ведения боевых действий и политики их предотвращения СССР, США и НАТО. В статье излагается методология оценки политики предотвращения войны (в виде разных моделей действий), которая, возможно, заинтересует политиков и государственное руководство. Профессор Серебрянников анализирует Военную доктрину России в связи с необходимостью практического решения задачи предотвращения войны и реального участия в решении этой важной задачи Вооруженных Сил нашей страны. Сделан достаточно нелицеприятный вывод об отставании науки о войне и военной стратегии от потребностей современной политики обороны и безопасности.

Предлагаемая вниманию читателей монография является во многом пилотажным проектом. Составители и авторы не претендуют на всеохватывающий, исчерпывающий и строго структурированный анализ югоосетинского конфликта и связанных с ним событий. И тем не менее нужно отметить не вполне обоснованное увлечение многих авторов настоящего труда понятием «война», из-за чего практически затушевывается смысл понятия «военный конфликт». Такая трактовка происшедшего, вольное обращение с понятием «война» может дезориентировать читателей в объективном восприятии событий на Кавказе и привести их к неправильным суждениям и даже выводам. В этой связи думается, что назрела необходимость научной дискуссии о сущности и содержании таких понятий как «война», «военный конфликт», «борьба», «противоборство» и др.

В представленном материале явно недостает и здоровой конструктивной критики некоторых военных особенностей операции, недостатков российской стороны в оснащении войск высокотехнологичным современным вооружением, в управлении войсками и т.д.

Давая свое видение ситуации, авторы были свободны в предпочтениях, суждениях и оценках. Отсюда и отсутствие общего стиля подачи материала и весьма различная порой эмоциональная насыщенность текс-

тов. Такой подход нельзя считать недостатком, скорее наоборот. Как представляется, заинтересованный читатель найдет в предлагаемом труде пищу для серьезных размышлений и выводов. Тем более, что было бы ошибкой считать конфликт августа 2008 года на Южном Кавказе законченным. Нельзя исключать дальнейшего обострения ситуации. Пока режим М.Саакашвили находится у власти, Грузия будет оставаться основным фактором дестабилизации в регионе. Реваншистские настроения сильны среди руководства Грузии, а военная мощь страны восстанавливается быстрыми темпами, что было бы невозможно без поддержки извне. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Соединенные Штаты, поддерживаемые своими союзниками по НАТО, сторонниками из числа стран-кандидатов и др., судя по всему, не намерены смириться с потерей части территории страны, которую они рассматривают в первую очередь как свой надежный и стратегически важный форпост на постсоветском пространстве.

В.Н.Лобов,
*генерал армии,
доктор военных наук, профессор*

Алексей Арбатов

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСЛЕ КАВКАЗСКОГО КРИЗИСА¹

В представленных на заседании докладах и в ходе обсуждения темы было отмечено, что события вокруг Южной Осетии в августе 2008 года по всем меркам вооруженных конфликтов намного уступают большинству таких столкновений на постсоветском пространстве и в Югославии, не говоря уже о локальных войнах периода «холодной войны». Однако по своим политическим последствиям Кавказский кризис может намного превзойти все поворотные моменты, имевшие место после распада СССР.

Любой вооруженный конфликт есть свидетельство краха иных способов разрешения политических противоречий, особенно когда применение военной силы происходит вне очевидной международно-правовой легитимации. Это расшатывает мировую стабильность и несет очевидные политические издержки для прямых его участников. В частности, кавказский конфликт августа 2008 года, вслед за признанием независимости Косово, еще более дискредитировал институт миротворчества, ставший знаменем новой эпохи после окончания «холодной войны». Стала очевидной неадекватность существующих международных организаций в сфере безопасности, призванных мирно разрешать такого рода конфликты. Несмотря на многочисленность таких структур, а возможно и из-за их многообразия и чересполосицы – все они оказались практически парализованы: СБ ООН, ОБСЕ, НАТО и СРН, ЕС (ЕБОП), СНГ, ОДКБ.

Постсоветское пространство становится одной из главных арен международных противоречий и угроз международной безопасности, наряду с Расширенным Ближним Востоком (РБВ) и Южной Азией. Особую тревогу вызывает то, что соперничество здесь отныне может стать не только экономическим и политическим, но и военным, принять форму

¹ Тезисы доклада на расширенном заседании Ученого совета ИМЭМО РАН 8 октября 2008 г.

военного противостояния ведущих держав и союзов мира в конфликтных зонах.

Вместе с тем, как указывали участники обсуждения, реакция Запада в целом оказалась мягче, чем можно было ожидать. НАТО заморозила официальные контакты по линии Совета Россия–НАТО (СРН) и намеченные совместные военные мероприятия, но ни одна из прежних программ не была прекращена, началось обсуждение совместных мер по борьбе с пиратством, функционирует Совет Евroatлантического партнерства (СЕАП).

Официальная риторика со стороны Евросоюза в общем имеет примирительный характер, хотя отложено начало переговоров по новому соглашению на смену Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и Евросоюзом. Также откладывается вступление России в ВТО и ОЭСР. Американское руководство отозвало из Сената договор по сотрудничеству в ядерной энергетике («1-2-3»), однако ни о каких реальных санкциях речи не идет. И это при том, что Москва впервые применила военную силу против другого государства после 1979 года. Более того, Россия впервые применила армию против государства СНГ после 1991 года и впервые нарушила принцип территориальной целостности стран постсоветского пространства. Наконец, впервые во всей истории отношений двух стран Россия нанесла прямое военное поражение фактическому, если не юридическому, союзнику США. Это тем более привело «единственную сверхдержаву» в состояние бессильного бешенства, что Вашингтон, возможно, подстрекал Тбилиси к военной авантюре (вопрос лишь в том, прямо или косвенно), обучал и вооружал грузинскую армию и использовал ее поддержку в Ираке, давал обязательства покровительства и принятия в НАТО. И ко всему, это поражение произошло в обстановке американской избирательной кампании.

Причины такой умеренности, прежде всего, в том, что – как бы ни относиться к сторонам конфликта и его предыстории – практически всеми сейчас признается, что именно правительство Грузии начало организованные боевые действия 7 августа. Кроме того, Запад ощущает глубокую взаимозависимость с Россией в экономическом отношении и сфере безопасности – и как немедленное напоминание об этом разразился мировой финансовый кризис, КНДР прекратила сотрудничество по ядерной проблеме, Иран заявил о запуске космической (т.е. межконтинентальной) ракеты, по миру прокатилась очередная серия террористических актов.

Каких целей в ходе и в итоге конфликта удалось достичь России? Она, во-первых, защитила малые народы Южной Осетии и Абхазии от вооруженного подавления, а возможно, и геноцида со стороны националистического и авантюристического режима Тбилиси, выполнив тем са-

мым свои обязательства гаранта мирных соглашений 1992 и 1994 годов. Во-вторых, Москва продемонстрировала всему миру, что отныне ее слова не расходятся с делами и что ее предупреждения против силового решения проблем Южного Кавказа, признания независимости Косово, расширения НАТО на постсоветское пространство и развертывания американской ПРО в Европе – следовало в прошлом и нужно в будущем принимать всерьез. В-третьих, Россия доказала, что ее возросшая экономическая мощь и внутривластная консолидация позволяют ей выступать в качестве независимого и храброго субъекта международной политики, в том числе применяя военную силу и бросая вызов самой мощной державе мира в лице США.

Чего России добиться не удалось? Во-первых, убедить окружающий мир, причем не только западный, в благородном характере своих мотивов при проведении этой военной акции. (История 16 лет бесплодных переговоров по Южной Осетии при посредничестве Москвы, массовая российская паспортизация населения анклава, восстановление экономических отношений с непризнанными республиками после Косово, призывы многих политиков, экспертов и телеведущих к признанию анклавов до 7 августа, а после «пятидневной войны» – быстрое признание их независимости и вслед за тем договоры, предусматривающие размещение военных баз.) Во-вторых, не получилось полностью за столбить российское видение хода конфликта (разночтения со временем нападения грузинской армии на Цхинвал, время ввода российских войск, число жертв во время артобстрела, операции в «зонах безопасности», авиаудары по инфраструктуре и пр.).

При этом оценка хода событий в Москве подразумевает непрерывную и логичную последовательность ее действий от ввода войск до заключения с двумя республиками договоров безопасности. За рубежом эта оценка четко разделяется на три части. Сейчас, когда прошел первый антироссийский ажиотаж, уже мало где оспаривается (причем включая не только Европу, но и США), что открытые боевые действия были связаны в результате авантюры грузинской стороны и ответное военное вмешательство России было предсказуемым и даже оправданным. Но выход российских войск за пределы границ Южной Осетии, побочный ущерб от ударов по грузинской инфраструктуре (более всего в Гори), ввод войск и акция в Абхазии – расцениваются как «чрезмерная реакция». Впрочем, и это могло бы быть принято в плане логики военной операции (особенно в сопоставлении с неизмеримо более масштабным применением силы со стороны НАТО против Югославии в 1999 году). Однако быстро последовавшее за этим признание независимости двух республик считается абсолютно неприемлемым, причем не только на Западе. Этот шаг расценивают как нарушение плана перемирия из 6 пунктов, и это является самым главным объектом критики России и за-

палом раскола между ней и зарубежными странами, причем не только в локальном, но и в региональном и глобальном масштабах.

Именно отсюда ретроспективно выводится оценка мотивов политики Москвы. Ее операция на Южном Кавказе расценивается не как акт спасения мирных жителей и миротворцев, а как (1) «показательная порка» самого непослушного и задиристого режима СНГ, (2) сильный сигнал предупреждения украинскому руководству в связи с его планами вступления в НАТО, (3) демонстрация Западу решимости отстаивать свои интересы, в том числе и силовым путем, (4) «публичная пощечина» США и реванш за все унижения и отступления России в последние 20 лет. Яснее всех это суждение первым вынес ближайший союзник РФ президент Белоруссии А.Лукашенко, когда в ходе визита в Москву сразу после конфликта он лукаво заметил, что «Москва все сделала тихо, спокойно и красиво».

Небывалое за последние двадцать, а возможно, и тридцать лет обострение напряженности между Россией и Западом поставило вопрос о возможности новой «холодной войны». В этом конфликте многое является беспрецедентным:

– что бы ни говорилось официально, в последующие два месяца Россия развила небывалую военную активность, явно бросая вызов США и НАТО и демонстрируя способность отразить нападение любого реального или воображаемого врага (полеты бомбардировщиков Ту-160 в Венесуэлу, поход туда же группы российских военных кораблей во главе с атомным крейсером «Петр Великий», командно-штабные учения совместно с Белоруссией по отражению террористов и воздушно-космического нападения, 8-е испытание новой морской стратегической ракеты «Булава-30»).

Эта военная деятельность едва ли производит впечатление на экспертно-стратегическое сообщество Запада, но позволяет руководящим кругам инициировать кампанию о «российской военной угрозе».

Новая «холодная война», если таковой считать острую военно-политическую напряженность, может быть в чем-то опаснее прежней:

– между США и Россией нет примерного равенства военной мощи, при возможной конфронтации Россия будет стремиться доказать, что стала гораздо сильнее, чем в 90-е годы, а США – что они не стали слабее;

– между РФ и Западом нет негласно признанных зон влияния, соперничество может развернуться и повлечь столкновение и на постсоветском пространстве, и в Латинской Америке, и в зоне Персидского залива;

– великие державы не имеют достаточного контроля над союзниками и партнерами, которые могут помимо их воли вовлечь их в столкновение.

Вместе с тем *ряд важнейших моментов, обусловленных нынешней многополярностью международной системы и растущей взаимозави-*

симостью в процессе глобализации, разительно контрастируют с периодом «классической» «холодной войны». Как «по заказу» это наглядно продемонстрировал нынешний глобальный финансовый кризис, начавшийся в США и тут же ударивший по России, Европе и Азии. Кроме того, проявились и другие факторы.

Впервые в истории (как подметил академик А.Дынкин) при серьезной военной акции Москвы не произошло сплочения НАТО, а наоборот – имел место глубокий раскол НАТО и ЕС вокруг вопроса об ответных мерах в отношении РФ.

Впервые в такой ситуации ЕС в лице президента Франции Н.Саркози взял на себя роль посредника между Россией и Грузией, а на деле – между Российской Федерацией и США, выступив в качестве не только экономического, но и политического центра силы.

Не продемонстрировали единство и такие организации, как СНГ, ОДКБ и ШОС. Во время конфликта они хранили молчание, а после – одобрили в целом миротворческие усилия России, но не поддерживали признания двух республик. Это тем более симптоматично, что РФ апеллировала к статье 51-й Устава ООН (о самообороне), а статья 4-я Ташкентского договора предполагает взаимную помощь в таких случаях. (В отличие от этого, НАТО впервые реализовала статью 5-ю после 11 сентября 2001 г.)

В многополярной системе кризисом между Россией и Западом тут же стали пользоваться третьи силы, завышая ставки своих запросов в отношениях с Россией и США: Китай, Индия, Иран, КНДР, Турция, исламский мир, союзники России по СНГ и пр.

После кризиса августа 2008 года главный вопрос в следующем: останется ли он изолированным эпизодом на постсоветском пространстве и в отношениях России и Запада, которые достаточно быстро удасться «отремонтировать» на новой основе более уважительного и серьезного отношения НАТО к заявленным российским интересам – и более конкретного и реалистического формулирования таких интересов с российской стороны?

Или же события вокруг Южной Осетии – это «первая ласточка» новой фазы распада советской империи – отныне по югославской модели. Тогда за ней могут последовать кризисы и вооруженные конфликты передела границ с Украиной вокруг Крыма, с Казахстаном по его северной и западной областям с русскоязычным населением, между Арменией и Азербайджаном из-за Карабаха с вовлечением Турции и России, между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией из-за Ферганы и пресной воды. Конфликты на Южном Кавказе могут быстро перекинуться на Северный, превратив весь регион в одну огромную зону нестабильности и насилия, с самыми пагубными прямыми последствиями для самой России.

Подобное развитие событий повлечет политическое, а в перспективе, возможно, и военное вмешательство стран «дальнего зарубежья». Как крайний вариант нельзя исключать вооруженного конфликта России и НАТО (или РФ и КНР) на постсоветском пространстве, в котором Россия, скорее всего, проиграет боевые действия с применением обычного оружия и может быть вынуждена прибегнуть к ядерным средствам с непредсказуемыми последствиями для всего мира.

В России сейчас есть две принципиальные позиции по этому ключевому вопросу. Одна, высказываемая руководством, состоит в том, что под происшедшим нужно, как сказал Президент Д.Медведев, «поставить жирную точку» и строить отношения сотрудничества на новой основе. Другая, ярко представленная в Думе, политических и общественных кругах и СМИ, – что это начало восстановления СССР или Российской империи, которое вновь сделает Россию сверхдержавой в противостоянии с Западом.

Как зеркальное отражение кризис августа 2008 года выявил две полярные позиции на Западе в отношении постсоветского пространства, имеющие прямое отношение к Грузии и Украине. Одна из них состоит в том, что расширение НАТО на СНГ вопреки позиции России порождает опасные конфликты и должно быть отложено, а сотрудничество должно развиваться. Другая – что такое расширение необходимо ускорить, чтобы помешать Москве силой «подчинять себе непокорные соседние страны» и возрождать традиционную стратегию «российского империализма».

Несколько главных обстоятельств будут определять то, какая из двух позиций одержит верх. Первое – это результаты расследования начала конфликта, а именно, уточнение числа жертв среди мирного населения Южной Осетии (пока разброс цифр – от 500 до 2100 убитых). Другое – ход переговоров по безопасности Южного Кавказа и позиция на них России. Наконец, огромную роль будет теперь играть политика Москвы в отношении Украины, Крыма и Севастополя, которая будет оцениваться с точки зрения дальнейшего развития «кавказской модели».

Стратегическую линию российской политики в этих условиях можно предложить в виде двух взаимосвязанных направлений. Первое: как можно скорее и решительнее изменить отношение политической элиты Украины к НАТО как гаранту своей территориальной целостности и суверенитета, а к России как к угрозе для этих ценностей. Второе: через разнообразные каналы сотрудничества сделать фактическую роль России для ЕС и Запада в целом более значительной (так называемая «капитализация» отношений).

Практическая реализация этой двуединой стратегии предполагает, что России следует на самом высоком уровне сделать всемерный упор на

свою роль в качестве главного и наиболее влиятельного гаранта территориальной целостности и суверенитета соседей по СНГ, конечно, при условии сохранения ими нейтрального военно-политического статуса. Это особенно важно после событий августа 2008 года, чтобы укрепить пошатнувшееся единство СНГ и ОДКБ.

Эффектно применив военную силу, нужно закрепить вновь возникшее уважение к России проявлением разумной сдержанности и ведением гибкой и конструктивной дипломатической линии в отношении Запада. С учетом растущих трудностей и очень высоких ставок НАТО в афганской операции следует активизировать линию Российской Федерации, помимо гуманитарной и экономической помощи, на участие российских советников, военные поставки в Афганистан. Заодно там можно задействовать союзников России по ОДКБ и тем самым добиться признания этой организации со стороны НАТО. Это тем более необходимо, что Россия не меньше, а даже больше НАТО заинтересована в предотвращении реванша талибов. Кроме того, чем больше там вовлечены силы НАТО, тем меньше у них ресурсов и желания проводить операции в зоне СНГ.

В увязке с откладыванием на неопределенное будущее вопроса расширения НАТО на СНГ можно было бы активизировать переговоры по ПРО в Европе, а также по сокращению ядерных вооружений, возврату в той или иной форме к соблюдению адаптированного ДОВСЕ. Также в данном контексте следовало бы проводить более консолидированный курс в отношении Ирана через СБ ООН и в отношении КНДР через шестисторонние переговоры.

Василий Белозёров

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ И ЕЁ ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДСТВИЙ АВГУСТОВСКОГО КОНФЛИКТА

По всей видимости, нападение грузинских войск на Южную Осетию и на дислоцированных в республике российских миротворцев, последующие события еще долго будут служить источником размышлений специалистов в области обороны и безопасности. Однако можно констатировать единодушные экспертов во мнении, что события августа, несмотря на их локальный характер, стали моментом истины для участников конфликта, Кавказского региона, России, международного сообщества в целом. Согласимся с уже высказывавшимся мнением, что важно исследовать не только саму пятидневную войну, но и последствия, ею вызванные. По результатам ознакомления с рядом вышедших публикаций хотелось бы обратить внимание на некоторые, представляющиеся весьма существенными и недостаточно освещенными, аспекты конфликта, с учетом его последствий для формирования и реализации оборонной политики России.

О возможности целостного восприятия военной действительности

Отмечая важность и подробность освещения различных сторон драматических событий августа и их последствий, все же следует отметить присущую практически всем без исключения вышедшим материалам фрагментарность, чему, конечно же, есть разумные объяснения (на явно ангажированные произведения данное положение не распространяется). Исследователи, какими бы компетентными они ни были, как правило, в силу объективных вполне причин не имеют возможности охватить всё в полном объёме и в результате сосредотачиваются лишь на некоторых аспектах августовского конфликта. Такое положение дел во многом обусловлено индивидуальными предпочтениями и особенностями восприятия конкретного человека, его

личным опытом и другими факторами, что предопределяет оценку им степени важности тех или иных обстоятельств. Кроме того, доступ к необходимой информации часто бывает ограничен. В качестве примера могут быть названы данные о понесенных жертвах и разрушениях, мотивах действий сторон, тактических, оперативных и стратегических аспектах применения военной силы, реакции мирового сообщества. Необходимо указать и в очередной раз проявившуюся парадоксальность политического. Речь идет о том, что ожесточенный конфликт разгорелся между народами, связанными общей историей и религией, культурой, традициями и т.д. Все названные обстоятельства в определенной мере способны дезориентировать тех, кто анализирует августовский конфликт. Особенно если отсутствует четкая и адекватная методология его исследования.

В результате высказываемые оценки происшедшего оказываются весьма противоречивыми, а в ряде случаев – диаметрально противоположными.

По всей видимости, для полного, всестороннего и трезвого осмысления происшедшего и происходящего нужны и серьезные, скоординированные интеллектуальные усилия и какой-то период времени¹. Для того, чтобы осмыслить и грамотно свести воедино всю образовавшуюся мозаику мнений и оценок, связанных с происшедшим конфликтом, нужна прочная методологическая основа. Как представляется, при любых размышлениях и оценках необходимо исходить из необходимости целостного восприятия прошедшей пятидневной войны и всего, что с ней связано.

В какой степени это возможно? Думается, чтобы ответить на этот вопрос, уместно обратиться к Клаузевицу, сумевшему в своих размышлениях охватить все аспекты войны. Немецкий философ войны, как известно, полагал, что элементы войны в своей совокупности образуют «странную троицу», состоящую из «насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*; из игры вероятностей и случая, что делает ее *свободной душевной деятельностью*; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется *простому рассудку*. Первая из этих трех сторон обращена больше к народу, вторая – больше к полководцу и его войску, третья – к правительству»². При этом каждое из указанных измерений войны прочно связано с народом

¹ По «горячим следам» был выпущен, пожалуй, лишь специальный выпуск журнала «Россия в глобальной политике» (2008 год, №5), материалы которого отличаются серьезностью проработки.

² *Клаузевиц К.* О войне: В 2-х т. – М.: Государственное военное издательство, 1936. – Т. 1. – С. 57.

в системе отношений насилие–ненависть–вражда. Существует четкая закономерность: чем более эмоционально народ привязан к войне, тем будет больше проявляться насилие. Второе измерение, касающееся вероятности и случайности, относится к храбрости и таланту, к полководцу и войску. Третье, характеризующее политическую составляющую войны, относится к правительству.

Следуя методологии философа войны, каждую войну следует определять совокупностью трех названных измерений. Как полагал Клаузевиц, «задача теории – сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения»¹. Иначе говоря, задача специалиста, исследующего любую войну, состоит в том, чтобы, отделяя при необходимости а) свойственное человеку чувственно-эмоциональное восприятие событий, а также высокую вероятность проявления самых агрессивно-архаичных устремлений с его стороны, б) действия войск и в) политику, сопряженную в основном с холодным, трезвым расчетом, необходимо уметь одновременно мыслить их как единое взаимосвязанное и нераздельное целое. И эта целостность достигается в случае признания доминирующей, императивной роли политических установлений, реализуемых в ходе военных действий.

Судить о сугубо военных аспектах пятидневной войны на Кавказе (как то: соотношение сил и средств, возможности техники, особенности военного искусства, боеспособность войск и др.) предоставим военным профессионалам. Отметим лишь, что Российская армия решала ограниченные в политическом отношении задачи, поскольку задачи свержения режима Саакашвили руководством страны не ставилось. Хотя, видимо, возможности такие были, поскольку грузинская армия была деморализована, а российские подразделения, не встречая сопротивления, уверенно действовали в районе Поти, Гори и практически в окрестностях Тбилиси.

Более подробно хотелось бы остановиться на тех аспектах войны, которые обращены к массовому сознанию. Конечно, возникающий в ходе военных действий исключительно высокий эмоциональный накал не трудно объяснить. Более того, непросто оставаться на позициях беспристрастного анализа в условиях, когда идет поток информации о жертвах и трагедиях. Но все же следует отметить, что непредсказуемыми по своим последствиям и даже, пожалуй, весьма опасными – в перспективном плане – представляются попытки сторон конфликта не просто дискредитировать, но демонизировать политического противника. Нельзя отрицать, что некоторые приемы подачи информации пропагандистского характера, тиражировавшиеся средствами массовой информации,

¹ Клаузевиц К. О войне: В 2-х т. – М.: Государственное военное издательство, 1936. – Т. 1. – С. 58.

всячески способствовали поощрению взаимной ненависти и стремления осетин и грузин к взаимному уничтожению.

Со стороны российских СМИ больше всего, и небезосновательно, досталось Михаилу Саакашвили. Действительно, грузинский президент целенаправленно и провокационно с начала своего президентства разыгрывает карту агрессивных устремлений северного соседа. Попутно отметим, что на постсоветском пространстве он неодинок в подобных действиях. Отношение СМИ и общественности формировалось и под влиянием того, что с началом конфликта Саакашвили повел себя недостойно не только как политик, но и вообще как мужчина, особенно в те моменты, когда пускался наутёк от мифических российских самолетов или же весьма эмоционально жевал свой галстук перед телекамерами.

Вместе с тем, ни в коем случае не снимая с этого политического деятеля ответственности за происшедшее и не оправдывая его, все же нельзя признать оправданной трансляцию на всю Россию таких его характеристик, как «бесноватый фюрер Мишико», «специально подрощенный отморозок». В этом же русле лежит демонстрация в теленовостях результатов псевдонаучного и довольно примитивного физиономического анализа, призванного засвидетельствовать, что Саакашвили – давно ожидаемый психиатрами пациент.

Можно, конечно же, высказываться в том духе, что Саакашвили и грузинский народ – не одно и то же, и против последнего Россия не воевала. И, разумеется, прав был Карл Маркс, когда утверждал, что каждый народ достоин того правительства, которое он имеет. Факт остается фактом: на сегодня поддержка М.Саакашвили в грузинском обществе достаточно высока, пусть это и обусловлено отсутствием доступа к объективной информации, разрозненностью оппозиции и другими обстоятельствами. Однако не имеет ли место в нашем случае оскорбление всего грузинского народа, поскольку в человеческом достоинстве практически открыто отказывается его легальному руководителю, пользующемуся поддержкой значительной части общества?

Пропаганда подобного характера чревата последствиями. Ведь прошлое и настоящее человечества, в том числе войны, неоднократно показывали, что многотысячелетний культурный слой, сформировавшийся в ходе цивилизованного периода истории, на самом деле является очень тонким. Разбудить в людях самые архаичные чувства, безудержную ненависть, оказывается, совсем нетрудно, особенно если принять во внимание возможности современных средств массовой информации и коммуникации. Случись такое – люди быстро забудут, из-за чего началась война и ради чего она ведется. Но весьма непросто будет вернуть отношениям цивилизованный характер. Между тем Россия, Грузия, Осетия и Абхазия обречены жить рядом друг с другом. Восстанавливать же отношения будет намного легче, если они будут в меньшей степени отягощены взаимной нена-

вистью. Практика показывает, что длительная эксплуатация идеи противостояния непродуктивна и не может продолжаться бесконечно долго: все равно придётся заниматься созиданием, а не разрушением.

Нельзя все же не отметить, что своими успехами в информационной войне и пропаганде грузинская сторона может гордиться. Гордиться по праву. К сожалению, этот факт – повод и основание для исследования, а также для серьезных практических и организационных выводов в России. Только будут ли они сделаны? Ведь условия и предпосылки для воспроизводства ошибок в работе по формированию общественного мнения по-прежнему не устранены. Значит, в следующий раз – не дай Бог, чтобы он наступил, но ведь этого нельзя исключать! – все снова повторится?

Можно сколько угодно возмущаться по поводу того, что западные новостные компании, взяв за основу «агрессии России» против «маленькой свободолюбивой демократии», сопровождали свой рассказ картинкой разгромленного Цхинвала. Можно и иным образом «бить по хвостам». Однако невозможно отрицать тот факт, что грузинская версия видения ситуации доминировала в информационном пространстве, определяя общественное мнение во многих странах, почти до конца августа. Как говорится, русские долго запрягают... Наши же «информационные» силы и средства вновь оказались не готовы. Или же, возможно, они были готовы, но не получили, прошу прощения, команды «фас». Кроме того, некоторые приемы отечественных СМИ отличались примитивностью, что свидетельствует о невысоком уровне профессионализма. Важный урок, который необходимо усвоить, состоит в том, что если пропаганда способна дать необходимый эффект внутри страны, то воздействовать на массовое сознание за рубежом подобным образом не получится.

Кстати, в процессе ведения борьбы за общественное мнение сказались особенности «заточенности» политической системы России под первое лицо: спустя какое-то время после нападения на Цхинвал самому президенту и главе правительства пришлось давать комментарии происходящего. До этого же все, видимо, ответственные структуры опасались проявлять инициативу, чтобы не озвучить чего-нибудь, не согласующегося с «генеральной линией». Тем самым много бесценного времени оказалось непродуктивно потраченным на ожидание «правильных» установок, вместо того чтобы начать доминировать в информационном пространстве сразу же после начала нападения грузинской армии.

Важным направлением государственной информационной политики России, в том числе в том сегменте, который связан с обороной и безопасностью, видится обеспечение активного и постоянного присутствия нашей страны в мировом информационном пространстве. Эта деятельность должна носить целенаправленный характер, отличаться наступательностью, инициативой, превентивностью и оперативным реагированием на происходящее.

О степени самостоятельности Грузии

Незабвенный Козьма Прутков учил: «Зри в корень!» Следует задуматься: неужели режим Саакашвили действительно был для администрации Джорджа Буша столь ценен исключительно в качестве источника распространения демократии по всему Кавказскому региону и за его пределами? Но ведь не секрет, что альтруизмом Вашингтон не страдал никогда, даже если это облекалось в формы мессианских идеалов неоконсерваторов.

Хотелось бы в этой связи обратить внимание на следующее. События вокруг Южной Осетии – при всей их драматичности – почему-то в очередной раз актуализировали закономерность: строительство нового нефтепровода, пересекающего несколько стран, гарантирует смену режимов, гражданские войны, пересмотр границ и т.д. Кстати, современная география дислокации американской армии во многих регионах планеты удивительно точно совпадает с месторождениями углеводородного сырья и маршрутами его транзита.

Весьма интересно и другое совпадение: само становление грузинской государственности в XX веке имело во многом «военно-нефтяную» подоплеку. Как известно, вскоре после заключения Брестского мира Грузия обратилась к Германии с просьбой взять страну под свой протекторат. Немцев, стремившихся в условиях войны получить контроль над трубопроводом Баку–Батуми, единственной в то время артерией транспортировки углеводородов в регионе, и овладеть запасами нефтепродуктов в Батуми, уговаривать не пришлось. Сразу же после высадки в мае 1918 года в Поти 3 тыс. немецких солдат в Тбилиси провозглашают независимость. Страна же вскоре получает неофициальное название Грузинской нефтепроводной республики.

Ввиду извечной прагматичности и эгоистичности американской внешней политики нет сомнений в том, что Грузия и сегодня интересна для США прежде всего в связи с перспективами транзита углеводородов по ее территории. По всей видимости, ради этого стоит поддерживать и демократию образца Саакашвили. Кто знает, не повлечет ли подписанная недавно между Тбилиси и Вашингтоном хартия о стратегическом партнерстве предоставления США права на размещение воинского контингента для защиты трубопроводов на территории Грузии?

Нельзя не отметить и то, что беспрецедентный рост военных расходов Грузии был невозможен без массированных внешних финансовых вливаний. Общеизвестны данные, что за четыре года военные расходы Грузии выросли более чем в 30 (!) раз: с 30 млн. долл. в 2003 году до почти 1 млрд. долл. в 2007 году, достигнув небывалого для современного мира уровня 9–10 процентов ВВП страны. При этом корректировка расходов на 2008 год (с 800 млн. долл. до 1 млрд. долл.) была проведена в июле того же года. Помимо заботы об усилении боеспособности армии в конце 2006 года Ми-

хаил Саакашвили объявил о том, что Грузия принимает на вооружение концепцию «тотальной обороны», предполагающую участие всего населения в отпоре агрессору. Видимо, это было сделано с целью нагнетания страстей и поддержания воинственных чувств у граждан.

Следует напомнить и программу подготовки грузинской армии «Оснасти и обучи», реализованную под руководством американских инструкторов. Очевидно, что такая военная машина готовилась не для парадов и репрезентативных функций. Как известно, любая армия существует, по большому счету, либо для подготовки и ведения войны, либо для ее предотвращения.

Соответствует ли такое усиление военной мощи национальным интересам самой Грузии? Ведь признаки того, что беспрецедентный рост военных расходов каким-либо образом коррелирует с улучшением экономического положения страны и ростом благосостояния ее граждан, отсутствуют.

В результате в очередной раз приходится делать вывод: сама по себе Грузия, как, впрочем, и какая-либо другая страна, Соединенным Штатам не нужна и не интересна, даже с учетом декларируемой необходимости всемерной поддержки «молодой демократии». Поэтому вряд ли стоит ожидать, что в ближайшей перспективе США будут вкладывать деньги во что-либо иное, не связанное с восстановлением военной мощи страны, которое уже осуществляется форсированными темпами. Значит, последует второй раунд-реванш?

Необходимо и задаться вопросом: устраивает ли не только руководство Грузии, но и ее граждан статус ведомого? Пока что наиболее зримым результатом добровольного принятия на себя роли проводника чужих интересов де-факто стали военное поражение и человеческие жертвы и трагедии, не говоря уже о весьма ощутимых материальных и моральных издержках.

Вообще, вопрос самостоятельности Грузии весьма непрост. Некоторые размышления приводят к выводу о том, что за века и десятилетия в стране сформировалась довольно стойкая привычка, чтобы кто-то другой ее содержал, защищал и нес ответственность за нее. Справедливости ради укажем, что на постсоветском пространстве это имеет место не только в Грузии. Достаточно вспомнить, что в Советском Союзе Грузия всегда получала существенные дотации из союзного бюджета, притом что уровень жизни населения был явно выше, чем, например, в России. Кстати, автору довелось услышать упрек от одного грузина, суть которого сводится к тому, что если США смогли продвинуть на высший государственный пост в стране своего ставленника, то почему аналогичную политическую технологию не смогла осуществить Россия? Думается, что настроение части населения Грузии такая постановка вопроса отражает.

Пока же Грузия по-прежнему переживает период упования на заокеанских заступников и покровителей, что сопровождается подчеркнутой демонстрацией верности. Автор имел возможность как раз в период острой фазы августовского конфликта смотреть передачи телевидения Аджарии. Характерно, что визит в Тбилиси госсекретаря США Кондолизы Райс показывался исключительно подробно, в красках, вплоть до продолжительного прощания и следования в глубь самолета. Кстати, было весьма интересно сопоставлять информацию, дававшуюся российскими СМИ, с тем, что показывала грузинская сторона.

О политике России на Кавказе и ее интерпретации на Западе

Политика России на постсоветском пространстве, в том числе на Кавказе, традиционно подвергается критике, к тому же в ряде случаев небезосновательно. Изучение различных источников только подтверждает, что «кавказская карта» всегда будет разыгрываться в информационных кампаниях против нашей страны и использоваться в качестве рычага давления на нее.

Даже совместное противостояние России и ее западных партнеров общим рискам и угрозам и взаимодействие – порой очень тесное и весьма выгодное для Европы – в ходе борьбы с терроризмом не позволяют нашим оппонентам отказаться от удовольствия интерпретировать ситуацию на Кавказе таким образом, как это диктуют их интересы. И имеющие место выпады никак нельзя назвать дружелюбными.

В этом отношении весьма показательным то, что происходит в Германии. В выпущенном в этой стране еще в 2001 году обстоятельном труде «Политика безопасности в новых измерениях: краткое руководство к широкому пониманию безопасности», подготовленном в авторитетной Федеральной академии политики безопасности Германии и содержащем без малого тысячу страниц, Россия характеризуется как «риск для безопасности», как страна, находящаяся на пути к «манипулируемой демократии» и, главное, как держава, демонстрирующая готовность к конфликтам.

С учетом августовских событий особый интерес представляет 18-страничный раздел книги, подготовленный бывшим статс-секретарём министерства обороны ФРГ профессором Лотаром Рюлем и посвящённый Кавказу¹. Поскольку в книге отражается фактически официальная позиция страны в сфере обороны и безопасности, нетрудно сделать вывод, что современная Германия имеет собственные интересы и в Кавказском регионе и намерена их отстаивать.

¹ Ruhl L. Der Kaukasus // Sicherheitspolitik in neuen Dimensionen: Kompendium zum erweiterten Sicherheitsbegriff / Bundesakademie für Sicherheitspolitik (Hg.). – Hamburg: Mittler, 2001. – S. 273–290.

Регион оценивается Рюлем с различных точек зрения. Подчеркнуто, что в геополитическом аспекте Кавказ может служить связующим звеном между Европой и другими регионами, а наличие перспективных месторождений нефти делает Кавказ привлекательным для Германии в качестве важного источника энергетических ресурсов.

Значительное внимание уделено и оценке Кавказского региона с военной точки зрения, вплоть до приведения весьма занимательных подробностей. Так, думается, у специалистов вызовут живой интерес приведенные расчёты возможностей авиации и сухопутных войск выйти к Персидскому заливу. Более того, по мнению Л.Рюля, нельзя исключить, что моторизованные части (по всей вероятности, Российской армии, ибо больше ведь некому) могут совершить марш от южных границ Армении до Персидского залива, при суточных переходах 50–60 км, примерно за три недели, а при отсутствии организованного сопротивления, когда величина суточного перехода может достигать 100 км, – за 10 дней. В общем, формировать образ России как пугала для демократического мира, оказывается, весьма удобно посредством соответствующей подачи мировой общественности ее военного присутствия на Кавказе.

Самый элементарный контент-анализ показывает, что действия России на Кавказе как в историческом контексте, так и в настоящее время характеризуются в статье в основном посредством применения понятий, имеющих исключительно негативную семантическую нагрузку, таких как «экспансия», «покорение», «колонизация», «российское господство», «массовые репрессии», «советско-русское насилие» и т.д. Контртеррористические операции – как проводившиеся в период 1994–1996 гг., так и последующая – названы «карательными экспедициями» (*Strafexpeditionen*). «Для кавказских народов, прежде всего «русского» Северного Кавказа, это является тем кризисным состоянием, с которым многократно сталкивались старшие поколения в прошлые века в условиях российского владычества и покорения», – заключает в конечном итоге профессор Рюль, пытаясь представить всю историю Кавказа как постоянную борьбу с агрессивной и имперской Россией. Помещенная в книге в качестве иллюстрации карта изменения территории России в течение длительного времени почему-то очень напоминает лоскутное одеяло и призвана, по всей видимости, стать ещё одним аргументом для того, чтобы подвергнуть сомнению результаты процесса формирования российского государства в его нынешних границах.

Кроме того, Рюль последовательно стремится представить весь Кавказ в целом как некое единое геополитическое пространство, очевидно, пытаясь подобным образом обосновать самостоятельную роль региона в политике. При этом существующие границы не учитываются, не проводятся различия между такими государствами, как Азербайджан, Арме-

ния, Грузия, и республиками Северного Кавказа, находящимися в составе Российской Федерации (кстати, они, равно как и республики Поволжья, именуются в книге государствами).

Ознакомление с позицией г-на Рюля показывает, что автор прилагает значительные усилия для постановки под сомнение правомерности нахождения Северного Кавказа в составе России и вообще необходимости присутствия нашей страны в этом регионе. Сам тон подаваемого материала говорит о попытке противопоставить кавказские народы русскому.

С учетом изложенного хотелось бы обратить внимание на следующее. Использование тщательно подобранных понятий для характеристики действий России является далеко не случайным, а хорошо продуманным и преследующим совершенно конкретную цель. Представленный материал свидетельствует о сохранении ситуации геополитического противостояния России с некоторыми западными странами. Кроме того, очевидна неспособность ряда зарубежных исследователей отойти от устаревших стереотипов мышления, от демонстративного русофобства. Налицо также попытка по-прежнему расценивать Россию прежде всего как объект, а не как субъект международной политики, имеющий собственные интересы, с которыми надо считаться. К сожалению, распространение подобных взглядов показывает, что далеко не все за рубежом заинтересованы в усилении позиций России в мире, а среди части политического истеблишмента по-прежнему живы намерения ослабить нашу страну. Более того, присутствуют и ожидания формирования благоприятных условий для ее дальнейшего расчленения.

Содержание и тональность многих немецких источников, комментирующих действия России в 2008 году, мало отличаются от того, как это делалось несколькими годами ранее. Например, по мнению политолога из Боннского университета Кинана Йегера, комментарий которого помещен в официальном немецком военном издании, «вторжение России в районы Грузии» имеет однозначную «энергетическую» мотивацию¹. Боннский политолог усматривает в действиях Москвы выраженную энергетическую подоплёку и её нежелание мириться с тем фактом, что нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан не прошёл через российскую территорию. Причина начала военных действий Россией ему видится прежде всего в том, что Грузия является транзитной страной, через территорию которой проходит второй по мощности в мире нефтепровод и ежедневно перекачивается 1,2 млн. баррелей каспийской нефти. Йегер напоминает также, что в 250 км южнее Джейхана Россией в ближайшие годы должен быть оборудо-

¹ См.: Y. Magazin der Bundeswehr. – 2008. – №10. – S. 21.

ван «самый мощный» пункт базирования военно-морского флота на Средиземном море. В результате, по мнению политолога, Москва сможет держать нефтепровод под контролем, поскольку появится возможность воздействовать на него с нескольких направлений, оказывая тем самым давление на Запад.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что политические субъекты всегда действуют, руководствуясь собственными мотивами и основываясь на представлениях о своих, отличных от наших ценностях. То, как встретили на Западе вступление России в конфликт, было абсолютно прогнозируемым и не должно восприниматься с какой бы то ни было долей удивления. Кроме того, стремление нашей страны остановить кровопролитие и создать гарантии для неприменения силы в дальнейшем некоторым влиятельным субъектам было невыгодно – ключевым для понимания смысла происшедшего является именно это слово – принимать в расчет.

Более того, получается, что некоторым нашим партнёрам выгодно поддерживать перманентную напряжённость в регионе и игнорировать до поры до времени неоднократно подтверждённый историей факт, что уход России с того или иного региона Кавказа своими последствиями практически всегда имеет незамедлительное обострение тлеющих конфликтов, реализацию идеологии национализма в самой худшей форме и серьёзные человеческие жертвы.

Российской общественности, политической элите России, интеллигенции необходимо как можно скорее и без сожаления избавляться от беспочвенных и контрпродуктивных иллюзий относительно того, что за рубежом действия нашей страны на Кавказе в перспективе будут восприниматься исключительно позитивно. Предвзятое отношение практически гарантировано вне зависимости от того, что наша страна не делает в регионе ничего плохого или даже вообще ничего не делает, поскольку первичны политические интересы. И это надо воспринимать как данность, без лишних эмоций, делая практические выводы.

О позиции партнёров России и её союзников

К интересным размышлениям приводят и действия партнеров и союзников России по некоторым международным организациям и институтам безопасности. На сегодня наша страна состоит, в частности, в Содружестве Независимых Государств (СНГ), Союзе государств Белоруссии и России, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Область специализации и сосредоточения усилий указанных организаций весьма различна, распространяется она и на военную сферу. В ряде случаев Россия выступает, по существу, как несущая структура всей организации, будучи особо заинтересованной в её существовании.

Нельзя не признать, что своими решительными действиями Россия в августе послала четкий сигнал партнерам, свидетельствующий о том, что альтернативный центр силы в мире сохраняется.

Однако, как оказалось, после завершения пятидневной войны и дальнейшего признания независимости Южной Осетии и Абхазии реакция партнёров России по таким организациям как СНГ, ОДКБ и ШОС, на её действия оказалась весьма сдержанной, если не сказать более. Открытого осуждения действий Грузии со стороны ни одного из них не последовало, ни одно из государств-членов указанных организаций не стало торопиться и с признанием двух республик, хотя, возможно, таковое ещё состоится.

Следует отметить, что даже в комментариях некоторых весьма авторитетных представителей экспертного сообщества прозвучали удивлённые интонации, вызванные тем, что явно и открыто Россию в её действиях никто не поддержал. Вряд ли стоит воспринимать как поддержку тот факт, что во всем мире лишь Никарагуа признало независимость Южной Осетии и Абхазии.

Между тем в таком почти полном одиночестве России нет, пожалуй, ничего удивительного. Хотя, как могло бы показаться, от России некоторые государства-участники СНГ, ОДКБ и ШОС зависимы и даже чем-то обязаны ей. Попробуем разобраться, в чём, собственно, дело.

Прежде всего, такое отношение к действиям России даже самых близких её союзников наглядно показывает, кто же в современном мире, как говорится, действительно «дирижирует» и «заказывает музыку». Ведь после августа Соединенные Штаты в лице государственного департамента проявили беспрецедентную активность, действуя на различных направлениях. По признанию российского министра иностранных дел Сергея Лаврова, госсекретарь США Кондолиза Райс в персональном разговоре с ним настойчиво рекомендовала не употреблять в своих комментариях происходящего слова «геноцид» и «агрессия» применительно к действиям Грузии. По признанию президента Николя Саркози, а Франция, как известно, председательствовала в Евросоюзе в 2008 году, ему тоже настойчиво советовали из Вашингтона воздержаться от переговоров с Москвой об урегулировании конфликта. Мощное давление было оказано и на Турцию для того, чтобы военные корабли США и НАТО прошли через черноморские проливы, свободно следовать через которые в соответствии с международными соглашениями могут только суда причерноморских государств. При этом надо учесть, что Анкара традиционно весьма болезненно реагирует на поддержку курдов со стороны США и не склонна менять правила прохода через проливы ни для кого.

Вполне очевидно, что с учётом сложившегося в современном мире статус-кво мало кто склонен попадать под какие-либо санкции со сторо-

ны США и других развитых стран. Однако и подобное объяснение мотивов поведения союзников и партнёров России представляется всё же недостаточным.

Думается, чтобы понять происходящее, надо понять следующее. Как известно, национальные интересы всегда объективны по своей природе, поскольку заключаются в создании условий для устойчивого развития нации. С другой стороны, политические отношения имеют выраженную ситуативную, субъективную обусловленность, и именно наличие временных параметров выступает характерным признаком ситуации. По всей видимости, именно это обстоятельство дало основание некоторым исследователям сделать правомерное заключение, что политика есть «всегда временная случайность»¹. Процесс образования и функционирования любых международных институтов достаточно хорошо иллюстрирует ситуативность и динамику политических процессов. Ведь любые международные образования существуют в течение какого-либо промежутка времени, детерминированного необходимостью решения задач, ради которого их участники стали координировать свои действия. Исходным пунктом и критерием для определения временных рамок, степени, характера и результативности участия в международной организации должны выступать в конечном итоге именно национальные интересы, а не субъективные пристрастия руководства страны или обстоятельства иррационального свойства. Более того, международные объединения и коалиции создаются на период, необходимый для достижения совершенно конкретных политических целей, которые у участников коалиции могут быть весьма различными, к тому же подвергаться изменениям с течением времени. После того как основания для существования альянсов исчезают, их распад оказывается практически неизбежен.

Вообще, образно политику можно представить как процесс торга, участники которого стремятся не упустить свою выгоду, добиться большего при меньших затратах и жертвах. Процесс согласования и определения усилий, которые участникам международных объединений необходимо внести в общее дело, весьма сложен, а механизм происходящего, как правило, недоступен широкой общественности. Любое международное объединение создаётся участниками для получения какой-либо выгоды. Кстати, как свидетельствует история, полученные в результате победы какой-либо коалиции дивиденды редко распределяются между победителями соразмерно их затратам.

Казалось бы, участие государств в коалиции, в каком-либо международном институте безопасности предполагает жесткую координацию

¹ *Рансьер Жак.* На краю политического / Пер. с франц. Б.М.Скуратова. – М.: Праксис, 2006. – С. 207.

действий и влечет за собой добровольный отказ от части своего суверенитета. Вместе с тем такое положение не означает невозможности для государств вносить коррективы, порой весьма существенные, и определять степень своего участия в каких-либо международных организациях с учетом, опять же, национальных интересов и изменившейся ситуации. В конечном итоге различие в интересах обуславливает полисубъектность политического пространства, и игроки, заключённые в нём, объективно находятся в перманентно конфликтном состоянии. Вопрос только в степени остроты этого конфликта.

Особо следует отметить, что политика приемлет эмоции и сентиментальность лишь весьма в умеренной степени, и в конечном итоге испытываемые чувства или благодарность к союзникам за содеянное в недавнем или далеком прошлом не могут довести над национальными интересами. На практике эти обстоятельства редко бывают значимыми факторами при принятии политических решений. Ожидания, связанные с какими-либо моральными обязательствами партнёров, уместны далеко не всегда, а скорее в случае особо доверительных отношений и полного совпадения интересов и при наличии взаимозависимости.

Ознакомление же с ситуацией, сложившейся в целом ряде государств-участников СНГ, ОДКБ и ШОС, показывает, что для них довольно острой остаётся проблема территориальной целостности, обеспечения суверенитета, борьбы с сепаратизмом. В этом смысле грузино-югоосетинский конфликт и последующие события еще раз подтверждают, что какими бы близкими ни были отношения России с другими странами, определяющим фактором при принятии важных внешнеполитических решений для них являются национальные интересы, ощущаемая польза.

В заключение хотелось бы отметить, что события на Кавказе и их последствия совпали по времени с очередными преобразованиями в Вооруженных Силах России. Безусловно, положительно то, что общественность все громче задает вопросы о цели и целесообразности проводимых мероприятий. К сожалению, официального объяснения сути и содержания происходящего так пока и нет, что в немалой степени дезориентирует и общество, и самих военнослужащих. Показательно, что такая ситуация складывается в нашей стране не впервые, пусть это и имело место в более драматичных условиях. Очевидно, что ответ на вопрос о том, к чему, к решению каких задач должны готовиться Вооруженные Силы России, должен быть прежде, чем приступают к масштабным преобразованиям.

Александр Владимиров

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЭТЮД:
ВОЙНА «ВСЁ ВКЛЮЧЕНО»,
ИЛИ ВЫВОДЫ ИЗ ЭПИЗОДА ВОЙНЫ
ПРОТИВ РОССИИ РУКАМИ
«СОБСТВЕННЫХ МЕРЗАВЦЕВ» США**

«Сон разума рождает чудовищ»

Франциско Гойя

«Сон совести рождает уродов,

сон разума и совести рождает мерзавцев»

Автор

Мы убеждены, что *эта конкретная война*, в которой сама агрессия и уничтожение тысяч мирных граждан Цхинвала и десятка южноосетинских сёл, а также расстрел грузинскими войсками российских миротворцев и ответная сокрушительная реакция России – всё это *есть только эпизод «Большой Американской войны», которую ведут США против своих главных геополитических соперников, в данном случае – против России и Евросоюза.*

Эта война специально планировалась, была абсолютно прогнозируема и в любом варианте её окончания была посвящена именно этой цели.

Более того, война спланирована так, что цели этого эпизода достигались даже независимо от его исхода.

Другими словами – для США было (в целом) неважно, кто победит в этой войне, – им был необходим сам факт войны с прямым участием России.

Очевидно, что Америке была необходима причина открытого «наказания» России.

Встаёт вопрос: «почему это необходимо США вообще?» и «почему это всё произошло в Грузии?», и, главное, «почему всё это происходит?»

Современный стратегический пейзаж – США

Нам представляется, что здесь *есть целый ряд причин (групп причин) именно такого поведения «демократической сверхдержавы», свя-*

занных с объективным состоянием США и других субъектов геополитики. Приведем только их часть.

Первая группа причин – экономическая.

США на сегодня имеют самую могучую экономику в мире и достаточно эффективные механизмы её модернизации.

В то же время.

США являются банкротом в самом полном смысле этого слова – они должны всему остальному миру несколько триллионов долларов, которые они не способны выплатить.

США никому ничего выплачивать не собираются.

США способны поддерживать свою «кредитоспособность» только путём представления миру гарантий безопасности и демонстрацией своей «превосходящей силы».

Свое вечное мировое лидерство США соотносят с их полномасштабным владением и единоличным распределением мировых естественных ресурсов (углеводороды и пресная вода). Именно поэтому все регионы и пространства, которые содержат эти ресурсы, вовлечен в планы их стратегической экспансии, и именно отсюда проистекает «дружеское внимание» США к Грузии, Каспию, России и другим ресурсосодержащим или транзитопригодным регионам мира.

Вторая группа причин – собственно военная.

1. США сегодня достигли подавляющего военно-технического превосходства над остальным миром и завершают создание возможностей своего немедленного глобального военного реагирования, они смогут поддерживать свое военное превосходство еще лет десять-двадцать.

2. Россия все еще недостаточно сильна, чтобы прямо и непосредственно противостоять Америке или объединенному НАТО, возможности её ядерных сил со временем только сокращаются, потенциал её обычных средств вооружённой борьбы с аналогичными возможностями США несравнимо низок, тенденции к сокращению этого разрыва не очевидны.

4. Китай еще не набрал достаточно сил, чтобы прямо противостоять США в военной сфере и будет способен на это только лет через двадцать-тридцать.

5. НАТО является единственным военно-политическим союзом, имеющим рабочие органы военного управления, отвечающие существу решаемых сегодня военными контингентами боевых и других задач, а также соответствующие национальные и международные военные контингенты.

6. ОДКБ как военно-политический союз пока практически небоеспособен.

7. ШОС как военно-политический союз пока не состоялся.

Третья группа причин – информационная.

На сегодня США прямо практически контролируют основную часть информационного поля планеты и способны дать миру почти любую информационную картину по своему произволу.

Эта способность будет сохраняться Америкой еще в течение ближайших нескольких лет, после чего превосходство США в этой сфере или будет сокращаться, или станет подавляющим.

Четвертая группа причин – геополитическая.

США сохраняют возможности прямого управления большинством государств и политических сил человечества, в том числе такими значимыми, как «радикальный политический ислам».

В то же время ареал их безусловного влияния в мире сужается.

Основой влияния США в мире является их позиция в Европе, где еще сохраняются возможности ведения ими достаточно эффективной стратегической игры за счет государств её восточной части и попыток оттеснения государств старой Европы на политическую периферию.

Пятая группа причин – внутривнутриполитическая.

Представляется очевидным, что основой внутренней стабильности США является высокий уровень потребления их населения.

Это значит, что любое снижение этого уровня может немедленно (или медленно, но неизбежно) вызвать серьёзные внутривнутриполитические коллизии, чреватые сменой любой администрации или даже приходом к государственной власти политиков, исповедующих иные идеалы, и устранением от руководства страной белого меньшинства, что может привести США к национальному кризису и даже к краху.

Важным является и тот факт, что основную часть ресурсов, обеспечивающих «роскошь американского потребления» США берут в «остальном мире», мире, большая часть которого находится на грани голода.

Мы убеждены, что эта реальность хорошо осознаётся руководством США, и именно с учётом этого понимания сегодня выстраивается вся современная внутренняя и внешняя американская политика.

Из этого может быть сделан один вывод: *раз масштабы и качество внутреннего потребления нельзя сократить, необходимо обеспечить беспрепятственное поступление мировых ресурсов в США, притом любой ценой, значит, и ценой насилия, а это означает неизбежность ведения Большой Америкой войны.*

Решением именно этой проблемы занимается, и будет заниматься всегда, любое руководство Североамериканских штатов.

В целом.

Нам представляется, что политическими руководителями США все основные решения относительно «Большой Американской войны» уже приняты, и относительно этого решения достигнуто общее согласие внутри американского политического истеблишмента, независимо от его партийной принадлежности.

Другими словами, ни один из будущих президентов США уже не сможет отклоняться, уходить или не вести этой войны.

В замысле этой войны, почти наверняка, содержатся базовые положения, покоящиеся на законах и принципах войны, согласно одному из которых – «мир может (должен) быть покорён (противник разбит) Америкой – по частям».

Другими словами, уже определена «очередность устранения противников», назначены главные направления войны и выработаны её приоритеты.

При этом «время войны» определено с учетом имеющейся реальной силы США, при одновременной относительной слабости их противников.

Представляется, что все реальные геополитические оппоненты и противники США планетарного уровня – Россия, Европа, Китай и исламский мир – индивидуально оценены, и относительно каждого из них выработана индивидуальная стратегия его сокрушения.

Современный стратегический пейзаж – США и другие геополитические игроки

Анализ «расклада» этого пейзажа выявляет ориентировочный масштаб и очередность «активных фаз войны», которая может выглядеть следующим образом.

Россия, обладающая ресурсосодержащими пространствами и пока еще сохраняющая возможность «утопить США за тридцать минут», является целью первого и основного удара США.

Прямая вооружённая борьба против России может быть осуществлена по мере исчерпания боеспособности наших средств стратегического ядерного сдерживания, а также по мере, и в случае успеха, уже осуществляемого относительно нас их «джентльменского набора».

В любом случае во внутренней сфере нас ждет:

- усиление кровопролития в Осетии, Абхазии, Чечне, Ингушетии и Дагестане;
- появление «параллельных – альтернативных» миротворческих сил на Кавказе;
- резкая активизация терроризма в Приволжских и Центральных регионах России;
- активизация всякого рода неправительственных «фондов» и «правозащитных организаций», проведение международных конференций по «осуждению России»;
- попытки «скупки на корню» национальных производств и институтов, определяющих обороноспособность России, а также их руководителей;
- провокационное умничанье своих и иностранных «пикейных жилетов»;

- планируемая некомпетентность экспертных оценок и важных решений, в том числе в области вооружений;

- нестойкость собственных должностных лиц и их экономических советников;

- распыление внимания руководителей государства и Вооруженных Сил РФ на второстепенные вопросы и вопросы, имеющие прямо провокационный смысл (типа «приватизации» армейской собственности, продажи неизвестно кому ее недвижимости и самых эффективных предприятий при практической утрате многих эффективных производств и важнейших технологий), дальнейшее обособление и отстранение гражданского персонала Минобороны от нужд и забот войск, коррупционная борьба за Государственный оборонный заказ и так далее;

- прямое ослабление роли прессы и национальных СМИ под лозунгом «не время выносить сор из избы», прикрываясь которым будет усиливаться произвол и коррумпирование власти...

И все это будет не случайным явлением, а вполне определённым сценарным планом.

Ислам всегда находится в поле внимания США.

Именно против исламского (международного) терроризма США ведут сегодня официально объявленную ими войну.

При этом важным является констатация следующего факта – США, обладая подавляющим общим превосходством и почти полным контролем над политическим радикальным исламом, то есть над исламским терроризмом:

- играет на «понижение» светских государств исламского мира, например, Сирии, Турции, Египта, – поддерживая их религиозно-политическую часть;

- играет на «понижение» религиозных государств, например, Саудовской Аравии, Пакистана и Ирака, – поддерживая их либерально-светскую часть;

- обеспечивает «послушность» Афганистана и Ирака формированием подручных режимов и своим прямым военным присутствием;

- используя все свои возможности, поддерживает общую разобщённость исламского мира;

- и всегда имеет систему причин и поводов «бомбить».

Европа все еще выглядит «подручной» США.

Эта «подручность» обеспечивается:

- резким усилением масштаба и качества прямого военного присутствия США в Европе;

- абсолютным доминированием в НАТО;

- умелым манипулированием «строительством Новой Европы» путем увеличения её проблем «расширением на восток» и приемом новых членов НАТО;

- генерацией новых европейских задач «во имя мира и демократии» типа независимости Косово, районов национальной ПРО США в Европе

и так далее, вплоть до попыток базирования в Черном море флота НАТО (или своего);

- все меньшим вниманием США к мнениям и интересам своих атлантических партнеров и проведением своих решений любым путем;
- созданием системы «особых» отношений с политическим руководством некоторых государств и «принуждением к дружбе» с США других;
- способностью создать «пылающий Париж» практически в любой стране старой Европы;
- полным контролем над политическими лидерами европейских «меньших братьев», и так далее.

Китай, безусловно, основной конкурент США планетарного масштаба.

США сегодня не готовы прямо воевать с Китаем, и этому есть несколько достаточно ясных объяснений, и мы приводить их не будем, укажем только на возможность губительного для Америки военно-политического союза Китая и России.

Нам представляется, что в этом вопросе совсем не главными являются ни растущая экономика Китая, ни мощь его этноса.

Мы считаем, что, возможно, главной задачей США является – столкнуть Китай и Россию в вооруженной борьбе за ресурсы российской Сибири и Дальнего Востока.

Выгоды этого плана для США очевидны:

- США одномоментно могут стать «спасителями мира и столпом его безопасности»;
- иметь взаимно ослабленных и уже неопасных глобальных соперников с тенденцией их собственного распада;
- пустое и незащищённое ресурсное пространство России;
- главное – безусловное лидерство в мире при сохранении собственной военной мощи и отсутствии равных конкурентов.

В то же время США, безусловно, никогда не оставят попыток ослабления Китая всегда и везде где это можно будет сделать, особое внимание при этом будет уделяться росту социального расслоения населения Китая и нарушению его внутренней стабильности.

Прямая вооружённая борьба против Китая будет без колебаний осуществлена США только при, или в ходе, реализации этого сценария.

Этот вывод касается всех стратегических соперников США, и в первую очередь России.

* * *

В целом.

С целью реализации базовых целей своей «Большой Американской войны» и стратегии национальной безопасности США ведут войну со всеми своими геополитическими соперниками – Китаем, Россией, Ев-

ропой и исламским миром, избирательно используя в этой войне набор прямых стратегий, стратегий не прямых действий и все имеющиеся у них ресурсы.

В самом общем виде замысел текущей части этой «Большой Американской войны» может быть представлен следующим перечнем её основных задач:

- *удушить Россию международной блокадой, то есть руками «мирового сообщества» или государств демократического альянса НАТО, а также «заклятых друзей-соседей»;*
- *обеспечить военную безопасность собственной метрополии – территории США, в том числе путём создания пояса своей национальной ПРО вокруг России, способного практически исключить возможный ответный ядерный удар с её территории;*
- *ввергнуть Россию в перманентный вооружённый конфликт с Грузией и Украиной, перевооружить их вооружённые силы и создать на территории этих государств свои военные базы;*
- *ослабить Европу её борьбой с Россией;*
- *заставить мир «забыть» о другой модели управления им – кроме американской;*
- *взбодрить собственную экономику милитаризмом;*
- *сплотить американское общество и «весь англо-саксонский мир» образом старого, но вновь обрётённого врага.*

Отдельная задача США – временно нейтрализовать Китай, например, «зализать» его «высокой оценкой Пекинской олимпиады», или впоследствии – предложить Китаю «Стратегическое партнерство США», в том числе и путем (предложением) раздела Сибири и Дальнего Востока России, одновременно принимая меры к его ослаблению и развалу.

На пространствах бывшего СССР США будут делать всё, чтобы не допустить дееспособности СНГ, ОДКБ и ШОС и не дать России осуществить на этих пространствах свой собственный геополитический проект.

Поэтому нам ещё предстоит всякого рода «цветные революции и их цветные лидеры», притом что это касается не только Азии, но и Беларуси и самой России, в общем – смотри «большой джентльменский набор».

Безусловно, одной из главных задач США является недопущение образования любых антиамериканских коалиций с участием хотя бы двух великих держав или геополитических противников Америки.

Абсолютно неприемлем для США любой союз России и Китая, России и (хотя бы части) старой Европы.

Таким, на наш взгляд, может быть общий расклад или современный стратегический пейзаж со стороны нашего американского «партнёра».

Таким образом США спешат воспользоваться своими имеющимися реальными геополитическими, экономическими, информационными и

собственно военными возможностями, так как это состояние подавляющего общего превосходства они смогут поддерживать ещё только несколько лет.

Примером этой «стратегической поспешности» является эпизод войны в Грузии руками их «собственных мерзавцев».

Война «все включено»

Подготавливаемая США и состоявшаяся агрессия режима М.Саакашвили против Южной Осетии проявила новейшие методы современной войны.

С точки зрения теории войны, это новый пример варианта войны, которую мы назвали «Война «се включено».

Суть этого вида войны – решить задачу и достичь целей войны путем создания «новой политической реальности».

Создание «новой политической реальности» осуществляется через формирование системы «собственных мерзавцев» (по классическому высказыванию одного из президентов США относительно диктатора Сомосы) как субъектов войны, с применением «большого джентльменского демократического набора».

Этот «набор», по мысли его авторов, должен включать необходимый перечень условий ведения войны, достаточный для того, чтобы гарантировать ее общий успех.

Применительно к этой войне приблизительный (почти штатный) состав этого «большого джентльменского набора» выглядит следующим образом:

- маленькое «подручное демократическое государство» в зоне национальных интересов США, а это значит – везде, где есть возможность влезть и наложить свою лапу, но лучше всего на ресурсосодержащих или транзитных территориях;
- передовой (продвинутый) демократический лидер, лучше всего получивший образование и женатый на гражданке США, здесь подойдет любой, в том числе зависимый и не очень здоровый человек;
- агрессивный и опасный сосед, «мечтающий о захвате маленькой демократической страны»;
- «готовое» (почти собственное) мировое информационное поле;
- «готовое» (собственное) общественное мнение, включая «атлантическое единство»;
- декларированная «готовность» США к поддержке и прямому участию в конфликте и так далее.

Представляется, что этот «джентльменский набор» скоро будет дополнен:

- «следами Бен-Ладена и сговором «Аль-Каиды» с агрессивным соседом» с видеорядом действий разведроты чеченского батальона «Восток»;

- готовностью Украины, Польши и Прибалтики «с оружием в руках противостоять русскому нашествию на Европу и демократические ценности»;

- кадрами последствий «диверсий России на объектах Грузии», рассказами мирных жителей Грузии, «пострадавших от мародёрства русских солдат», кадрами «зверств пьяной русской солдатни» и так далее, притом что никто из серьёзных представителей США или Евросоюза никогда не приедет в Цхинвал и вся информационная картина будет рисоваться из Тбилиси.

Особый интерес представляют новые и типичные североамериканские стратегические методы ведения «войны – все включено», которые являются главными в их «большом джентльменском наборе», так как именно они формируют новые стратегические константы и дают американцам новые региональные стратегические козыри:

- первый – скупка на корню руководителей государств, политических деятелей и военного руководства;

- второй – приведение к власти в государствах-реципиентах демократическим «цветным» путем реальных «отморозков», которым некуда деться, кроме как передать свою страну Америке;

- именно эти константы технологии войны, которой США дали точное название «смена режима» (regime change), являются основными для достижения Америкой своих стратегических целей в любом конкретном регионе.

Агрессия режима Саакашвили против Южной Осетии началась именно тогда, когда были практически закончены все предварительные и обязательные действия Америки по окончательному формированию своего «большого джентльменского набора».

Анализ суммарной эффективности этих факторов, включение которых в сценарий войны является обязательным, позволяет нам сделать следующие выводы:

- создаётся модель формирования информационной картины мира, в которой США получают легитимацию всех и любых своих действий;

- все разговоры о «двойных стандартах» становятся бессмысленными, так как они (то есть любая открытая, но выгодная Америке ложь на всех уровнях их государственной иерархии) изначально формируют рамки новой политической реальности, в которой правда жизни только ожесточает интенсивность пропаганды, так как все информационные поводы берутся, например, от (поедающего собственный галстук) официального лица «маленькой, пострадавшей, но гордой демократической страны» и трансформируются в «грозный оскал» Кондолизы Райс;

- все это пока еще позволяет США создавать видимость легитимности своих действий и пользоваться этим для реализации целей своей стратегии относительно (в данном случае) России и Евросоюза.

Цели Америки недвусмысленны – лишить Россию самой возможности защиты её национальных интересов, ведь именно так говорила госсекретарь США Кондолиза Райс о России, предлагая миру во главе с США «наказать» её за победу на Кавказе.

Теперь нужно ожидать, что флот США обоснует свое присутствие в Черном море и США получают базу его дислокации в Потии, а Украина отдаст в аренду Америке бывшие советские военные базы.

Таким образом, кольцо национальной ПРО США, от Норвегии на севере, Польши и Чехии на западе, может быть сомкнуто на юге в Грузии и Украине – что и требовалось заказчику.

Обрадованные поспешностью США и аттракционом их «неслыханной щедрости» грузинские, украинские, польские, чешские и прибалтийские «саакашвили» ускоряют свое бегство в НАТО, чем пытаются оттянуть свою неизбежную политическую смерть в собственных государствах.

Именно так Америка формирует новую политическую и геополитическую реальность, которая имеет уже не информационно-фантомный, а предельно конкретный, реальный и опасный для России и безопасности мира вид.

* * *

Мы считаем важным отметить, что эта война ведётся в точном соответствии с законами и принципами войны.

Согласно теории войны одна из фаз операции, направленная на создание благоприятных условий для завершения всей кампании, называется «изоляция поля боя».

Реализация этого принципа на практике означает создание условий полной невозможности для противной стороны какого-либо усиления воюющих войск (сил) резервами, управляющими воздействиями и любой помощью, а также – лишение противника возможности сопротивления, любого маневра и даже бегства с поля боя, на котором он, доведённый до полного отчаяния, противник, осознаёт всю бессмысленность своего сопротивления и, под угрозой неизбежного и унижительного уничтожения, сдается на «милость победителя» – вариант «Бури в пустыне».

Применительно к этому эпизоду «Большой Американской войны» «изоляция поля боя» значила для США – изоляцию всего мира от правды, а также их действия, направленные на то, чтобы любым путем оставить тлеть этот (Кавказский) очаг напряженности и вооруженного противостояния России и режима Саакашвили, а также изолировать Россию от мира и Кавказа.

Представляется, что США высоко оценивают эффективность своих самых дорогих в их истории «сторонников» в Украине и Грузии и готовы тратить на них далее, а сам «грузинский эпизод» войны не окончен.

Реальное окончание войны не нужно ни США, ни М. Саакашвили, поэтому мы уверены в том, что:

- вооруженные силы режима М.Саакашвили будут восстановлены и качественно улучшены США, Израилем, Украиной и НАТО;
- провокации, прямые террористические, диверсионные и открытые вооружённые действия против наших миротворцев в Осетии и Абхазии будут только нарастать;
- следующая агрессия против «мятежных территорий» будет основательно подготовлена в военном и информационном плане, а войска агрессора будут основательно прикрыты ПВО, авиацией и «томагавками» США–НАТО;
- это будет другая война, агрессия с применением современного высокоточного оружия, и в прямом эфире, и так далее;
- международного осуждения режима М.Саакашвили и его блокады не будет, и России придётся всё решать самой;
- после, наверное, скорой «зачистки» М.Саакашвили, Америкой будет назначен «на Грузию» другой (очередной), независимо от пола и возраста, «свой мерзавец».

Это значит, что Россия должна:

- официально признать и удостоверить государственную легитимность и независимость Южной Осетии и Абхазии;
- официально заявить, что режим М.Саакашвили объявляется военным противником, он сам – военным преступником, и принимать исчерпывающие меры по сокрушению его военной организации;
- официально возбудить уголовное дело против М.Саакашвили и военного командования Грузии, расследовать – кто, кому и какие команды отдавал и роль каждого должностного лица в преступной цепи агрессии и геноцида;
- возбудить слушания в международных организациях по поводу преступного поведения наблюдателей ОБСЕ и грузинских «миротворцев» в Южной Осетии;
- выступить с предложением о полной демилитаризации Грузии и предложить для этого соответствующий (возможно, международный) план;
- не стесняться применять успешный опыт Израиля и США по перманентному уничтожению объектов военной инфраструктуры и техники противника, в том числе с объявлением зоны, в которой не могут появляться никакие летающие объекты грузинских вооружённых сил и их средства ПВО;
- жёстко предупредить об этом решении НАТО, США и всех соседей, с учетом прецедентных действий США в Ираке;
- организовать постоянный мониторинг выполнения этих условий режимом М.Саакашвили и полномасштабное информирование об этом мирового сообщества;

- привести собственные вооружённые силы к способности вести боевые действия другого уровня;
- не отступать от принятых решений до полного достижения своих целей.

Ложь как базовый принцип национальной стратегии США

Печально, но сегодня уже можно утверждать, что основным принципом национальной стратегии США является «большая ложь».

Надо признать, что эта «большая ложь» первоначально Америке удалась.

Мир поверил Д.Бушу и К.Райс как официальным и высшим представителям государственной власти США и, первоначально, промолчал.

Почему первоначально «промолчал мир»?

Нам представляется, что здесь есть, по крайней мере, *несколько основных объяснений.*

Первое. Мир был потрясён масштабом и циничностью вранья официальных лиц великой демократической державы – признанного «столпа демократии» и главной защитницы демократических ценностей (американской мечты) для всех.

Второе. Мир не ожидал, что Россия «осмелится» так жёстко и сокрушительно ответить на агрессию режима М.Саакашвили, так как никто не предполагал, что новая мощь России позволит ей так основательно и решительно обрушиться на этот «любимый американский проект», победить и быть при этом правой.

Третье. Мир не мог поверить, да и до сих пор верит с трудом, что США ответят так резко, истерично и цинично, а все свои действия будут основывать на тотальной и явной лжи, так бездумно заявят себя в качестве члена агрессивной стороны конфликта, и так открыто будут поддерживать явное преступление этого режима против человечности, и так «тупо» будут продолжать эту, уже провалившуюся, операцию.

Четвертое. Сам факт явления новой российской мощи вызвал истерику и испуг главным образом политиков тех государств, которые изначально связали свое политическое будущее с США (страны Балтии, Польша, Украина) и кроме русофобии неспособны ни к чему другому, а также у тех, кто по-прежнему верит, что «без Америки мир рухнет».

Пятое. Молчали те, кто всё ещё видит смысл собственной игры с США, наивно полагая, что при необходимости им удастся вырваться из их объятий, и поэтому «кладёт яйца в обе корзины», и так далее.

Но для руководителей США самой главной задачей была задача – успеть любой ценой «расставить акценты и запугать всех пугающихся».

Именно с этой целью (успеть, пока не стала явной гибельная для Америки правда) США не дали состояться встрече Россия–НАТО, и именно

с этой целью США форсировали демонстрацию «атлантической солидарности» на заседании министров иностранных дел НАТО.

Представляется, что достигнутое словесное «единство» уже не будет долгим и, естественно, монолитным.

Мир, Европа и НАТО все более убеждаются в том, что все, что делают США, в конечном счете кончается крахом, и в первую очередь – потерями, которые несут государства – их союзники.

Именно поэтому у Америки в мире сегодня не существует союзников на уровне народов и наций, но есть только конкретные политики некоторых государств.

Почти все из тех государств, которые могут быть причислены к союзникам США, реально являются только их заложниками, так как США практически в любой «союзной» стране могут создать экономический кризис или разбудить «растяжки радикального ислама».

В этом плане интересно угадать, через сколько дней в Париже в очередной раз начнут жечь машины и бить витрины, если Саркози посмеет открыто не поддержать замешанное на крови осетин и открыто вранье новое атлантическое единство.

Но история человечества с убедительностью доказывает, что всё, что построено на обмане, лжи, жадности и насилии, в конечном счете всегда кончается крахом самого идущего этим путём.

Примером этой констатации являются итоги совершённой американо-грузинской авантюры:

- окончательное отделение и суверенизация Южной Осетии и Абхазии;
- уничтожение любой политической перспективы местного «собственного мерзавца»;
- рост авторитета России в мире;
- падение авторитета США;
- снижение уровня безопасности в Европе и мире.

За что боролись США? Как всегда, «за демократию и американскую мечту». Так в чем эта мечта и во что она обходится миру?

Мы можем только предвидеть, к каким конечным и печальным результатам приведёт США и ее сателлитов такая стратегия.

Вывод напрашивается только один – современная стратегия США безумна по своим целям и катастрофична для США и мира по своим последствиям.

Что должна делать Россия

В короткой статье невозможно сказать все.

Поэтому скажем, что Россия уже успела сделать.

1. Почти впервые за последние пятнадцать лет наша государственная власть всё делает правильно, то есть она принимает решения быстро, в правильном направлении, исполняет свои решения чётко, и народу за свою власть не стыдно.

2. *Власть не стесняла армию, и она прекрасно справилась со своей задачей:*

- Генеральный штаб доказал, что все еще может быть эффективным органом военного управления;
- войска знали, что делать и свои задачи выполнили;
- агрессор был разгромлен, его военная структура дезорганизована, и её нужно создавать практически заново;
- установила контроль над ключевыми объектами военной инфраструктуры;
- доказала свою боевую эффективность в конкретном боевом столкновении, высокие морально-боевые качества личного состава, и так далее.

3. *Официальное признание суверенной государственности Абхазии и южной Осетии произошло быстро и чётко, а сам факт признания этих дружественных государств есть первая после 1991 года геополитическая победа России.*

4. *Россия ни часа не медлит с обустройством Южной Осетии, Абхазии и с закреплением своего официального военного присутствия в новых независимых государствах.*

5. *Чередой последующих действий России – относительно НАТО, в ООН, в Черном море, в Шанхайской организации сотрудничества и так далее – показала, что сегодня наступает момент, способный (конечно, не сразу) положить начало формированию вокруг России государств и наций, не желающих жить по указке США и которым уже стыдно жить по даже вынужденной лжи.*

Представляется, что человечество начинает понимать, что её историю надо писать чистыми руками, и эти чистые руки оно всё более видит в России.

6. *Конечно, основные трудности России ещё предстоят, но уже никто и ничто не сможет отменить сделанного. Сегодняшний гвалт «мелких и крупных» Россия должна и будет сносить со спокойствием Праведной силы, какой она себя и ощущает и чего так долго ждали ее народы.*

Как видим, Россия уже сделала много.

Конечно, нужно довести до конца расследование и наказание режима Саакашвили и лично его самого, который, как представляется, уже обречён, так как его уже «списали» США и своим судом осудили жители Южной Осетии, но это не главное.

Поэтому – главное.

Великий Александр Невский сказал: «Не в силе Бог, а в правде!». Это значит, что лучшей национальной стратегией России может быть только Стратегия Правды.

Это значит, что наши идеи, помыслы и действия должны быть нравственными, что будет давать нам дополнительные силы нашего собственного духа и поддержку мира.

Россия не может позволить себе ошибок в национальной стратегии, в качестве своего руководства, в сферах национальной обороны и информации.

Нам представляется, само понимание того факта, что главную угрозу национальной безопасности США представляют ее собственная порочная стратегия, ее администрация и ее «собственные мерзавцы», а не Россия, по всей вероятности, наступит не скоро.

Поэтому после победы над агрессором России нельзя допустить своей послепобедной эйфории и почти неизбежной расконцентрации, а также «воровства под шум победы».

Сегодня на первый план выходит необходимость осознания государственной властью и обществом России того факта, что война США против России не прекращалась и сегодня приобретает всё более жёсткие, собственно военные (даже вооруженные) черты, и она будет продолжаться.

Осознание этого факта должно повлечь введение в повседневную деятельность всех структур и институтов государства государственно-мобилизационных практик, и определить повышенное внимание государства и общества к качеству национальной обороны, национальной кадровой политики и нашей информационной сферы.

* * *

В заключение мы позволим себе сформулировать несколько важных утверждений.

- *Великую державу нельзя изолировать извне по определению.*
- *Великая держава способна изолировать себя от мира и уничтожить себя сама, путём совершения ряда последовательных шагов по реализации собственной безумной стратегии.*
- *Великая нация, которая слушает только собственную администрацию и не слушает собственных мудрецов, обречена на конечный крах.*

Вернёмся к эпиграфу: «Сон разума рождает чудовищ. Сон совести рождает уродов. Сон разума и совести рождает мерзавцев».

Нам сейчас неважен ответ на вопрос, «у кого спят Разум и Совесть в США», нам важно, чтобы Разум и Совесть не спали в России.

Мы считаем, что эти выводы сегодня актуальны для России не меньше, чем для Америки, так как война против нас идет, никогда не прекращалась, и мы не имеем права её проиграть.

*18 августа 2008 г.,
г. Москва*

Вагиф Гусейнов

**ТЕЗИСЫ
О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ АВГУСТА-2008**

Южный Кавказ даже на беспокойном постсоветском пространстве выделяется своим конфликтогенным потенциалом. Три из четырех самопровозглашенных республик, появившихся на постсоветском пространстве (ПСП) после распада СССР, являются южнокавказскими республиками. В эти конфликты втянуты и от них страдают все три государства Южного Кавказа, разрешить их не один год безуспешно пытаются заинтересованные мировые и региональные державы, общеевропейские организации...

Да и пытаются ли?

Война в Южной Осетии – первое военное столкновение между странами СНГ – поднимает ряд вопросов, выходящих далеко за рамки двусторонних отношений России и Грузии. Попытаюсь тезисно изложить своё мнение относительно некоторых аспектов этой пятидневной войны и её возможных долгосрочных последствий.

1. Кто подтолкнул Саакашвили к военной авантюре в Южной Осетии, закончившейся для него крахом? Сегодня западными политиками и прессой дело выставляется так, что Саакашвили напал на Южную Осетию вопреки предостережениям своих американских советников и покровителей, которые якобы удерживали его от этого неразумного шага. «Еще 9 июля, во время визита в Тбилиси, Кондолиза Райс недвусмысленно предупредила грузинского лидера о недопустимости ввязывания в военный конфликт с Россией. Белый дом удивился, что его рекомендацию проигнорировали», – писало одно из российских изданий.

В подобных рассуждениях больше наивности, чем логики. Российская сторона, обеспокоенная наращиванием грузинских войск с тяжёлыми наступательными вооружениями у границ Южной Осетии, явно готовящимся вторжением, предприняла 8 июля демонстративный облёт этих группировок военными самолетами. Как посчитали в России,

эта мера позволила «охладить горячие головы в Тбилиси и предотвратить развитие ситуации по силовому сценарию», т.е. предотвратить вторжение, но она вызвала громкие и дружные осуждения России со стороны США и их западных союзников. Грузия потребовала созыва Совета Безопасности ООН, на котором при полной поддержке США попыталась представить эту предупредительную меру как акт агрессии со стороны России. Г-жа Райс во время упомянутого визита в Тбилиси безоговорочно поддержала грузинского президента и фактически обвинила Россию в нагнетании напряжённости в зоне конфликта.

Буквально накануне вторжения Грузии в Южную Осетию Москва предложила Совбезу ООН принять резолюцию с призывом к отказу от применения силы обеими сторонами. Это решение могло бы предотвратить кровопролитие, но было заблокировано США и западными странами. Тем самым США фактически дали добро Саакашвили на вторжение, чем он и не преминул воспользоваться, обрушив свои «грады» и танки на Южную Осетию.

Кто все эти годы вооружал и оснащал грузинскую армию, финансировал её, готовил отнюдь не к обороне, а именно к активным наступательным действиям, натаскивал её в Ираке? С чьей помощью военные расходы Грузии постоянно росли и по уровню милитаризации эта страна давно вырвалась в безусловные лидеры среди стран СНГ? И могла ли переполненная экономическими и социальными проблемами бедная страна позволить себе тратить на военные нужды больше миллиарда долларов в год, по некоторым оценкам, что составляет почти 10% ВВП Грузии? (По данным СИПРИ, Грузия является абсолютным лидером среди постсоветских стран по военным расходам. В 2008 г. ее официальный военный бюджет составил 1 млрд. долл., или 5% ВВП. На 2009 год военные расходы в бюджете запланированы на уровне 4,4% ВВП, что является рекордным показателем не только среди стран СНГ, но и среди стран всего Евразийского континента. Понятно, что оценки СИПРИ не учитывают скрытых финансовых и материальных вливаний со стороны США и Запада)¹.

Можно напомнить также, что еще с 2003 года американским военным на территории Грузии официальными властями страны была предоставлена беспрецедентная свобода действий.

Конечно, прямую команду Саакашвили начать наступление на Южную Осетию президент Буш не давал, но то, что за спиной Саакашвили стояли определённые силы, связанные с американской администрацией, сомнений нет. Именно они помогли сформировать у грузинского президента твердое убеждение, что Россия не рискнёт предпринять какие-либо силовые меры в защиту Южной Осетии. Тем более что некото-

¹ Газета «Азербайджанский конгресс», №12(113), 3 апр. 2009.

рый прецедент уже имел место в ситуации с Аджарией, когда президента этой республики Аслана Абашидзе, который пользовался полной поддержкой Москвы, удалось свергнуть быстро и безболезненно.

Сегодня доброхоты в той же Америке задаются вопросом: почему грузинская армия не предприняла попыток подорвать Рокский тоннель и тем самым закрыть единственный путь для Российской армии? Ответ простой: Саакашвили был убежден, что Россия не посмеет вмешаться. А подрыв тоннеля перекрывал бы дорогу беженцам и не позволил бы выдавить осетин на территорию России, что и было задумано операцией «Чистое поле», и привел бы к ещё более массовым жертвам среди осетин.

Не совсем корректно будет не упомянуть еще об одном факторе, который, помимо американской поддержки, вселил в Саакашвили уверенность в окончательном успехе его военной авантюры в Южной Осетии. Назовём его «головокружением от успехов».

За непродолжительное время своего правления новый грузинский лидер добился (хотя и незначительных, но все же...) успехов на экономическом поприще – начался рост ВВП (в первую очередь за счет энергетического транзита), несколько укрепился курс национальной валюты лари и т.д. Это обстоятельство могло породить у грузинской политической элиты искажённое представление об истинном положении вещей на геополитической карте Южного Кавказа. Некоторые успехи в экономике, лёгкая «победа» в Аджарии, сильная, оснащённая американцами армия – что ещё нужно для дальнейшего утверждения Саакашвили в роли регионального лидера?

2. Чего добился Саакашвили? Полностью проиграв пятидневную войну и не сумев окончательно «зачистить» территорию Южной Осетии от осетин, грузинский лидер даже после столь жестокого поражения постарался повернуть дело так, что многие его цели в рамках конфликтов с Южной Осетией и Абхазией можно считать достигнутыми. Конечно, заслуга в этом не столько Саакашвили, сколько поддерживающих его американских покровителей.

Так, прервано монопольное миротворчество России, конфликты в определённом смысле интернационализированы, чего давно и безуспешно добивался Тбилиси. Россия из миротворца превратилась как в глазах западного сообщества, так и, вообще говоря, по объективным оценкам, де-факто в одну из сторон конфликта. Во что это выльется в дальнейшем – пока сказать трудно, но ясно одно, что Россия если и примет участие в миротворческих силах в зоне конфликтов Грузии с Абхазией и Южной Осетией (если таковые будут когда-нибудь созданы), то только в составе многонационального миротворческого контингента, под контролем западного командования.

Саакашвили всеми силами всегда старался, что называется, столкнуть лбами Россию и Запад. Если в отношении США особых стараний

ему не пришлось прикладывать, скорее, наоборот – вашингтонская администрация использовала Саакашвили как главный козырь в анти-российских политических играх, призванный оказывать постоянное давление на Россию, то в отношениях с Европой дело обстояло иначе. Серьёзные политические деятели Западной Европы втайне расценивали Саакашвили как вашингтонскую марионетку, как человека экзальтированного, способного на необдуманные поступки и не очень чистоплотного в выборе средств как во внутривнутриполитической борьбе, так и, особенно, в отношениях с Россией. После войны в Южной Осетии и признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии многие ранее достаточно лояльно относящиеся к России европейские страны и политики встали на сторону Вашингтона и Тбилиси, обвиняя Россию как агрессора, нарушителя норм международного права. На Западе стал формироваться консолидированный антироссийский фронт.

Саакашвили добился также не только психологического перелома в свою пользу – в Европе, как правило, стараются не вспоминать, что война в Южной Осетии развязана им и что в ходе ее использовались варварские методы истребления мирных жителей, приведшие к многочисленным жертвам, разрушены мирные города и села, что фактически Саакашвили проводил в отношении осетинского населения политику геноцида.

Как ни странно, но, даже несмотря на значительные потери военной техники и разрушение ряда объектов военной инфраструктуры Грузии, выиграл он и материально. США и страны НАТО безвозмездно, с лихвой и очень быстро возместят ему потери в военной технике, восстановят военную инфраструктуру и, в общем, подготовят к новому вооружённому нападению, которое, если оно всё же случится, будет не только поддержано военной мощью США и НАТО, но и прикрыто их политическим и информационным щитом.

В совместном заявлении президентов России и США по итогам их встречи 1 апреля 2009 г. в Лондоне по Грузии говорится: «Несмотря на то, что у нас нет согласия в отношении причин и последовательности военных действий в августе прошлого года, мы согласились, что мы должны продолжать усилия в направлении мирного и долгосрочного урегулирования нестабильной ситуации, сложившейся в настоящий момент», и что «необходимо выполнение плана из шести пунктов, других соответствующих договоренностей и продолжение эффективного сотрудничества в рамках женеvских дискуссий».

И все же... Вряд ли можно признать случайным визит американского военного фрегата в порт Батуми (31 марта – 2 апреля), приуроченный к встрече Обамы и Медведева в Лондоне. Посетив этот корабль, Саакашвили заявил, что Грузия и США «переходят к новому этапу стратегического сотрудничества», а практически это подразумевает «создание

вооружённых сил на новом уровне и практически новой грузинской армии». И все это послужит, как считает Саакашвили, «деоккупации Грузии» и выдворению с территории Грузии «последнего солдата-захватчика». Конечно, в обычной для него манере выдавать желаемое за действительное грузинский президент не преминул выразить глубокое удовлетворение тем, что на встрече президентов США и России «сохранились глубокие расхождения во мнениях по вопросу о Грузии».

Сомнений нет, что Грузия под предводительством Саакашвили в августе 2008 года проиграла войну в Южной Осетии. Но выиграла ли ее Россия – еще вопрос. Тем более что за спиной марионеточного грузинского лидера и сегодня маячит тень его главного покровителя – США.

3. Могла ли Россия повести себя иначе в ходе развязанной грузинскими властями войны в Южной Осетии? На этот вопрос следует дать однозначный ответ – нет! Россия была поставлена в такие условия, что отделаться лишь призывами к миру и требованиями вывода грузинских войск она не могла, не потеряв при этом окончательно лица как страна, долгие годы выполнявшая в зонах конфликтов в Абхазии и Южной Осетии миротворческие функции, как единственная надежда народов Абхазии и Южной Осетии, их защитница от истребления и вытеснения из родных мест. Проявив себя как слабая и запуганная страна, Россия нанесла бы невосполнимый урон своему морально-психологическому облику, особенно в глазах кавказских народов, в том числе и на российском Северном Кавказе. Очень скоро это сказалось бы на политике и экономике – кому охота иметь дело со слабой и непостоянной страной, неспособной постоять даже за собственных граждан?

Конечно, у российского президента, принимавшего решение о вводе российских войск в зону конфликта, был выбор: не защищать слабых, а встать на сторону сильных – это намного выгоднее и безопаснее, тем более, что признание независимости Абхазии и Южной Осетии, чего греха таить, создаёт для России больше проблем, чем выгод. А, как гласит пословица, «стыд не дым, глаза не выест». Но у Д.Медведева хватило мужества не бросить на произвол судьбы народы Южной Осетии и Абхазии, что заслуживает безусловного уважения.

Но дело не только в государственной морали и взятых Россией на себя миротворческих обязательствах. В случае реализации задуманных грузинским руководством планов к южным границам России вплотную выходила бы военная машина недружественной, даже враждебной Грузии, а затем и НАТО. И очень скоро можно было бы ожидать дестабилизации ситуации в северокавказских республиках России, активизации действий здесь террористических банд, ваххабитских джамаатов, сепаратистских движений. Резко возросла бы угроза дальнейшего расчленения России, которую и теперь ещё рано сбрасывать со счетов.

Так что предпринятая Россией операция по принуждению к миру Грузии была вызвана и серьезной обеспокоенностью России за собственную безопасность, за безопасность своих народов и за целостность страны.

4. Проиграла ли Россия информационную войну? Думаю, что нет. На этот раз руководство страны и Минобороны, органы, отвечающие за информацию, сработали на вполне приличном уровне. Конечно, нашим руководителям не угнаться за Саакашвили, который, по существу, работал внештатным корреспондентом CNN и других ведущих западных агентств, не гнушаясь при этом озвучивать любые инсинуации в адрес России, не считаясь с их достоверностью. Надо отдать должное, грузинский президент умеет извлекать пропагандистские «дивиденды» даже из проигрышных ситуаций. Ему отказали участвовать в саммите ЕС, но он тут же заявил, что и не собирался покидать Грузию, так как... Россия его может не пустить обратно. Да и западные СМИ (за редким исключением) не придираются к излагаемым Саакашвили «фактам», считая, как видно, что в «войне (информационной) все средства хороши» и что в любой войне, как заметило одно из российских изданий, «не может быть правых и виноватых, а есть свои и чужие».

Оценивая возможности и практику России в информационном обеспечении военных действий в Южной Абхазии и последующих действий российского руководства, надо учитывать и то, что в мировом информационном пространстве полностью доминируют США и их западные союзники, создавшие, по существу, «глобальную информационную империю», способную, грубо говоря, выдать черное за белое. Через такие информационные бастионы трудно пробиться правдивой, но невыгодной для Вашингтона и Брюсселя информацией.

Об этом говорил в своем интервью телекомпании CNN премьер России В.Путин, это же подчеркнул президент Д.Медведев на пресс-конференции по итогам прошедшего 28 августа 2008 г. саммита ШОС: «Я не мог не рассказать, как реально обстояли дела (по Южной Осетии). Та картина, которая шла через западные СМИ, существенно отличалась от того, кто был агрессором и кто должен нести ответственность, как моральную, так и политическую и правовую, за то, что произошло. Поэтому я рассказал, какими мотивами мы руководствовались».

Но в информационном преимуществе Запада не только заслуга наших конкурентов, виновны в нем и мы сами, долгие годы занимавшиеся разделом имущества и переделом активов, вместо того чтобы готовить страну к вызовам современного мира.

Так, например, совершенно ясно, что созданный США косовский прецедент послужил тем запалом, который подорвал ситуацию вокруг самопровозглашенных республик. Однако о Косово в связи с конфликтом в Южной Осетии даже не вспоминают ни американские, ни европейские политики, замалчивают эту тему и зарубежные СМИ.

Стоит отметить и еще одну особенность, касающуюся информационного обеспечения внешнеполитической деятельности сторон. Западное общественное мнение, как представляется, более подготовлено к тому, чтобы проглатывать, «не разжевывая», практически любую информацию, преподносимую ему в массовом порядке. Российское же общество, воспитанное на «кухонных дебатах» советских времен и ощутившее вкус полной «свободы слова» в последние два десятка лет, начиная с горбачёвских времён, более критично воспринимает любую информацию, преподносимую ему официальными властями. И тем не менее стоит отметить, что решение президента о вводе российских войск в зону южноосетинского конфликта и последующее признание независимости двух самопровозглашённых республик одобрило большинство российского населения.

5. Россия лишилась всех своих былых союзников, не приобретя новых? Действительно, союзников у России сегодня практически нет. СНГ давно превратился в клуб встреч президентов, хотя определённые преференции, в основном экономического плана, для его участников сохраняются. Так что демонстративный выход из Содружества Грузии останется незамеченным, тем более что Тбилиси давно фактически устранился от работы в его органах. Никто из членов СНГ официально не поддержал силовые действия России в Южной Осетии и Грузии. Но это говорит лишь о том, что большинство наших соседей по СНГ озабочены собственными проблемами сепаратизма и вынуждены придерживаться осторожной позиции.

России не стоит возлагать большие надежды и на Организацию Договора о коллективной безопасности.

Ближайший союзник России Белоруссия также предпочла осторожно подойти к поддержке действий Москвы в Южной Осетии. Осторожность эта понятна. Из всех президентов стран СНГ Лукашенко в глазах общественного мнения Запада давно выставляется как наиболее одиозная фигура, а его страна отнесена самоназначенным «мировым судьёй» – Соединенными Штатами – к «странам-изгоям». Причина отнюдь не в авторитаризме Лукашенко и «ущемлении гражданских свобод» в этой стране. Для Запада Белоруссия может стать очень важным восточным форпостом на подступах к России, и «овладеть» им, сменив нынешний политический режим на лояльный, представляется для США и стран НАТО не только весьма заманчивой, но и вполне решаемой задачей. Рычагов для этого создано более чем достаточно.

Согласимся и с тем, что порою неясно артикулированная позиция российских лидеров в отношении Белоруссии как в политических, так и в экономических вопросах, затянувшееся строительство единого Союзного государства вынуждает Лукашенко маневрировать между Россией и Западом, как в преддверии парламентских выборов в своей стра-

не, состоявшихся в сентябре 2008 года, так и особенно в условиях глобального кризиса.

Сегодня у России союзников, в полном смысле этого слова, нет. Война в Южной Осетии показала это достаточно ясно. Государства СНГ (Украину, по понятным причинам, надо исключить) вынуждены лавировать между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем, а страны Центральной Азии – еще и Пекином. Осуждать их за это нельзя, но и сильно рассчитывать на их серьезную поддержку не стоит.

Если Россия сумеет достаточно укрепнуть в экономическом отношении, эта ситуация может измениться. Но политика Запада, в том числе и на Южном Кавказе, как раз и направлена на то, чтобы не допустить этого.

6. Что можно сказать о военных итогах операции? Прежде всего, надо отметить, что Российская армия действительно проводила операцию по принуждению к миру, и провела ее, в общем-то, профессионально, хотя и не без огрехов. Её целью не было уничтожение грузинских солдат, которых Саакашвили бросил на верную гибель, не рассчитывая на военный ответ России. Грузинская армия понесла очень незначительные потери в живой силе (грузины, по официальным данным и показаниям пленных, потеряли 250–260 человек убитыми и более 550 ранеными, при том что численность грузинских войск, сосредоточенных против Южной Осетии, составляла порядка 12 тыс. человек). Российская армия, войдя на территорию Грузии в районы сосредоточения её военной техники и военных объектов, не стала продвигаться дальше, хотя не встретила никакого сопротивления, и уже к исходу 12 августа была выведена в районы, оговоренные соглашением между Д.Медведевым и Н.Саркози.

Война также показала, что грузинская армия, подготовленная американцами, не столь уж слаба. Она хорошо организована, обучена, вооружена и экипирована. Значительная часть личного состава прошла «обкатку» в Ираке (грузинский контингент в Ираке численностью в 2000 человек, периодически заменяемый по принципу ротации, – третий по величине после США и Великобритании).

В то же время выявились существенные недостатки в вооружении и оснащении Российской армии: старая и даже не модернизированная бронетехника времен Афгана и первой чеченской войны, никудышная индивидуальная защита военнослужащих, не выдерживающие никакой критики, по современным критериям, системы боевого обеспечения – связи, разведки, управления. Нет в достаточном количестве беспилотных самолётов-разведчиков, боевых информационно-разведывательных систем, современных средств радиоэлектронной борьбы и еще многого другого, что давно уже находится на вооружении современных армий. То есть война показала существенное технологическое отстав-

ние России в вооружениях и военной технике. И это несмотря на то, что о военной реформе не переставали говорить в течение всех 17 лет существования Российской армии. За семь лет на вооружение нашей армии поступило всего 114 танков Т-90 (танк разработан еще в советское время, первые его образцы стали поступать на вооружение в начале 1990-х годов, уже после развала СССР) и 14 самолетов различных типов. И это притом, что программой на 2007–2015 годы планируется выделить 4,9 трлн. руб., т.е. ежегодно 625 млрд. руб. (около 17 млрд. евро). В 2008 г. на перевооружение выделено 368 млрд. руб. (около 10 млрд. евро)¹. Но, выходит, расходуются эти средства, мягко говоря, неэффективно. Здесь есть серьезные вопросы к нашему военному ведомству и ОПК.

7. Война в Южной Осетии, вопреки всем миролюбивым декларациям Брюсселя постсоветских лет, ясно продемонстрировала антироссийскую сущность НАТО. Никаких попыток разобраться в истоках августовского конфликта. Никакой критики, никакого осуждения в адрес Саакашвили со стороны альянса (впрочем, за что ругать грузинского лидера, если он действует в том же русле, что и НАТО?). Весь обличительный пафос был обрушен на Россию. Но главное – сразу же после конфликта начато срочное «возмещение ущерба», понесенного Грузией в военной технике и вооружениях. Складывается впечатление, что Грузию срочно готовят к новой войне – и не за «освобождение оккупированных территорий», это лишь очень удобный предлог, а против России, осмелившейся пойти наперекор альянсу в его экспансионистских планах.

И поэтому самым главным военно-политическим итогом этой войны можно считать то, что становится реальностью новая «холодная война», возрастает угроза военного противостояния в Европе, вновь замаячил на горизонте призрак большой ядерной войны, канувший, еще недавно казалось, в прошлое. Россию в качестве предупредительного шага «наказали» тем, что сразу же были приостановлены заседания Совета Россия – НАТО. Орган этот, созданный в 1997 году, за 10 лет своего существования показал свою почти полную бесполезность для нашей страны – он не снял ни одной озабоченности, связанной с расширением НАТО и приближением военных группировок блока к границам России. Совет Россия – НАТО – это, скорее, дополнительный рычаг давления на нашу страну. И поэтому было безусловно правильным на тот момент ответное решение Минобороны России о прекращении контактов с НАТО в военной области. Но, скорее всего, это состояние временное, НАТО всерьез вряд ли готово было пойти на полный разрыв контактов с Россией, важных для альянса по целому ряду причин. Да и не все европейские государства – члены альянса утратили трезвомыслие и готовы

¹ В.Смоленцев. Война вчерашнего дня // Завтра, №35(771), август 2008.

безоглядно жертвовать собственными интересами ради демонстрации важного для них, но все же не являющегося «священной коровой» принципа евроатлантического единства.

России важно не прекращать и наращивать диалог с Европой. А что касается НАТО, то, как отметил российский президент, «если Россия и НАТО скажут друг другу до свидания, трагедии не произойдёт».

(Как и следовало ожидать, прагматический подход среди членов альянса все же возобладал: 5 марта 2009 г. на заседании в Брюсселе министрами иностранных дел НАТО было принято решение о возобновлении работы Совета Россия–НАТО, прерванной после августовской войны.)

8. И, наконец, главное: чего можно ожидать в ближайшей перспективе, как эта война, и особенно признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, скажется на отношениях с США, Европой, как повлияет на положение России на мировой арене? Пессимистических и даже мрачных прогнозов на этот счёт было довольно много. Думается, такой пессимизм в целом оправдан. Россия действительно вступает в очень сложный период. Её постараются втянуть в новую «холодную войну», «окольцовывают» недружественными режимами от Балтики до Южного Кавказа. В дальнейшем можно ожидать попыток наращивания антироссийских мотивов в политике стран Центральной Азии и Монголии. События последних лет в Узбекистане и Киргизии, недавнее обострение внутривнутриполитической борьбы в Монголии можно считать первой пробой сил в этом направлении.

Война в Южной Осетии и решительная политика российского руководства, признавшего независимость этой республики и Абхазии, была использована Вашингтоном и Брюсселем для создания единого антироссийского фронта Запада. Формироваться он начал усилиями США задолго до поражения их ставленника Саакашвили в Южной Осетии. И этот фронт начал приобретать вполне конкретные политические очертания – в Европу срочно вылетела Кондолиза Райс, затем последовал созыв внеочередного заседания Совета НАТО, саммит ЕС, заявление Парламентской ассамблеи Совета Европы и т.д.

В целом же судьба Грузии и ее президента Саакашвили в этой атмосфере, похоже, отходят на второй план. Надо полагать, выводы некоторых экспертов о том, что война в Грузии была спровоцирована республиканской администрацией Вашингтона в преддверии президентских выборов, не лишены здравого смысла. Действующей в то время вашингтонской администрации было важно добиться «победы» в Грузии, особенно после провала в Ираке, «паутины» Афганистана, скатывания на десяток лет назад в ближневосточном урегулировании, очень туманной и опасной перспективы в Пакистане. Кандидат республиканцев Маккейн на поднявшейся волне антироссизма сумел

в то время не только сократить разрыв от демократа Обамы, но и даже опередить его (по некоторым оценкам, на 5–6%), хотя это и не принесло ему конечной победы.

Так что югоосетинский конфликт заметно добавил напряжённости в отношения между Россией и западным миром в целом, и с США в частности. Важным сдерживающим фактором дальнейшей ее эскалации явилась экономика. Современная Россия глубоко интегрирована в систему мирового хозяйства, причём главным звеном является экономическое сотрудничество с Западом, прежде всего в сфере энергетики.

Лучшим выходом был бы политический диалог, который, не исключая обсуждения международного статуса непризнанных республик, занялся бы поиском действенных мер по разрешению конфликтов. Но в ближайшее время, можно предположить, не стоит ожидать снижения напряжённости в отношениях России с Западом, во всяком случае, по этой проблеме.

Однако в любом случае период, когда российское руководство беспрекословно или под нажимом следовало указаниям или принимало позиции США и Запада, закончился. Как России, так и Западу придется искать и выстраивать во взаимных отношениях новую линию поведения.

Российское руководство твердо заявило, что не собирается ни оккупировать, ни аннексировать грузинскую территорию. Оно намерено твердо следовать принципу, что право выбора должно оставаться за народами Абхазии и Южной Осетии, и в случае необходимости защищать это право всеми доступными средствами, действуя в рамках международного права.

Из позиции по Южной Осетии несколько позднее родились пять принципов президента Медведева, которые, как предполагается, лягут в основу внешнеполитической концепции России на срок его каденции.

Первое: Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами. Второе: мир должен быть многополярным. Третье: Россия не хочет конфронтации ни с одной страной мира и не собирается изолироваться. Четвертое: безусловным приоритетом является защита жизни и достоинства российских граждан, где бы они ни находились. Пятое: у России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы.

Будем надеяться, что Россия вступает в новый политический век государством со зрелой, взвешенной внешней политикой, свободной от иллюзий и откровенной глупости 1990-х гг. Понимание собственных интересов поможет российскому руководству структурировать свои усилия на международной арене. По крайней мере, после южноосетинского кризиса наша страна впервые попыталась заявить о себе как о вполне самостоятельной политической единице, способной твердо вы-

ражать свою волю на международных форумах и готовой защищать свои интересы.

Конечно, в позиции России по Южной Осетии не все гладко. Массовая выдача российских паспортов населению Абхазии и Южной Осетии, имея в дальнейшем целью защиту «российских граждан» на территориях, которые кремлевские власти долгое время признавали грузинскими, выглядит в глазах мирового сообщества сомнительно, тем более что «темные стороны» этого метода всюду используются западными политиками, идеологами и пропагандистами. Но Россия, что бы там ни говорили на Западе, все эти годы чувствовала ответственность за народы бывшего СССР, особенно те из них, которые оказались изгоями на собственной территории, и пыталась помочь им, даже находясь сама в довольно сложном экономическом положении. Помочь пенсионерам, ветеранам, матерям, другим социальным группам, оказавшимся буквально в нищете. Юридической базой для выплаты гражданам пособий и оказания помощи и стало российское гражданство, что разрешено законами нашей страны.

Что касается непосредственно Южного Кавказа, то его страны вновь могут стать заложниками разгорающейся в регионе политической борьбы великих держав и первыми жертвами в случае каких-либо военных столкновений.

После войны в Южной Осетии в регионе еще более явно обозначились две и ранее бытовавшие здесь тенденции.

Одна из них – решение территориальных проблем силой оружия. И в этом отношении можно ожидать дальнейшей милитаризации региона, в которую основной вклад внесут США и некоторые другие страны Запада. Но не останется в стороне и Россия, руководство которой твердо заявило о своей поддержке, в том числе военной, Абхазии и Южной Осетии.

Министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров в интервью «Российской газете» 5 апреля 2009 г. заявил, что Москва обеспокоена тем фактом, что воинственная риторика в Тбилиси не стихает, кроме того, он отметил, что «есть серьезные основания для подозрений о подготовке Грузией новых силовых провокаций».

«У нас в отношении Михаила Саакашвили иллюзий нет. Мы очень долго, практически все годы его пребывания у власти, стремились наладить с Грузией нормальное сотрудничество. По поручению Владимира Владимировича Путина я ездил в начале 2005 года в Тбилиси. По итогам переговоров с Михаилом Саакашвили и министром иностранных дел было принято решение об ускоренном выводе двух оставшихся российских военных баз из Грузии. При этом Михаил Саакашвили согласился на пакетную договоренность: мы выводим базы (а вывели мы их даже раньше, чем договорились), создаем совместный российско-

грузинский антитеррористический центр, что подчеркнуло бы наше стремление сотрудничать в вопросах безопасности, а Грузия принимает закон о том, что на ее территории никогда не будет никаких военных баз любого государства».

Другая тенденция, которую в определенном смысле можно считать положительной, заключается в том, что мир вынужден повернуться лицом к проблемам Южного Кавказа, которые дошли до точки кипения, и серьезно заняться решением конфликтов и проблем региона. Пускать их, как в последние полтора десятка лет, на самотёк, лишь имитируя потуги к урегулированию, значит, создавать опасность не только для всей Европы, но и для всего мирового сообщества. Яркий пример – Нагорный Карабах, не без поддержки России и некоторых западных стран (таких как США, Франция и т.д.) отторгнутый силой от Азербайджана.

Пока верх берет милитаристская тенденция. Но ее рост общими усилиями должен быть ограничен, так как большинство стран понимают бесперспективность и опасность подобного пути, который может довести лишь до большой войны.

И все же...

На 6 мая – 1 июня 2009 г. Североатлантический альянс запланировал военные учения в Грузии. Они вызвали обоснованное резкое недовольство российского руководства. Президент России Дмитрий Медведев заявил, что выбранный формат учений не способствует возобновлению сотрудничества между альянсом и Москвой, а, напротив, грозит осложнениями. В этой связи, в частности, была отложена намеченная на 7 мая 2009 г. в Брюсселе встреча начальников генеральных штабов России и стран НАТО.

Не является ли это началом нового витка тех опасных событий, которые произошли в августе 2008 года в этом регионе?

Вагиф Гусейнов, Сергей Демиденко

ЮГООСЕТИНСКИЙ РАЗЛОМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ

Одним из факторов, способствовавших падению президента Грузии Шеварднадзе, была нерешённость абхазского и южноосетинского вопросов. Клеймо сухумской неудачи легло печатью на все правление прежнего грузинского лидера. Ведь многим было памятно бегство Шеварднадзе из осаждённого абхазами Сухума в 1993 году, разгром грузинских войск и пленение практически всего состава прогрузинского правительства Абхазии.

Вновь дала о себе знать этно-конфессиональная проблематика в 2003 году на фоне ухудшающейся экономической и политической ситуации в Грузии. Помимо Абхазии и Южной Осетии, активнее требовать самостоятельности стало население Аджарии и Джавахетии.

Восстановление территориальной целостности страны стало одним из козырей предвыборной программы Михаила Саакашвили. Создав фактически карманный парламент, новый лидер республики сделал попытку начать «собрание грузинских земель». Первым шагом на этом пути стало реформирование грузинской армии по натовским образцам, ее наращивание, перевооружение и обучение американскими военными специалистами.

Аджария покорилась достаточно быстро. 5 мая 2004 г. Батуми признал над собой суверенитет Тбилиси. «Падение» Батуми нанесло сильнейший урон авторитету России не только в Грузии, но и в целом регионе.

Думается, российская дипломатия на том этапе не учла значения двух факторов морально-политического порядка.

Во-первых, на Кавказе понятию дружбы придают не только политико-дипломатическое значение, но и более расширительно – человеческое, в котором перевешивают кавказские представления о верности, чести, благородстве и т.д. То, как Абашидзе, лучший друг Москвы на Южном Кавказе, превратился в эмигранта, ввело в состояние шока многих

в Батуми, Тбилиси и даже Баку, где аджарцев исторически рассматривают как этнически родственный народ. Во-вторых, за исторически короткий срок, начиная с Горбачева, все три южнокавказские республики испытали те или иные формы давления со стороны России, которые отложились в исторической памяти народов как свидетельства измены вековой дружбе, а у простых людей, продолжающих питать ностальгические чувства к советским временам, как склонность к предательству общих интересов. История с Аджарией, утратившей реальную автономию, только усилила недоверие к политике Москвы, которая, по мнению некоторых наблюдателей, «сдала» А.Абашидзе в результате закулисного сговора с американцами. Подобные суждения являются часто плодом политического вымысла, но они накладываются на благодатную, хорошо взрыхлённую ошибочным курсом почву межгосударственных отношений, подчеркивая расхожее мнение о слабости Москвы.

Однако аналогичные действия грузинской власти в отношении Абхазии и Южной Осетии не принесли желаемого результата. В конце весны – начале лета 2004 года Тбилиси попытался осуществить силовой сценарий в отношении Цхинвала. 31 мая в зону грузино-осетинского конфликта, где имели право находиться лишь миротворческие силы, были передислоцированы грузинские войска, оснащенные тяжелой военной техникой. С этого момента берет начало длительный период взаимных грузино-осетинских военных вылазок, обстрелов приграничных населённых пунктов, дипломатических демаршей и маневров, закончившийся в конечном итоге для Грузии полным фиаско. Политические маневры вокруг Южной Осетии были со стороны Тбилиси обильно приправлены постоянно звучащими обвинениями в адрес России, которая «всячески поддерживала сепаратистов».

В середине августа 2004 года Тбилиси и Цхинвал при посредничестве России заключили соглашение о прекращении огня, которое было нарушено буквально на следующий день. При этом обе стороны конфликта практически одновременно заговорили о «третьей силе», которая якобы провоцирует обострение противостояния. Однако тогда большой войны удалось избежать.

В середине июля 2006 года парламент Грузии принял резолюцию, требующую вывода российских миротворческих сил из Абхазии и Южной Осетии. В ответ на это парламент Абхазии призвал международное сообщество, в том числе Россию, «незамедлительно начать процесс официального признания независимости Республики Абхазия», а также решил обратиться к ООН, ОБСЕ и другим международным организациям с просьбой «пресечь милитаристские планы грузинского руководства».

25 июля 2006 г. подразделения грузинских вооружённых сил и МВД были введены в Кодорское ущелье. Ущелье – это более трети территории Абхазии. Контролировалось оно местными вооружёнными сван-

скими формированиями (батальон «Монадире») во главе с Эмзаром Квициани, отказавшимся подчиниться требованию тогдашнего министра обороны Грузии И.Окруашвили сложить оружие.

В результате спецоперации, проходившей в течение лета-осени 2006 года, Грузия восстановила контроль над Кодорским ущельем. 27 сентября 2006 г., в День памяти и скорби, указом президента Грузии Кодори был переименован в Верхнюю Абхазию, а в селе Чхалта на территории ущелья было размещено так называемое «законное правительство Абхазии» в изгнании.

В начале 2008 года президент Абхазии Сергей Багапш вновь заявил, что для международного признания его края есть все основания, и в первую очередь правовые. «Обращаясь к международному сообществу, не приходится ожидать скорейшего положительного решения нашего вопроса, такие обращения были сделаны и раньше», – отметил президент. «Мы будем добиваться признания нашей независимости. Это может произойти не сегодня или завтра, поскольку трудно проанализировать ситуацию в складывающейся международной обстановке, но это может произойти в течение месяца или в течение года-двух. Но эти обращения пойдут, и какой будет результат – покажет время», – подчеркнул Багапш.

Ответ из Тбилиси на эти слова главы непризнанной республики последовал незамедлительно. Грузия «в период второго срока президентства Михаила Саакашвили обязательно восстановит территориальную целостность страны», – заявил глава МИД Давид Бакрадзе, выступая в прямом эфире тбилисской телекомпании «Рустави-2». «Мы твердо выступаем за мирное урегулирование абхазского и югоосетинского конфликтов в рамках международно признанных границ Грузии», – сказал он. «У нас есть четкий план и программа действий по восстановлению территориального единства страны, и мы обязательно реализуем этот план», – подчеркнул Бакрадзе¹.

Слова официального Тбилиси были подкреплены весомыми аргументами – в районах, граничащих с Абхазией, по данным абхазских властей, оказалось сосредоточено до 12 тыс. человек. Подготовлено было также до 70 тыс. резервистов.

В начале мая 2008 года официальные представители Сухума впрямую заговорили о возможности грузинского вторжения, а глава МИД непризнанной республики заявил, что Абхазия готова передать свою территорию под военный контроль РФ.

29 и 30 июня в Сухуме и Гаграх произошли теракты. С 1 июля 2008 года власти Абхазии, чтобы обеспечить безопасность отдыхающих, закрыли границу с Грузией.

¹ ИТАР-ТАСС. «Новости стран СНГ и Балтии». 27 февраля 2008 года.

«Мы считаем, что взрывы в Гаграх и в Сухуме – это звенья одной цепи. Мы не исключаем, что эти однотипные преступления совершены одной и той же группой лиц или лицом. По всей вероятности, ими руководит одна и та же организация или лицо», – сказал пресс-секретарь генерального прокурора Абхазии Генри Гамисония. Кроме того, Гамисония отметил, что правоохранительные органы непризнанной республики усматривают во всех взрывах «грузинский след»¹.

Сейчас сложно судить, насколько серьезными и доказательными были эти обвинения, очевидно одно – теракты, помимо чисто психологического, имели и экономический эффект. Удар был нанесен по туризму – основной статье пополнения бюджета непризнанной республики. Общий поток туристов из России в Абхазию летом 2008 года снизился более чем на треть.

По словам министра иностранных дел Абхазии Сергея Шамбы, взрывы должны были показать мировому сообществу несостоятельность также и российских миротворцев. При этом Шамба подтвердил, что между Абхазией и Южной Осетией существует договоренность об оказании военной взаимопомощи². Грузия же обвинила в организации терактов... Россию.

Наращение напряженности в зоне грузино-абхазского конфликта начало вызывать беспокойство не только в РФ, но и на Западе. В результате к его урегулированию подключились Германия и Франция (председательствующая тогда в ЕС). Министр иностранных дел Германии Штайнмайер в Тбилиси, Сухуме и Москве представил трехэтапный план грузино-абхазского урегулирования. Первое, что предусматривалось планом, – подписание соглашения о неприменении силы и начало возвращения беженцев в Абхазию. На втором этапе предполагалось провести восстановительные работы и экономическую реабилитацию Абхазии (задачу сбора средств Германия готова была взять на себя). После этого должны были начаться переговоры о политическом статусе Абхазии.

Но обе конфликтующие стороны увидели в германском плане ущемление своих интересов. Не лишен он был серьезных недостатков и с точки зрения Москвы и Вашингтона.

Тбилиси считал, что план должен быть «усилен». В частности, соглашение с Абхазией о неприменении силы грузинское руководство не намерено было подписывать, мотивируя тем, что это может трактоваться как отказ от суверенитета над Абхазией, так как обязательство коснется не только армейских, но и полицейских и других сил обеспечения правопорядка. Кроме того, в плане Штайнмайера ничего не говорилось

¹ Ньюсру.ком. 1 июля 2008 г.

<http://www.newsru.com/world/01jul2008/prokuratura.html>

² «Независимая газета». 7 июля 2008 г.

о российских миротворцах, вывода которых требовала Грузия. Обязательным условием для начала переговоров в Тбилиси считали возвращение беженцев с предоставлением им международных гарантий безопасности.

В Сухуме недовольны были тем, что никаких обязательств по выводу грузинских вооружённых сил из Кодорского ущелья план не предусматривал, и в нем почти не были учтены интересы Абхазии. Высказывались также опасения, что выделяемые средства на восстановление республики поступать будут сначала в Тбилиси, и уже грузинские власти будут определять, как, где и кому их расходовать. Кроме того, Абхазия ни под каким предлогом не намеревалась войти в состав Грузии.

Весомость грузинским акциям придал демонстративный визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси 9 июля, безоговорочно поддержавшей Саакашвили и фактически обвинившей в нагнетании напряжённости в зоне конфликтов... российские власти, поддерживающие сепаратистов. Чуть позднее официальные представители Госдепартамента США Шон Маккормак и НАТО Д.Аппатурай почти одинаковыми словами заявили о том, что действия Москвы на Южном Кавказе «поднимают вопросы относительно роли России как миротворца и посредника на переговорах по урегулированию конфликтов».

России, если она «не прекратит агрессивную политику в отношении Грузии», угрожали дестабилизацией обстановки на Северном Кавказе – в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии.

Все вышеперечисленные заявления смахивали на открытый шантаж. Заявление сделал и МИД Грузии в связи с началом 15 июля военных учений Северо-Кавказского военного округа, на которых, среди прочих, отрабатывалась и задача проведения в случае необходимости спецопераций по «принуждению к миру». Одновременно в самой Грузии начались «странные», иначе не назовешь, учения с многозначительным названием «Немедленный ответ», в которых число американских участников чуть ли не в два раза превышало представительство хозяев. Учения полностью финансировались Пентагоном – только на боеприпасы и оснащение войск выделено было 8 млн. долларов.

2008 год стал фактически рубежным для Южной Осетии. Летом Тбилиси начал операцию по практическому присоединению непокорного анклава к Грузинской Республике. Сначала он увеличил до 24-х количество незаконных блок-постов в зоне конфликта. Сами грузины признавали лишь факт занятия ими Сарабукской высоты, где было развернуто строительство мощного укрепленного пункта. Здесь, отмечали СМИ, была размещена элитная часть армии Грузии, полностью укомплектованная бойцами, прошедшими службу в составе коалиционного

контингента в Ираке¹. Позже, по данным осетинской стороны, Грузия подтянула к зоне конфликта тяжелую технику и около 8 тысяч солдат и офицеров². В некоторых районах Южной Осетии позже были зафиксированы боестолкновения с применением грузинами артиллерии и минометов, а также авиации. С грузинской стороны был открыт гаубичный огонь по осетинским селам Дманиси и Убиат. Официальный Тбилиси при этом заявлял, что военные действия спровоцированы сепаратистами, а он лишь защищает своих граждан.

В ответ осетины объявили всеобщую мобилизацию. Однако позже приостановили её и обратились с призывом к новому Президенту России Дмитрию Медведеву, мировому сообществу и международным посредникам «спасти осетинский народ от очередного геноцида»³.

Во второй половине июля 2008 года обстрелы грузинскими войсками осетинских сел приняли регулярный характер. Причем в отдельных районах по целям работали грузинские снайперы.

Россия попыталась урегулировать разрастающийся конфликт путем переговоров, однако ее усилия провалились, поскольку Грузия потребовала расширения переговорного формата (контакты велись на уровне госминистра Грузии по реинтеграции Темура Якобашвили и посла по особым поручениям МИД РФ Юрия Попова)⁴.

В начале августа были зафиксированы первые крупные столкновения. 2 августа в перестрелке погибли шесть южноосетинских военнослужащих, с грузинской стороны ранения получили 9 человек⁵. 6 августа, по сообщениям ИТАР-ТАСС, минометному обстрелу была подвергнута столица непризнанной республики – Цхинвал⁶. В свою очередь Тбилиси обвинил «осетинских сепаратистов» в нанесении ударов по приграничным грузинским населенным пунктам – Эредеви, Приси, Авневи, Двани и Нули⁷.

«Мы готовы прекратить попытки аннексии нашей территории, и мы их не только прекратим, а если грузинская сторона не выведет все свои вооружённые формирования, то... мы начнем их вычищать», – заявил президент Южной Осетии Эдуард Кокойты⁸.

Нагнетание политической и военной напряжённости вокруг Южной Осетии рано или поздно должно было закончиться масштабным взры-

¹ «Коммерсант». 7 июля 2008 года

² «Новые известия». 7 июля 2008 года.

³ «Независимая газета». 7 июля 2008 года.

⁴ Ньюсру.ком. <http://www.newsru.com/world/07aug2008/nedogovor.html>

⁵ Ньюсру.ком. <http://www.newsru.com/world/06aug2008/obstrel2.html>

⁶ Цит. по: <http://www.newsru.com/world/07aug2008/fire.html>

⁷ Грузия online. 7 августа 2008 года. <http://www.apsny.ge/news/1218125574.php>

⁸ Цит. по: Артемьев А. Войска ждут приказа // Газета.Ру. 7 августа 2008 года http://www.gazeta.ru/politics/2008/08/07_a_2803648.shtml

вом. К такому выводу подталкивала логика развития событий. Взрыв этот произошел 8 августа, когда Грузия открыла против Южной Осетии боевые действия, – начался штурм столицы непризнанной республики Цхинвала.

Почему Саакашвили выбрал именно этот день? Здесь большинство экспертов единодушны: грузинский президент подгадал начало операции под открытие Олимпийских игр в Пекине. Расчет грузинского лидера в данном случае был прост – внимание мировых СМИ будет отвлечено спортивным праздником, и новый осетино-грузинский кризис не вызовет, таким образом, должного международного резонанса.

Буквально накануне войны была распространена «усыпляющая» информация о якобы предстоящей встрече грузинской и осетинской сторон, а сам Саакашвили выступил с заведомо нереализуемой инициативой о предоставлении широкой автономии Южной Осетии.

Возможно, планы Тбилиси и реализовались бы в полной мере, если бы не жестокость, с которой грузинские войска начали действовать в Цхинвале. Сначала город был подвергнут бомбардировкам, потом в него ринулась грузинская пехота. К середине дня 8 августа 70% Цхинвала, где не осталось практически ни одного целого дома, находились в руках грузинских войск. За два с небольшим дня погибло множество мирных осетин, а свыше 30 тыс. стали беженцами¹. Кроме того, грузинские части нанесли удар по базам российских миротворцев в Южной Осетии, в результате которого погибли 15 российских солдат.

Россия некоторое время медлила с ответными действиями. По всей видимости, это было связано с тем, что оба наши руководителя отсутствовали на рабочих местах: Путин был на открытии игр в Пекине, Медведев находился в отпуске. Нельзя сбрасывать со счетов и того, что Москва до последнего верила в мирный исход противостояния, полагая, что Саакашвили не решится пролить кровь «грузинских граждан». 16 часов промедления обернулись трагедией для Южной Осетии.

После этого в направлении Цхинвала выдвинулись части 58-й армии. Вскоре они через Рокский тоннель достигли зоны боевых действий и нанесли удар по грузинским позициям. Началась операция по принуждению Грузии к миру.

10 августа грузинские части были отеснены от столицы Южной Осетии, а российские войска перешли границу непризнанной республики и заняли подступы к ней на грузинской территории, в Гори.

Одновременно абхазские формирования начали военную операцию по вытеснению грузинских сил из Верхнего Кодорского ущелья. По словам министра иностранных дел Абхазии Сергея Шамбы, власти Абха-

¹ Ньюспу.ком. <http://www.newsru.com/russia/10aug2008/gertvy.html>

зии «предупредили ООН, чтобы из Верхнего Кодорского ущелья были выведены наблюдательные посты Миссии ООН и чтобы МООННГ передала грузинской стороне наши требования вывести оттуда войска. Таким образом, все были оповещены, что будет операция»¹. Грузинские войска покинули этот плацдарм без боя.

Параллельно с этими событиями в период с 8 по 10 августа по вопросу кризиса в Южной Осетии дважды собирался СБ ООН. Однако он так и не смог выработать устраивающего все стороны решения. В ходе дебатов в этом ведущем международном органе Россия настаивала на принятии такого варианта резолюции, который не только призывал бы стороны к прекращению огня, но и констатировал бы нарушения соглашений, «которые позволяли сохранять мир в регионе конфликта на протяжении последних четырнадцати лет»².

США не поддержали предложения России. Вообще, позиция Америки по кризису в Южной Осетии была сформулирована предельно чётко. Государственный секретарь Кондолиза Райс призвала Россию «прекратить воздушные и ракетные атаки на Грузию, уважать грузинскую территориальную целостность и вывести подразделения сухопутных войск с территории Грузии».

О том же говорил президент США Джордж Буш с премьер-министром РФ Владимиром Путиным, встретившись на открытии Олимпийских игр в Пекине. Итогом их переговоров стала просьба американской стороны уважать грузинский суверенитет. «Я хочу подчеркнуть от имени президента, что США поддерживают территориальную целостность Грузии», – заявила официальный представитель Белого дома Дана Перино³.

12 августа на основе доклада, представленного Министерством обороны, Дмитрий Медведев принял решение о прекращении военной операции по принуждению Грузии к миру, цель которой, по его словам, была достигнута. Однако Грузия заявила, что ей для прекращения военных действий недостаточно одностороннего заявления России. Тбилиси желал видеть лишь подписанное сторонами конфликта полноценное мирное соглашение.

На следующий день в Москву прибыл президент Франции Николя Саркози. В ходе его встречи с российским лидером был выработан план мирного урегулирования, основанный на шести принципах. Первый: отказ от применения силы в зоне конфликта, второй – окончательное прекращение всех военных действий, третий – свободный доступ к гу-

¹ Сайт «Политика» (Civil.ge), <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=17202&search=>

² А.Артемов. Дипломатичное мычание. Газета.Ru. 11 августа 2008 года. http://www.gazeta.ru/politics/2008/08/09_a_2806030.shtml

³ Там же.

манитарной помощи, четвертый – возвращение вооружённых сил Грузии в места их постоянной дислокации, пятый – вывод российских Вооруженных Сил на линию, предшествующую началу боевых действий, шестой – начало международного обсуждения будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности.

По завершении московской миссии Саркози поспешил с планом в Тбилиси, где ознакомил с ним Саакашвили. Грузия приняла проект мирного урегулирования, за исключением последнего пункта, который пришлось изменить. Из текста были изъяты слова о международном обсуждении будущего политического статуса Абхазии и Южной Осетии, и сделан акцент на международных переговорах с целью обеспечения стабильности и безопасности в конфликтных регионах Грузии.

Такой усредненный вариант документа был подписан всеми сторонами конфликта, и Россия начала вывод своих войск с территории Грузии.

8 сентября 2008 г. шесть вышеозначенных пунктов плана были дополнены еще тремя (их президент Медведев и представители Евросоюза – Н.Саркози, председатель Еврокомиссии Ж.М.Баррозу и верховный комиссар ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Х.Солана – согласовали в ходе переговоров, прошедших в Подмоскowie). Они касались развертывания в конфликтной зоне миссии международных наблюдателей от ЕС (200 человек), ответственной за поддержание мира между Грузией и ее отколовшимися анклавами, и обещаний Тбилиси не применять силу в отношении Абхазии и Южной Осетии¹.

* * *

Вторжение грузинской армии в Южную Осетию с его трагическими последствиями для мирного населения этой непризнанной республики и последовавшая за ним операция Российской армии по принуждению Грузии к миру – события, которые затрагивают не только непосредственных участников этих событий, но и внешние, как их принято называть, центры силы, и влекут за собой долговременные и многоплановые последствия. Многие хотели бы даже рассматривать их как не прямое военное столкновение России и США. Во всяком случае, можно говорить о конфликте интересов Москвы и Вашингтона на Южном Кавказе.

Резкое обострение военно-политической ситуации в зоне конфликтов Грузии с Абхазией и Южной Осетией, наблюдавшееся весной-летом 2008 года, обернувшееся в конечном итоге фактически полномасштаб-

¹ Сайт «Политика» (Civil.ge), <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=17636&search=>

ной войной, никак нельзя назвать спонтанным. Обращает на себя внимание как синхронность развития опасных событий в обеих зонах, так и обозначившаяся ставка на силу, камуфлируемая заверениями М.Саакашвили о том, что грузинские власти «не начнут войны против собственных граждан» (давно ли усилиями России были остановлены такие войны?), и сопровождаемая, как обычно, обвинениями Москвы в «агрессивных намерениях», в «аннексии грузинских территорий».

Создается впечатление вполне продуманных и спланированных акций, хорошо обеспеченных в информационном отношении и пользующихся поддержкой Соединенных Штатов, которые окончательно отошли от роли беспристрастного судьи и открыто встали на сторону Тбилиси.

Конечно, речь не идёт о прямом указании из Вашингтона грузинскому лидеру начать вторжение в Южную Осетию. Но в политике и дипломатии достаточно закулисных способов направлять политику марионеточных правителей в желательном направлении. Тем более что собственных интересов у США в этой стране более чем достаточно.

Для Вашингтона Грузия важна, прежде всего, как наиболее удобный опорный район, как стратегически важный, ключевой и многофункциональный плацдарм, используемый США в экспансионистских (распространение своего влияния на весь Кавказ, Центральную Азию и далее – в восточном направлении), энергетических и военно-стратегических планах. Это и Большой Ближний Восток, во многих странах которого американцы укрепились «всерьез и надолго». Это и Иран (не говоря уже об использовании территории Грузии в случае развертывания Вашингтоном военных действий против этой страны, военное присутствие США в Грузии является серьезным сдерживающим фактором для Тегерана). Это и дальнейшая экспансия в Центральную Азию, которая в «матримониальных» планах Вашингтона выдвигается на первый план. Это, наконец, надежная опора в охватывающей Россию связке «новых демократий», которая выстраивается США последние десятилетия и которая уже протянулась от Балтики до Каспия и, судя по всему, можно говорить о намерениях продолжить ее вплоть до Забайкалья.

Попутно своей позицией в отношении Грузии республиканская администрация пыталась продемонстрировать твёрдость и бескомпромиссность в защите национальных интересов США. В Ираке и Афганистане они прочно увязли без видимых надежд на скорый успех, в ближневосточном урегулировании за последние годы сделан даже шаг назад. Грузия же явилась удобным поводом поднять свой авторитет в глазах избирателей накануне президентских выборов. И одновременно показать президенту Д.Медведеву, кто есть истинный хозяин положения на Южном Кавказе и в прилегающих районах.

«Грузинский фактор» также активно используется Вашингтоном для консолидации союзников по НАТО, в том числе для того, чтобы ускорить приём в НАТО Грузии и Украины. Это, помимо всего, широко откроет дверь в НАТО для остальных стран СНГ Южного Кавказа, Центральной Азии и других, обеспечит политическую и военную изоляцию России.

Вооружённая авантюра Саакашвили, приведшая к гибели мирных граждан Южной Осетии и российских миротворцев, не говоря уже о военных потерях обеих сторон, заставляет задаться и таким вопросом: действительно ли США держат под контролем поведение грузинского лидера? Или новая война в Южной Осетии стала ещё одним доказательством несовершенства внешнеполитических методов американской администрации – наряду с фактическим фиаско в Ираке, непродуманной политикой в Афганистане, непредсказуемой ситуацией в Пакистане, возросшей нестабильностью в зоне арабо-израильского урегулирования, балканскими событиями, включая отторжение Косово и признание его независимости?

Никто из американских и западных политиков не пытался признать связь между «прецедентом Косово», этим «ящиком Пандоры», и обострением ситуации с непризнанными республиками Южного Кавказа летом 2008 года. Никто из них не пытался хотя бы «пожурить» Саакашвили, политика которого в отношении России и отколовшихся территорий отличалась цинизмом, провокационными заявлениями, попытками столкнуть лбами Россию с западными странами. И уж тем более никто не пытался вспомнить начало 90-х годов, когда Россия, сама находящаяся тогда в очень сложном положении, пришла на помощь народам Грузии, и что ситуация с той же Южной Осетией была доведена до кровопролития с массовой гибелью мирного населения в основном усилиями властей Тбилиси.

Придя к власти в 2004 году, М.Саакашвили главным приоритетом своей политики сделал «восстановление территориальной целостности» Грузии. Ничего плохого в этом не было бы, тем более, что и официальные власти России все эти годы признавали территориальную целостность Грузии, подчеркивая при этом, что быстро эти конфликты, после кровавых событий начала 90-х годов, не решить. Но беда в том, что Саакашвили с самого начала взял курс на силовое решение проблемы (что, кстати, сразу же поставило в сложное положение миротворческий контингент России в регионе), одновременно обвиняя Россию в поддержке сепаратистских режимов и в проведении антигрузинской политики.

Относительно быстрый и легкий успех со «строптивой» Абхазией укрепил его веру в эффективность силового «метода» и способствовал тому, что Саакашвили, в ущерб социальным программам и экономике, основные усилия сосредоточил на реформировании, перевооружении и целенаправленной подготовке к войне с «сепаратистами» грузинской

армии и при финансовой и политической поддержке США достиг в этом определённых успехов, что, по-видимому, и дало ему основание пообещать грузинскому народу, что в 2008 году грузинские беженцы вернутся в свои дома.

Вероятно, определённую роль в выборе и реализации этого курса сыграла вашингтонская администрация, представители которой постоянно твердят, что Грузия – достойный пример для стран, становящихся на путь демократии. Однако тут же возникает вопрос: может ли демократическая страна решать свои внутренние проблемы, применяя танки и «грады» против своих же граждан (именно так рассматривается в Тбилиси население «мятежных» республик)?

Грузия, конечно же, имела шанс решить свои территориальные проблемы мирно. Но для этого требовались длительные и трудные политические переговоры, требовалось, чтобы страна стала действительно демократической и экономически развитой, привлекательной для населения Южной Осетии и Абхазии. Но этого не произошло. Был взят курс на всестороннюю изоляцию «сепаратистских» республик, их экономическое удушение, от которого в первую очередь страдало мирное население, курс на войну. Действия правительства Саакашвили все больше стали напоминать поступки откровенного националиста З.Гамсахурдиа. К моменту вторжения на границы с Южной Осетией было сосредоточено около десятка бригад грузинской армии, создан внушительный наступательный «кулак». Осуществлялась и соответствующая подготовка мирового общественного мнения, призванная выставить Грузию не зачинщиком, а объектом «российской агрессии».

Просчитывалась, конечно, и реакция Кремля. Россия была поставлена в такое положение, что не могла не вмешаться, чтобы защитить своих миротворцев, которые стали одним из первых объектов нападения (кстати, со стороны своих грузинских «коллег» по миротворческому контингенту) и понесли большие потери, защитить жизни российских граждан, предотвратить еще большее кровопролитие.

Как писали западные СМИ, «действия России в Грузии многих шокировали». Их всеми силами пытались представить как «агрессию против суверенной страны». Но европейских защитников грузинской демократии почему-то не шокировали действия Грузии в Южной Осетии. И никого не волнует, что в результате «штурма» мирного города погибло множество мирных жителей – детей, женщин, стариков, разрушены осетинские села, разрушен Цхинвал – центр Южной Осетии, почти 30 тыс. беженцев вынуждены были, спасая свои жизни и жизни своих детей, бежать на территорию России.

Западные СМИ, действуя, видимо, по принципу, сформулированному еще Ф.Д.Рузвельтом («может быть, он и сукин сын, но это наш сукин сын»), не хотят признавать, что военный конфликт в Южной Осетии

был спровоцирован Саакашвили преднамеренно, при этом он делал все, чтобы представить его как столкновение между Россией и Западом, а Грузию – «передовым фронтом».

Чего же добился Саакашвили своим неудавшимся «блицкригом» против Южной Осетии под названием «Чистое поле»? За что были положены жизни осетин и многих грузинских молодых людей? «Поле», т.е. территория Южной Осетии, отнюдь не стало «чистым», оно полито кровью с обеих сторон, стало «полем ненависти», которое еще глубже и теперь на долгие годы разделило два народа, многие десятки лет живших мирно друг с другом. И теперь, как бы ни развивались события дальше (вполне вероятно, что грузинский президент на этом не успокоится и вновь попытается решить проблему самопровозглашенных республик силой), Грузии вряд ли удастся убедить осетин и абхазов стать частью Грузии. Таким путем еще можно завоевать «чистое поле», т.е. территорию, но не народ, который можно только изгнать или уничтожить.

Особо надо сказать о роли в этих событиях властей США того времени. Не воспринял ли Саакашвили визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси 9 июля 2008 г. (о котором выше уже говорилось), безоговорочно поддержавшей грузинского президента и фактически обвинившей Россию в нагнетании напряженности в зоне конфликта, как руководство к действию, месяц спустя отдав приказ на вооруженное вторжение в Южную Осетию?

США, надо сказать, весьма уверенно чувствуют себя в Грузии. В 2003 году между двумя странами было заключено соглашение о сотрудничестве в военной области. Американским военным на территории Грузии были предоставлены беспрецедентные привилегии – безвизовый режим пребывания, ношение оружия, освобождение от всех налогов и сборов, полный дипломатический иммунитет. Разрешена была переброска любой военной техники на территорию Грузии и ее передислокация на территории страны по первому требованию американского командования. И не потому ли Абхазия с ее портом Батуми, через который и доставляются в Грузию американские военные грузы, стала первым объектом силового воздействия со стороны режима Саакашвили?

Что касается позиции России, то, конечно, ни о какой аннексии грузинских территорий, ни о войне против Грузии и уж тем более о конфронтации с Западом речи с ее стороны не шло. Цель России – защита своих граждан, установление и поддержание мира в этом тревожном районе.

В конфликте вокруг Южной Осетии Россия проявила решительность и твердость, взяв осетинский народ под свою защиту и фактически оградив его от геноцида. Соответственно, эта позиция потребовала и логического продолжения – признания независимости отколовшихся от Грузии этнических анклавов.

26 августа обе палаты российского парламента рекомендовали Президенту Медведеву признать суверенитет Абхазии и Южной Осетии. На следующий день в Сочи собрался Совет безопасности РФ, в ходе которого было выработано окончательное решение о признании государственной независимости Аджарии и Южной Осетии. Решение это было закреплено соответствующим указом российского лидера (дипломатические отношения между Россией и непризнанными мировым сообществом южнокавказскими республиками были установлены 9 сентября 2008 г.).

В своем заявлении Дмитрий Медведев подчеркнул: «Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, Декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 г. и другими основополагающими международными документами, я подписал указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии... Россия призывает другие государства последовать ее примеру. Это нелегкий выбор, но это единственная возможность сохранить жизни людей».

Признав суверенитет Абхазии и Южной Осетии, Россия фактически предоставила этим пока еще квазигосударственным образованиям гарантии от применения в их отношении силы со стороны Тбилиси. Кроме того, нельзя недооценивать морального аспекта данного шага России. После продолжительного периода сдачи многих позиций на международной арене Москва впервые заявила о твердости и самостоятельности своего внешнеполитического курса, продемонстрировала, что готова защищать своих союзников, а не бросать их на произвол судьбы из-за косых взглядов Запада.

Имело это решение и внутривнутриполитический эффект, серьезно повысив авторитет нового Президента России Дмитрия Медведева, продемонстрировавшего всей стране, что он способен и решительно настроен принимать важные политические шаги.

Относительно международного аспекта необходимо сказать, что здесь демарш России мало что дал. Мировое сообщество продолжает считать Абхазию и Южную Осетию частью территории Грузии. У мирового сообщества, находящегося под влиянием прозападных СМИ, по большей части складывалось искажённое представление о событиях, произошедших в Южной Осетии в августе 2008 года. В сознание западного обывателя массово внедрялся миф о том, что агрессор – Россия. При этом напрочь замалчивался факт вторжения грузинских войск в Южную Осетию, равно как и развернутый ими геноцид мирного населения непризнанной республики.

Каковы же политические итоги, и в первую очередь для России, южноосетинского кризиса?

Во-первых, война продемонстрировала, что альтернативой американо-российскому взаимодействию может быть только конфронтация и что, несмотря на достаточно лояльную риторику Белого дома последних лет, США по-прежнему считают Россию принципиальным геополитическим противником.

Во-вторых, война стала катализатором тех процессов, которые уже давно латентно протекали в мировой политике, – усиления конфронтационного потенциала между Россией и Западом, четкой антироссийской ориентации военного механизма НАТО, тактики постепенного вытеснения России с постсоветского пространства. Можно предположить, что вследствие новой войны на Кавказе данные тенденции приобретут дополнительный импульс.

В-третьих, в очередной раз встал вопрос о состоятельности СНГ. Выход Грузии из Содружества, последовавший по «горячим следам» войны, стал продолжением тех деструктивных процессов, которые происходили в этой международной организации в последние годы. Все большее число бывших советских республик, ставших теперь суверенными государствами, тяготеет в плане политическом к Североатлантическому альянсу. Так, Узбекистан по итогам саммита НАТО в Бухаресте предложил преобразовать действовавшую до 2001 года Контактную группу по Афганистану из формата «6+2» (соседние с Афганистаном государства, США и Россия) в формат «6+3» (те же + НАТО), а «дружественная» Россия Армения обладает тем же уровнем сотрудничества с НАТО, что и «враждебная» Грузия.

Демарш Тбилиси поставил под вопрос не только «работоспособность» СНГ, но и прочность двусторонних отношений России со своими ближайшими соседями – ни один из членов Содружества не выразил поддержку действиям Москвы в Южной Осетии. Отмолчалась даже братская Белоруссия.

Сдержанность постсоветских государств объясняется тем, что США располагают серьезными рычагами воздействия на их внешнюю и внутреннюю политику (так, в случае с Белоруссией, по всей видимости, свое влияние оказал предвыборный фактор: не исключено, что таким образом Александр Лукашенко сделал «реверанс» в сторону Запада, пытаясь обезопасить себя от возможной критики «недемократичности» парламентских выборов в Белоруссии в октябре 2008 года со стороны США и ЕС). В этой связи государства СНГ решили просто не вмешиваться, чтобы не вызывать лишнего раздражения со стороны Вашингтона.

Возвращаясь к Грузии, необходимо сказать, что ее членство в СНГ было обусловлено в основном экономическими факторами. Если бы не обострение ее конфликта с Россией вокруг Южной Осетии, официаль-

ный Тбилиси, вероятнее всего, не скоро бы еще решился на подобный шаг. Покидая СНГ, Грузия преследовала две основные цели – во-первых, форсировать процесс замены российского миротворческого контингента в зонах конфликтов на международный, во-вторых – стимулировать западные страны принять Тбилиси в члены Североатлантического альянса.

Война в Южной Осетии заставляет пересмотреть российскую позицию в отношении СНГ, политику союзничества и развития отношений с постсоветскими странами. Сделала ли Россия все возможное для укрепления Содружества? Где-то мы сами давали старт негативным тенденциям. Россия за последние годы растеряла старых друзей и не приобрела новых.

В-четвертых, конфликт в Южной Осетии продемонстрировал, что информационное обеспечение является все более важным фактором противоборства и что в этой сфере Россия по-прежнему отстает. И хотя государством сегодня выделяются немалые средства на ведение информационной и пропагандистской работы, используются они, мягко говорясь, неэффективно.

В-пятых, вновь проявилась беспомощность международных институтов. ООН показала неспособность быстро вырабатывать решения в кризисных ситуациях и эффективно действовать в плане поддержания мира и стабильности. Незадолго до вторжения Грузии в Южную Осетию Москва предложила Совбезу ООН принять резолюцию с призывом к отказу от применения силы обеими сторонами. Это решение могло бы предотвратить кровопролитие, но было заблокировано западными странами. В то время как целый народ подвергался фактическому геноциду, СБ ООН «шлифовал» формулировки и «выпускал пар» в бесполезных дебатах.

В-шестых, США по итогам войны стали более интенсивно вести курс на изоляцию России, на выстраивание «единого фронта» против нее и, в конечном счете, на усиление тенденций возврата к временам «холодной войны». С этой целью в Европу в августе 2008 года была послана Кондолиза Райс, которая провела ряд совещаний с западными союзниками и представителями международных институтов. Срочно было подписано соглашение с Польшей о размещении американских противоракет на ее территории и об усилении системы ПВО Польши. Кораблям Российского ВМФ было отказано от участия в совместных с ВМС НАТО учениях.

В целом, события в Закавказье демонстрируют существенные изменения, происходящие в современном мире, архитектура которого, сложившаяся после окончания «холодной войны», претерпевает сейчас серьезные изменения. На смену однополярности приходит многополярность, обозначились несколько влиятельных глобальных игроков, со-

перничество между которыми может усилиться и стать более острым. При этом «правила игры» в трансформирующемся мире до сих пор не сформулированы, что повышает градус напряжённости. В этих условиях перед российской властью стоит задача реализации сценария социально-экономического и политического развития, который позволил бы наиболее успешно выдержать усиливающуюся конкуренцию, опираясь на максимальную общественную поддержку.

Военные действия в Закавказье, несомненно, должны скорректировать российскую повестку дня, возможно, темпы преобразований могут даже замедлиться. Больше внимания, чем ранее, необходимо уделять Военно-промышленному комплексу – при полном учете того факта, что втягивание России в полномасштабную гонку вооружений без учета реальных экономических возможностей может привести к столь же печальным экономическим последствиям, как и для СССР. Поэтому соотношение между развитием военных и гражданских отраслей экономики, скорее всего, будет носить взвешенный характер, без тупиковой народнохозяйственной милитаризации.

России постепенно удастся донести свою точку зрения до западных политиков, углубить расхождения в оценке ситуации между странами Старой Европы и США и их сателлитами в ЕС. В принципе практически снят вопрос о санкциях Запада против России. Вместе с тем в вопросе признания независимости этих республик продвинуться пока не удастся.

Традиционно Запад в России воспринимался противоречиво – как фактор, способствующий модернизации, и как источник военно-политической угрозы. Равно как противоречивым является и отношение Запада к России, которую воспринимают то как загадочную полуазиатскую империю, то как своеобразную часть европейской цивилизации. Последнее чаще проявляется во время кризисов – таких, как наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны – когда Россия входила в европейские коалиции, направленные против агрессивных сил.

В ходе российско-грузинского конфликта выяснилось, что целый ряд составляющих этих отношений нуждается в переоценке. В частности, конфликт вывел на поверхность все негативные аспекты в российско-американских отношениях, резко обострил конкуренцию между Россией и США на постсоветском пространстве, привел к беспрецедентному за последние два десятилетия осложнению этих отношений.

Ставший президентом США Барак Обама не раз высказывал искреннее намерение выстраивать с Россией более прагматичные и выверенные отношения. Но надо признать и то, что у него имеется достаточно узкий коридор возможностей в отношениях с Россией, связанный с необходимостью российско-американского сотрудничества в афганской операции, нежеланием стимулировать рост цен на сырьё (причем не

только на нефть и на газ, но и на алюминий). Однако Обаме предстоит и доказывать американскому обществу свой патриотизм и способность проводить эффективную внешнюю и военную политику.

Показал свою полную неэффективность Совет Россия–НАТО, который в критической ситуации, казалось бы, должен был активизировать свою деятельность. Но страны НАТО предпочли приостановить его деятельность.

Кризис выявил способность европейских стран к нормальному диалогу с Россией, отказу от экстремальных сценариев в отношениях с ней (типа введения экономических санкций). Разумеется, столь комфортных условий, которые были при Шрёдере и Шираке, у России больше не будет – нынешняя генерация европейских лидеров настроена по отношению к ней куда более сдержанно и ориентирована на конструктивные отношения к США, при сохранении, разумеется, собственной идентичности. Рассчитывать на новый большой «раздражитель» в отношениях между США и рядом стран Старой Европы, подобный войне в Ираке, было бы неверно. Однако между Россией и ведущими европейскими государствами постоянно существует контакт, который был актуален и для кризисного периода (вспомним посредничество Саркози). Такая позиция Европы, не желающей изоляции России, может быть связана как с её зависимостью от российских энергоносителей, так и с нежеланием получить вблизи своих границ государство, находящееся в системном конфликте с ЕС.

Подобное развитие событий должно было бы внушать определенный оптимизм для перспектив отношений если не с Западом в целом, то с его староевропейской частью. Однако сейчас такой оптимизм носил бы явно преждевременный характер. Имеющиеся планы присоединения к НАТО Украины и Грузии не стали (по крайней мере, в отношении Украины) менее вероятными, чем до начала военных действий. Для Европы отказ в этом вопросе означал бы не только конфликт с США, но и недопустимую, с точки зрения европейского истеблишмента, уступку России.

В то же время и Россия не намерена идти до конца, выстраивая новый «железный занавес». В условиях глобализации самоизолирующаяся страна обречена на роль аутсайдера, неспособного вписаться в международное разделение труда и увековечивающего свою зависимость от цен на энергоносители, которые, как показал кризис, не всегда могут быть высокими. В связи с этим надо вспомнить некоторые прогнозы начала 1980-х гг., которые гласили, что падения цен не будет еще в течение длительного времени. Показательно, что, несмотря на явное разочарование российского руководства «политизацией» вопроса о вступлении России в ВТО, оно не отказывается от него как от своего стратегического выбора.

Поэтому возникает необходимость выработки здорового, рационального подхода к отношениям с Западом в условиях усиливающийся международной конкуренции, лишённого как идеализма, так и изоляционистских настроений, основанного на прагматизме и балансе интересов, диверсификации подходов к различным партнерам России.

Некоторые противоречия между Брюсселем, который не готов к полномасштабной «холодной войне» с Москвой, и Вашингтоном, занимающим более радикальные позиции по этому вопросу, заключаются в разности их географического и экономического положения. Однако уровень этих противоречий не столь высок – и та, и другая сторона не настроены полностью разрывать контакты с Россией. Москва и Европа крепко связаны друг с другом в экономическом плане, и это осознают в Соединённых Штатах. Западу, конечно, выгодно удерживать Россию в «правовом поле», оказывая на нее давление, в том числе и через ведущие международные институты.

В целом же реальная обстановка, складывающаяся вокруг России после августа 2008 года, диктует необходимость внимательно следить за всеми ее изменениями и адекватно реагировать на них. Сегодня появилась реальная возможность улучшить как международный климат, так и отношения России с ведущими западными центрами силы и организациями: США, ЕС, НАТО, ОБСЕ и др. Безусловно, проблемы постсоветского пространства, и, в частности, территориальной целостности Грузии, останутся главным раздражителем в этих отношениях. И здесь важно, чтобы эти неизбежные трения не скатились к очередному этапу военной конфронтации. А предпосылки для этого, к сожалению, пока далеко не устранены.

Алексей Денисов, Николай Савкин

«ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА...»?

«Станет ли Грузия «центром мира» или «центром войны»? – под таким заголовком эта статья была подготовлена для журнала «Российская Федерация сегодня» буквально за несколько дней до начала вооруженной агрессии Грузии против Южной Осетии и опубликована в №15-2008. В ней анализируется та ситуация, которая складывалась в тот период в районе конфликта и вокруг него и многие элементы которой, как стало очевидным очень скоро, формировались властями Тбилиси целенаправленно, с вполне определённой целью – решить проблему Южной Осетии молниеносным военным ударом, разгромив российские миротворческие посты, частично уничтожив, частично вытеснив через Рокский тоннель непокорных осетин. А победителей, как известно, не судят. Да и кто бы стал осуждать Саакашвили, кроме России, образ которой как агрессора и оккупанта старательно формировался властями Тбилиси все последние годы и особенно активно – накануне вторжения в Южную Осетию? Ведь сразу же после прихода к президентской власти Михаила Саакашвили в 2003 г. в результате «революции роз» Грузия стала одним из самых рьяных союзников США на постсоветском пространстве, а ее президент всеми способами стремился доказать верность союзникам в Вашингтоне и обострить отношения с Москвой.

Расчет в отношении Южной Осетии обернулся серьёзным просчётом. Саакашвили явно не рассчитывал на столь серьёзную и сравнительно быструю силовую реакцию Москвы, которая последовала в ответ на его авантюру и которая привела к полному краху не только планов Саакашвили относительно Южной Осетии и Абхазии, но и серьёзно подорвала его личный авторитет в глазах как грузинской общественности, так и еще недавно «доброжелательных наблюдателей» из Европы, да и в глазах американских покровителей.

Но и сегодня, когда президентом США стал демократ Барак Обама, объявивший о намерении скорректировать в сторону прагматизма и смягчения внешнеполитический курс своего предшественника по ряду направлений, в том числе и в отношении России (и предпринявший в

этом направлении некоторые шаги), политика Вашингтона в отношении Грузии остаётся неизменной. 15 апреля 2009 г. в Вашингтоне прошла встреча госсекретаря США Хиллари Клинтон с главой МИД Грузии Григолом Вашадзе. США будут и дальше поддерживать Грузию в этот непростой для нее период (в это же время в Тбилиси проходили массовые акции оппозиции с требованием отставки Саакашвили), заверила своего грузинского коллегу госсекретарь США. Обращает на себя внимание, что Хиллари Клинтон говорит именно о Грузии, а не о Саакашвили. Но для России это мало что меняет, так как основные вехи грузинской политики Вашингтона остаются неизменными и при новой администрации. Это, во-первых, поддержка проамерикански настроенного и «управляемого» президента, кто бы ни занимал этот пост, во-вторых, восстановление территориальной целостности Грузии.

Характерный штрих: в то время когда в Лондоне 1 апреля 2009 г. проходила первая встреча президентов России и США, в Грузию с визитом прибыла высокопоставленная военная делегация США под руководством заместителя председателя Объединенного штаба ВС США генерала Джеймса Картрайта. Цель визита: ознакомление с ситуацией в вооруженных силах Грузии после войны с Россией в августе 2008 года. А 9 января 2009 г., за 10 дней до инаугурации Обамы, США и Грузия подписали хартию о стратегическом партнерстве, в которой изложены принципы развития двустороннего сотрудничества «в сфере обороны, торговли, энергетической безопасности, усиления демократических институтов, а также культурного обмена». Подписи под этим документом поставили уходящая Кондолиза Райс и министр иностранных дел Грузии Григол Вашадзе. Ясно, что этот документ не мог быть подписан без согласования с новым президентом и его согласия, что и подтвердил глава МИД Грузии. Как и подписанный через пару дней план сотрудничества США и Грузии в оборонной сфере.

Так что проблема с Южной Осетией и Абхазией еще далека от решения, и вопрос, вынесенный в заголовок статьи, далеко не снят. Военный потенциал Грузии с помощью и под руководством США восстанавливается.

Данная статья публикуется с некоторыми сокращениями и уточнениями.

* * *

Началу современного периода непростых отношений Грузии с Южной Осетией положили процессы распада СССР. Вооруженные столкновения в Южной Осетии, инициированные попытками Тбилиси силой ликвидировать эту автономию, были прекращены в 1992 г. подписанием между Россией и Грузией Дагомьских соглашений. В зону кон-

фликта были введены миротворческие силы от России, Грузии и Осетии. Но с приходом к власти в 2004 г. Саакашвили обострение обстановки в зоне конфликта шло по нарастающей, синхронно с мерами по дестабилизации обстановки в Абхазии и под прикрытием преднамеренно раздуваемой пропагандистской кампании по обвинению Москвы в агрессивных действиях и оккупации грузинских территорий. К лету 2008 г. обстановка в зоне обоих конфликтов усилиями Тбилиси была вплотную подведена к предвоенной.

Каковы же истинные цели всех этих «мероприятий», подводящих регион к новому витку вооруженных столкновений, жертвами которых вновь становится население Абхазии и Южной Осетии?

Как представляется, ближайшей – но далеко не единственной – целью ставится расчистка препятствий на пути вступления Грузии в НАТО. Апрельский 2008 г. саммит альянса в Бухаресте отказался пригласить Грузию и Украину в свои ряды. Главной причиной этой отсрочки явились не возражения России, обеспокоенной собственной безопасностью, а неразрешённые конфликты с Абхазией и Южной Осетией, инициированные, нелишне напомнить, усилиями Тбилиси. Это бремя многие западноевропейские страны НАТО не готовы взвалить на себя, да еще нарушая устав блока, запрещающего подобные «делки». Не помогло даже беспрецедентное давление Вашингтона, представители которого заявляли, что эти конфликты не могут служить непреодолимым препятствием на пути вступления Грузии в альянс.

Отсюда и стремление Саакашвили до очередного саммита НАТО любой ценой решить проблему самопровозглашённых республик – либо вынудить их принять план Тбилиси по урегулированию, либо решить проблему силой. Но абхазы и осетины не согласны входить в состав Грузии на правах автономий. А силовой вариант, к которому капитально готовился все эти годы решительный грузинский лидер, сдерживается его западными покровителями, опасавшимися негативных последствий. Пока, по всей видимости, избран третий вариант, своеобразный обходной маневр, суть которого заключается в том, чтобы дискредитировать Россию как миротворца, изменить формат миротворческих сил в конфликтных зонах, заменив российских военных международными полицейскими силами, и в конечном счете полностью вытеснить Россию из региона. Именно на этом сосредоточены сегодня усилия Тбилиси и Вашингтона. Этим объясняется демонстративное наращивание грузинских вооруженных сил на границах Абхазии и Южной Осетии, полеты беспилотников, периодические обстрелы объектов и населённых пунктов «мятежников» и провокационные действия, предпринимаемые властями Тбилиси против российских миротворцев. И все это происходит под заверения о стремлении Грузии к мирному разрешению конфликтов.

Но с этими заверениями диссонируют реальные факты. Грузия в 2006 году, в нарушение всех соглашений, ввела войска в Кодорское ущелье; только с середины апреля 2008 года численность войск и силовых структур увеличена с 700 до 2500 человек – более чем в три раза. Всего же в районах, граничащих с Абхазией, по данным властей республики, сосредоточено до 12 тыс. человек. Подготовлено до 70 тыс. резервистов, планируется довести их численность до 200 тыс. Военный бюджет страны за годы правления Саакашвили резко вырос. В 2006 г. Грузия стала абсолютным лидером среди стран СНГ, увеличив свой военный бюджет в пять раз – с 77 до 341 млн. долларов, при этом доля военных расходов составила 4,9% от ВВП (по другим оценкам существенно больше – до 9%), что намного превышает потребности обороны.

29 и 30 июня 2008 г. в Сухуми и Гаграх прогремели взрывы. Кому были выгодны эти террористические акты в туристических центрах Абхазии в разгар сезона? С 1 июля власти Абхазии, чтобы предотвратить новые теракты и обеспечить безопасность отдыхающих, закрыли границу с Грузией. В ночь на 4 июля обстрелу подвергся Цхинвали – столица Южной Осетии. Создалась более чем реальная опасность вторжения грузинских войск на территорию республики. В связи с этим «возникла необходимость принятия срочных и действенных мер, чтобы не допустить кровопролития и сохранить ситуацию в правовых мирных рамках». Одной из таких мер явился пролет 8 июля четверки российских самолетов над зоной конфликта.

Вторжение было предотвращено, но Грузия не осталась в проигрыше. Власти Тбилиси подняли шумную кампанию в СМИ, сразу же поддержанную на Западе, обратились с жалобой в ООН, ЕС, другие международные организации. Власти Грузии, еще в феврале отказавшиеся от участия в работе Смешанной контрольной комиссии по урегулированию в Южной Осетии, стали требовать введения в ее состав представителей ОБСЕ и ЕС, а также Д.Санакоева, главы созданного ими марионеточного «правительства Южной Осетии». Дело представляется так, что абхазскую и южноосетинскую проблемы невозможно решить только из-за России, с которой «маленькой демократической» Грузии без военной и политической помощи США и НАТО никак не справиться.

На этом фоне срочный приезд госсекретаря США Кондолизы Райс в Тбилиси уже 9 июля нельзя расценивать иначе, как одобрение опасной политики Саакашвили в отношении Южной Осетии. Она в резких выражениях осудила Москву за поддержку «сепаратистских режимов» и «раздувание войны» в регионе. По существу Саакашвили был выдан негласный карт-бланш на эскалацию напряженности и использование силы в отношении «мятежных провинций». 10 июля из Москвы был отозван посол Грузии. Параллельно ряд представителей Госдепа США поставили под сомнение миротворческую и посредническую роль России в регионе.

Все это лишний раз подтверждает, что Тбилиси и его старшему партнёру Вашингтону было важно доказать несостоятельность и необъективность России как миротворца и ввести в районы конфликта международные полицейские силы, состав которых будет тщательно подобран. Надежнее всего реализовать эти планы, выставив Россию стороной конфликта. Позиция удобная и крайне выгодная: стоит только вытеснить российских миротворцев из этих республик – и отпадёт необходимость в трудных переговорах с «мятежниками», а мнение населения этих республик никого не будет интересовать.

Саакашвили часто – и, надо сказать, не без оснований, – называют ставленником Вашингтона, пришедшим к власти в Грузии в результате очередной «цветной революции», в «выращивании» которых Вашингтон преуспел. Совсем недавно их «производство» поставлено на широкую ногу – создан т.н. Гражданский корпус быстрого реагирования, цель которого – «экспорт демократии», а фактически «мирная» смена неугодных политических режимов. Первоочередными объектами его деятельности, по словам Дж.Буша, должны стать Кавказ и Центральная Азия. Грузии с ее безоглядно преданным Вашингтону президентом в этом «мирном» наступлении отводится роль главного плацдарма, основной «базы демократии». И кавказский сектор деятельности этого органа, судя по всему, не ограничится странами Южного Кавказа, где влияние США и сегодня достаточно весомое, и продолжит наращиваться. Россия вынуждена серьёзно опасаться за судьбу своих северокавказских территорий. По сути, речь идёт о новой стратегии США на Кавказе, в основу которой заложен принцип единства Южного и российского Северного Кавказа.

А такая стратегия на практике неизбежно приводит к усилению конфронтационных моментов между Москвой с одной стороны, Вашингтоном и Брюсселем – с другой.

Так, 15 июля начались плановые крупномасштабные военные учения Северокавказского военного округа "Кавказ-2008". Вполне логично, что в условиях неуклонно и уже не один год обостряющейся ситуации в конфликтных районах Южной Осетии и Абхазии на этих учениях, как было объявлено, помимо главной, отрабатывалась и задача по проведению спецоперации по принуждению к миру в зонах конфликтов. Понятно, что эти учения, как и маневры кораблей Черноморского флота у берегов Абхазии имели в виду предостеречь грузинские власти от нападения на Южную Осетию и Абхазию. В это же время в Грузии начались учения «Немедленный ответ-2008», которые можно было бы, не особенно погрешив против истины, назвать учениями американской армии, так как число участников со стороны США было едва ли не в два раза больше грузинских, да и финансировались они полностью американцами.

Кроме того, очередным главным объектом торпедирования российского влияния для США становится Центральная Азия. Грузии и в этих планах отводится важная роль «передового бастиона», способствующего «продвижению демократии» в этом регионе, также объявленном США жизненно важным для своих интересов.

Одна из причин активности США на Кавказе и в Центральной Азии – энергетика. Грузия используется не только как важная транзитная территория для перекачки нефти и газа из Центральной Азии и Каспия на Запад, в обход России, требующая повышенного уровня безопасности проходящих через нее трубопроводов, а значит, постоянного военного присутствия США и НАТО, что и наблюдается в последние годы. Недавно были подписаны соглашения между «Газпромом» и Национальной нефтяной компанией Ирана о совместном освоении ряда месторождений в Иране и строительстве НПЗ на севере Ирана. Эти соглашения в случае их реализации будут способствовать созданию трубопроводной системы от Ямала до Персидского залива и могут заложить реальный костяк будущей «газовой ОПЕК», которая рассматривается США и другими странами-потребителями западного мира как серьезная угроза их национальной безопасности. Грузинский плацдарм для противодействия этим замыслам является идеальным.

Важное ядро для геополитических планов Вашингтона; самая надежная «опора» того «моста демократий» от Балтийского до Каспийского моря, который охватывал бы «непредсказуемую» Россию и о важности которого, в частности, неоднократно говорил президент Дж.Буш-младший; исключительно выгодный военно-стратегический плацдарм как для сухопутных сил, так и для обеспечения контроля над акваторией Черного моря (особенно в совокупности с побережьем Украины и ее главным «непотопляемым авианосцем» – Крымом); пространство с уникальными возможностями для транзита энергоресурсов в обход России; территория для многовекторного политического давления на соседние страны и регионы, включая энергодобывающие страны Прикаспия, российский Северный Кавказ, Иран, другие страны Большого Ближнего Востока, – таковы неоспоримые преимущества грузинского «многофункционального плацдарма» для Вашингтона, как, впрочем, и для его западных союзников.

Нельзя забывать и о том, что Грузия является «резервной территорией №1» в планах Североатлантического альянса по дальнейшему расширению в восточном направлении. Причем вступление этой страны в НАТО, в отличие от Украины, поддерживает большинство населения страны, в Грузии нет ни одной более или менее значимой политической силы или политического лидера, которые выступали бы против членства в НАТО. И хотя на юбилейном саммите НАТО в апреле 2009 г. вопрос о членстве Грузии (и Украины) не поднимался, можно с достаточно высокой вероятностью утверждать, что вступление Грузии в альянс – вопрос не существ-

ва, а лишь времени. Главным препятствием для нее на этом пути продолжают оставаться территориальные конфликты, приемлемых для всех путей разрешения которых пока не видно.

Так, в США сразу же после августовских 2008 г. событий в Южной Осетии стали раздаваться голоса о необходимости замены российских миротворцев и прямых переговоров обеих сторон конфликта, что практически исключит из переговоров Россию, но никак не скажется на кулуарной роли Вашингтона.

Мало шансов на успех имеет и трехэтапный план грузино-абхазского урегулирования, выдвинутый Германией в июле 2008 г., накануне вторжения Грузии в Южную Осетию. План предусматривал: (1) подписание соглашения о неприменении силы и начале возвращения беженцев; (2) восстановление (с международной финансовой помощью) экономики и социальной сферы Абхазии; (3) переговоры о политическом статусе Абхазии. Министр иностранных дел ФРГ Штанмайер представил этот план в ходе «челночной дипломатии» между Москвой, Тбилиси и Сухуми. И хотя в Москве признали этот план конструктивным (хотя и требующим определенных доработок), ни Тбилиси, ни Сухуми по разным причинам не поддержали его.

Президент Саакашвили незадолго до принятия решения о вторжении в Южную Осетию, воодушевленный резко возросшей активностью Запада, связанной с урегулированием конфликтов, поспешил заявить, что «именно в Грузии решается судьба нового мирового порядка», что у Грузии «значительная миссия в регионе, она стала флагманом». Учитывая небогатые собственные возможности Грузии, ее экономическую слабость и политическую нестабильность (еще недавно ее относили к «падающим» странам; она и упала, но довольно-таки для себя удачно – в объятия США, чем и держится), подобные эпатажные заявления относительно миссионерской и флагманской роли Грузии нельзя воспринимать всерьез. Но то, что Грузия становится территорией пересечения геополитических, геоэкономических и военно-стратегических интересов многих мировых центров силы, – факт. И сегодня действительно стоит вопрос о том, станет ли Грузия «центром мира» или «центром войны». В какую сторону склонится чаша весов из нынешнего положения неустойчивого равновесия, во многом зависит и от Тбилиси.

К сожалению, пока обстановка в этом регионе особого оптимизма не внушает, стороны продолжают балансировать на грани кризиса. Грузия, рассчитывая тем самым решить свои территориальные проблемы, буквально напролом стремится в НАТО, и, надо сказать, пока на этом пути набирает очки в свою пользу.

* * *

Нынешние высокие темпы милитаризации Грузии (а после провала авантюры Саакашвили в Южной Осетии Вашингтон и Брюссель сразу же стали принимать активные меры по восстановлению военного потенциала страны) увеличивают вероятность новых попыток со стороны Тбилиси решить конфликты с Южной Осетией и Абхазией вооруженным путем. Выбор этого пути во многом будет зависеть от одобрения США, в лояльного вассала которых Грузия превратилась.

Определенные надежды возлагались на то, что новая администрация в Вашингтоне во главе с президентом страны Бараком Обамой изберет более прагматичный подход к выстраиванию политики с Грузией. Но, как говорилось выше, уже первые заявления ее высокопоставленных официальных лиц показали, что существенных изменений в этой политике ожидать не следует. Да, в США, хотя и с большим опозданием, но все же признали, что «Грузия совершила ошибку, напав на Цхинвал». Об этом говорил, в частности, помощник госсекретаря США Мэтью Брайза в эфире радиостанции «Эхо Москвы» 11 мая 2009 г. Но, по версии американских кураторов грузинского президента, втянула его в эту авантюру... Россия своими преднамеренными провокациями.

Можно сказать, что основные вехи того пути, по которому Вашингтон и Брюссель намерены вести Грузию после югоосетинского кризиса, обозначены довольно ясно. Североатлантический альянс уже в мае 2009 г. начал проводить в Грузии, в районе, примыкающем к территориям, где меньше года назад шли боевые действия, учения «Объединенный Лучник-2009/Объединенный Копьеносец-2009», которые, по мнению не только российских, но и ряда западных наблюдателей, носят в связи с этими обстоятельствами взрывоопасный характер. Вновь резко обострились отношения России и НАТО. Эти учения, пусть и не очень масштабные в военном отношении, несут важную военно-политическую составляющую. Их следует рассматривать как ясные сигналы Вашингтона и Брюсселя – предупреждающие для Москвы, обнадеживающие и поощряющие для Тбилиси.

Так что Грузия, несмотря на стремление Москвы и Вашингтона к улучшению отношений, остается одной из главных точек напряженности между Россией и США, независимо от того, будет ли Вашингтон и дальше поддерживать «сомнительного автократа» Саакашвили или сделает ставку на другого грузинского политика.

Олег Забузов

ДЕЙСТВИЯ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СВЯЗИ С ВООРУЖЁННЫМ КОНФЛИКТОМ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Информационное пространство для социума является важным элементом, поскольку в нём с помощью информации обеспечивается воспроизводимость и внутренняя связность общества. В то же время вполне очевидно, что любая социальная информация, какое бы важное содержание она в себе не несла, сама по себе может не иметь социального значения, если не будет доведена до какого-либо потребителя. Ведущая роль в современном информационном пространстве остается за традиционными средствами массовой информации как наиболее развитым и укорененным элементом общественной и политической системы, обеспечивающим процессы социализации личности, формирования политического сознания и культуры индивида и общества, их политическую психологию и идеологию. Все более значимым становится влияние Интернета.

Так как же Россия действовала в информационном пространстве в ходе вооружённого конфликта в Южной Осетии? Сейчас мало кто вспомнит, что осетины, единственный ираноязычный и православный народ Северного Кавказа, будучи разделены Кавказским хребтом, имели в советское время две автономии – автономную республику в РСФСР и автономную область в Грузии.

В начале 90-х годов осетинский народ был вовлечен сразу в два серьезных национально-территориальных конфликта. Северная Осетия была втянута в спор с ингушами Пригородного района. Южная Осетия отстаивала свою независимость от Грузии. Если Северная Осетия конфликт с ингушами разрешила, то вот Южная Осетия так и находилась в перманентно-текущем состоянии конфронтации с Грузией.

Если первый конфликт удалось свести на нет, то конфликт в Южной Осетии вышел в фазу вооружённого конфликта, приобретя черты геноцида югоосетинского народа и гуманитарной катастрофы.

События в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. в Южной Осетии изменили не только отношения между двумя народами, отношения в целом регионе, но

и в мире тоже. Грузинское политическое и военное руководство, используя информационный занавес открытия летних Олимпийских игр в Китае, попыталось решить «проблему» Южной Осетии военным способом.

Анализ действий России в информационном пространстве в связи с происшедшим конфликтом проанализируем исходя из ряда положений.

1. Информационная деятельность России на этапе начала грузинской агрессии, до момента ввода российских войск.

2. Информационная деятельность России на этапе ввода российских войск и завершения операции по принуждению к миру.

3. Заключительный этап, охватывающий информационную деятельность России в информационном пространстве в заключительной части операции и по настоящее время.

Сложно судить, имела ли информация у руководства России о готовящейся агрессии со стороны Грузии. Но можно утверждать о недостаточных действиях России в информационном пространстве на начальном этапе конфликта.

На этом этапе слабость позиций и действий России в инфопространстве предопределила такой результат, что еще до начала боевых действий общественное мнение стран Европы и США было готово признать Россию агрессором. Стоит отметить, что высшие политические деятели ряда зарубежных стран фактически оказывали всяческую поддержку руководству Грузии, в том числе и информационную.

К примеру, нет ничего удивительного в том, что та же Ангела Меркель «не нуждается» в доказательствах грузинской агрессии против Южной Осетии и преступлений против человечности, совершённых грузинскими солдатами в развязанном ими геноциде против осетинского народа. Думается, что она искренне уверена – Тбилиси действовал «как надо – ликвидировал банды преступников и сепаратистов», а вот Москва – «непропорционально применила вооружённую силу». Убежденность Меркель в «неподобающем поведении России» видна по тому, с каким чувством и воодушевлением она жала руку Михаилу Саакашвили на встрече, состоявшейся уже после беседы с российским президентом¹.

Не думаю, что основной информационный поток о событиях на Кавказе канцлер Германии, или любой другой политик такого же ранга, получает в основном из СМИ. В этом варианте событий стоит расценивать действия западных стран как исключительно поддержку режима Саакашвили, вне зависимости от сложившейся информационной картины событий.

¹ Щербаков В. Спецпропаганда отсиделась в кустах. Минобороны проиграло информационную войну // Независимое военное обозрение. – 2008. – 22 августа.

Следует отметить и оценку событий на Кавказе общественностью отдельных стран. Сегодня, когда телевидение, Интернет и СМИ стали действительно «массово доступны», значительная часть населения развитых стран мира – в основном в возрасте до 35–45 лет – всецело зависит от них и именно на их основе формирует свое мнение и отношение к тем или иным событиям. Это общеизвестный факт, за которым, впрочем, кроется факт иной, незаметный: эти люди составляют основной «костяк» избирателей в таких странах и принадлежат к тем, кто принимает или готовит основные решения. Последние же принимаются как раз на основе полученной информации и сформированного отношения к тем или иным событиям.

Как отмечает В.Щербаков, как только началась операция в Южной Осетии, армия и правительство Грузии, а также «покровители» Тбилиси не преминули развернуть настоящую информационную войну, противопоставить которой в первое время Москва мало что смогла.

Исходя из этого можно судить, что грузинское руководство тесно увязывает военные операции и информационную поддержку своим действиям и грузинская сторона заблаговременно готовилась и к проведению информационных операций.

Например, после ввода дополнительного контингента российских войск в зону конфликта интернет-сайты и всевозможные «блоги» буквально «взорвались» возмущенными сообщениями, осуждавшими «агрессию имперской тоталитарной России против маленькой свободлюбивой Грузии», которая-де не просто восстанавливает свою территориальную целостность, а еще и защищает южные рубежи РФ от «террористов и бандитов». Причем такие слова подавались не только от имени россиян, живущих за границей (можно допустить, что у них в головах сложилась совершенно иная, «виртуальная» реальность как результат постоянной промывки мозгов западными СМИ), но и от имени наших граждан, проживающих на территории России (об иностранных же авторах и говорить не приходится).

Были ли это реальные авторы или же умело законспирированные «солдаты» информационной войны, определить достаточно сложно. Но почему у них на поводу пошли те отечественные СМИ, материалы которых в ходе «пятидневной войны» носили откровенно или почти откровенно антироссийскую направленность?¹ А таких оказа-

¹ ООН обвиняет Россию в агрессии против Грузии // <http://www.runewsweek.ru/news/country/21852>; Посол США на Украине обвинил Россию в агрессии против Грузии и похвалил Ющенко с Тимошенко // <http://www.nr2.ru/crimea/192653.html>; Милибэнд обвинил Россию в агрессии против Грузии // http://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/08/13/n_1256343.shtml; Россия может начать новую агрессию против Грузии // <http://novosti.dn.ua/details/67629>, и др.

лось немало. В основном этим «грешили» он-лайн СМИ, имеющие, впрочем, намного большую доступность, а потому оказывающие больший информационный эффект, чем их более старшие печатные «собратья»¹.

В октябрьском номере журнала бундесвера, название которого содержит лишь одну букву (Y.), приведен график, показывающий представленность грузинских и российских акторов в немецких теленовостях в период с 5 по 22 августа 2008 г. График составлен немецкими специалистами по результатам мониторинга 1765 сообщений, прошедших на 5 каналах. Белым цветом обозначены грузинские акторы, красным – российские. Думается, что результаты присутствия/доминирования в информационном пространстве Германии представлены в достаточно наглядной форме.

Как можно прокомментировать эти данные? Вне всяких сомнений, грузинская сторона изначально была в более выгодных условиях по присутствию в информационном пространстве. Характерно, что 7–8 августа никакой информации от российской стороны в немецких СМИ не было, хотя велись активные боевые действия, связанные с многочисленными жертвами.

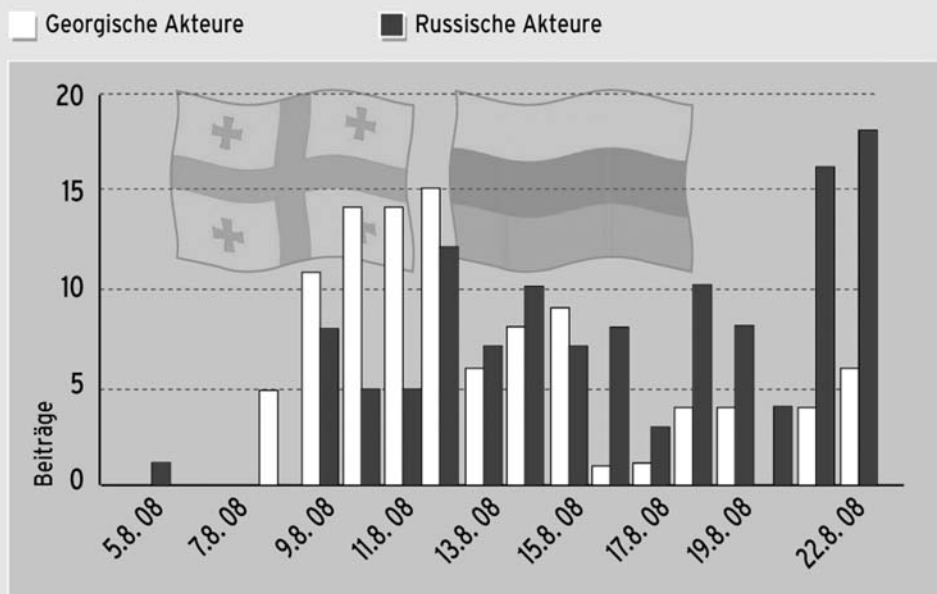
Возникает вопрос, сколько времени нужно на формирование достойного/соответствующего присутствия в информационном пространстве России? Заметим также, что все пятидневное противостояние на немецком информационном поле было исключительно за грузинской стороной. А если, к примеру, в информационную кампанию по захвату информационного пространства подключился бы небезызвестный М.Удуг? Напомним, что в период борьбы с бандитскими формированиями в первую чеченскую кампанию (1994–1996 гг.) деятельность идеолога чеченских боевиков заставила изменить взгляды руководства российского государства на проведение информационных операций². В результате существенно трансформировались формы и методы информационной деятельности Минобороны, других силовых ведомств России и органов государственной власти³.

¹ Щербаков В. Спецпропаганда отсиделась в кустах. Минобороны проиграло информационную войну // Независимое военное обозрение. – 2008. – 22 августа.

² В короткие сроки М.Удугвым в Интернете была создана разветвленная информационная структура, устойчивая к различным компьютерным сбоям и вмешательствам извне. Также им были сделаны конкретные шаги по переводу ряда электронных изданий в печатные версии. См., например: М.Удугов планирует организовать выпуск печатной версии своего интернет-сайта // www.kavkazuzel.ru/newstext/news/id/542498.html.

³ См., об этом подробнее: Организация информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации / Под ред. И.У.Байчурина, В.И.Марченкова. – М.: Воентехиниздат, 2007. – С. 66–67.

Präsenz georgischer und russischer Akteure in den TV-Nachrichten

Basis: 1765 Beiträge in 5 deutschen TV-Nachrichten

Quelle: Media Tenor (5. - 22.8.2008)

© Y./VECTUR

Рис. 1. Присутствие грузинских и российских информационных акторов в немецком информационном пространстве

Как известно, в настоящее время руководство Минобороны России намерено значительно сократить численность Вооруженных Сил, модернизировав их организационно-штатную структуру, добившись более иерархичной организации. Не является секретом и то, что некоторые виды и рода войск Вооруженных Сил, структуры обеспечения сокращаются в разы.

Но ведь еще древними мыслителями подмечено, что войны идут в головах людей, а главными жертвами становится именно мирное население. Учитывая, что современные войны нацелены на завоевание господства в любой сфере жизни, в том числе и информационной¹, в этих условиях представляется неоправданным тотальное сокращение информационных структур Минобороны России. Вооруженный же конфликт в Южной Осетии показал, что успех на поле боя еще не есть успех в ин-

¹ Рог В.Г. Характерные черты современных войн // Независимое военное обозрение. – 2007. – 7 июля.

формационном пространстве. Огромная сила воздействия, которой обладают СМИ, была по достоинству оценена известными историческими фигурами прошлого задолго до наступления информационной эпохи. Например, Наполеон Бонапарт, осознавая потенциал воздействия СМИ на общество, говорил: «Четыре газеты могут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия»¹.

Стоит задаться вопросом, что было сделано, к примеру, Министерством обороны, как одним из главных участников миротворческой операции? Проведенный автором анализ публикаций на официальном сайте Минобороны www.mil.ru показал следующую картину.

Апогей присутствия информационных материалов о ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии на сайте Минобороны можно было наблюдать 9 августа. Это и понятно, нормальная информационная динамика, отражающая развитие событий. Но потом почему-то пошел явный спад. Хотя при таком достаточно успешном развитии военных действия, информационный поток должен нарастать.

Отдельно стоит назвать 17 и 24 августа, здесь явные провалы. При простой работе с календарём становится ясно, что эти дни были воскресными. Война войной, а обед...

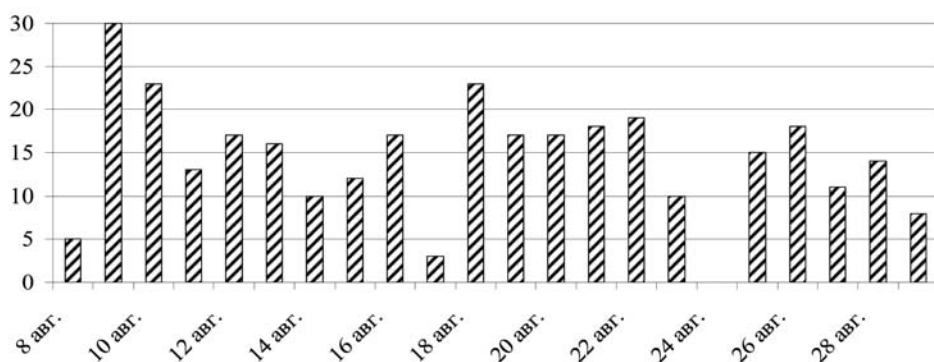

Рис. 2. Динамика размещения информационных материалов о ситуации в Южной Осетии на сайте Минобороны России (www.mil.ru)

В целом же вооруженный конфликт показал, что в начальный период боевых действий наблюдался явный провал в информационной деятельности со стороны России. Минобороны, непосредственно организовавший эту операцию, проявило себя далеко не активно.

¹ Цит. по: Бундина А. Средства массовой информации в современном обществе // <http://www.fsk.ru/may/tema/index.htm>.

Этому можно найти несколько обоснований. Или в Минобороны вообще не знали о готовящемся вторжении, и структуры органов информационного обеспечения Вооруженных Сил долго «раскачивались». Либо же имелась информация о планах грузинского руководства, а Минобороны пустило все на самотёк, как обычно, не придав этому должного значения. Вместе с тем отрицательный опыт отсутствия информационного обеспечения боевых действий у Минобороны РФ имелся (красноречивый пример – Чечня). Не стоит списывать со счетов и положительный опыт США: Югославия, Ирак, Босния, перед началом и во время проводимых операций на территории этих стран американское руководство активно вело информационную работу, обеспечивая себе доминирование в информационном пространстве.

Вооружённый конфликт еще раз показал, что без должного информационного обеспечения своих действий органами государственной власти, или, в нашем случае, Минобороны России, достичь успеха за короткий срок почти невозможно. Благо то, что для России вооружённый конфликт был скоротечным и в целом относительно удачным. В противном случае информационная машина, запущенная Саакашвили, при явной поддержке со стороны ведущих мировых держав, могла бы серьезно ухудшить имидж России в глазах мировой общественности и отдельных иностранных граждан. Глава фонда «Эффективная политика» Глеб Павловский выразил уверенность, что негативное освещение военной операции России на Северном Кавказе отражает изменившуюся роль страны в мире: «Мы сами не создаем, насколько мы новое государство, которое не вписывается в старую систему представлений о нас на Западе». Политолог отметил, что речь сегодня не идет об обычной информационной войне, в которой стороны обмениваются пропагандистскими и контрпропагандистскими ударами, а о своеобразном антироссийском расизме. В этой области, по мнению эксперта, явно доминируют западные СМИ в силу своей глобальности. Павловский пеняет мидовской неповоротливости, напоминая: «Российские обвинения в этнических чистках и геноциде были тут же скопированы воюющей Грузией, которая различила в этом потенциал политического действия, и немедленно – уже от грузинской стороны – в виде правильно поставленных бумаг отправлены в европейские судебные инстанции. И уже в начале сентября они будут рассматриваться. А у нас МИД и Минюст повторяют все те же формулы, но никто не потрудился составить простейшие бумаги»¹.

Сокращение численности Вооружённых Сил Российской Федерации, вне всяких сомнений, коснулось и информационных структур военного

¹ См.: Самарина А. Девочка и шоумен // Независимая газета. – 2008. – 18 августа.

ведомства. Естественно, такие сокращения не проходят бесследно для армии, а особенно современной, какую мы хотим построить. Останавливаясь на том тезисе, что современные вооружённые силы без должного информационного обеспечения окажутся в заведомо проигрышном положении, быть может, следует подумать о целесообразности тотального сокращения офицеров-специалистов в информационных структурах Минобороны России. Если уж их и сокращать, то лучше заменить квалифицированными гражданскими специалистами. Естественно, для гражданских специалистов не потребуется столько социальных льгот и гарантий, как для военнослужащих, но гражданским специалистам, чтобы их заинтересовать работой в Минобороны РФ, придётся платить на соответствующем уровне.

Отметим, что относительный успех по освещению вооружённого конфликта в Южной Осетии внутри информационного пространства России руководство страны и Минобороны имело¹. Успех по разъяснению сложившейся ситуации зарубежной общественности может быть признан лишь отчасти. Хотя отдельные островки успеха в зарубежном информационном пространстве были. В частности, испанские блогеры во многом были на стороне России².

А вообще-то, для того чтобы успешно действовать в информационном пространстве, необходимо осознавать, что без должного информационного обеспечения своих действий успеха не видать! Вооружённый конфликт в Южной Осетии еще раз тому подтверждение. Без развития информационных структур в Министерстве обороны России, без осознания важности их функционирования, поддержки среди населения ее как внутри страны, так и за пределами будет достичь достаточно тяжело.

¹ Подробнее: Яковлева А. Население «мобилизовалось» вокруг власти // Независимая газета. – 2008. – 19 августа.

² См. подробнее: Кобо Х. Испанские блогеры на стороне России // Независимая газета. – 2008. – 3 сентября.

Сергей Мельков

ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ: КАТАЛИЗАТОР ВОЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ?

Два события – конфликт в Южной Осетии (август 2008 г.) и начало активных реформаторских действий в Минобороны нашей страны (сентябрь 2008 г.) удивительным образом практически совпали по времени. Поэтому многие аналитики и специалисты задаются вопросом: были ли данные действия объединены общей логикой или они синхронизированы случайно? Полагаем, что такая связь есть, но она не носит ярко выраженного линейного характера¹.

Дело в том, что вооруженный конфликт в Южной Осетии действительно выявил немало политических проблем руководства военной организацией государства, а также вопросов относительно состояния и боевой готовности российских вооруженных сил. Известно также, что и Президент России Д.А.Медведев, и председатель Правительства России В.В.Путин дали высокую оценку действиям российских военных в Южной Осетии. Но позволяет ли исследователю высокая оценка ратного труда, данная руководством государством, исключить из сферы своего интереса целый комплекс застарелых и новых проблем, присущих российской армии?

Полагаем, что высокая оценка ратного труда российских военных не исключает того, что непредвзятый взгляд на конфликт августа 2008 года явно поможет руководству Минобороны Российской Федерации и российских вооруженных сил четче увидеть системные недостатки, и, соответственно, при их исправлении не допустить повторения старых ошибок. Ведь очевидно, что событие, начавшееся в ночь с 7 на 8 августа этого года и продлившееся пять суток, изменило не только нашу страну, но ближнее и дальнее зарубежье. Изменилось отношение к России и

¹ Подробнее см.: www.milpol.ru и www.kommentarii.ru.

российской власти, к российской армии. Активизированы процессы коренного изменения международных отношений. Однако оценки вооружённого конфликта, его причин, участников и последствий даются самые различные.

Тенденции развития внутривнутриполитической ситуации

Внутриполитические итоги этого вооружённого конфликта для российской власти следует оценить положительно.

1. Российское общество стало еще более консолидированным вокруг власти, что зафиксировано всеми отечественными социологическими центрами¹. Авторитет Президента России Д.А. Медведева среди россиян значительно вырос.

2. Российская политическая элита поддерживает применение силы, признание независимости Южной Осетии и Абхазии, а также достаточно активное противостояние с Европой, США и НАТО (правда, в разной степени с каждым из них). Был отмечен всплеск антигрузинских и особенно антиамериканских настроений.

3. Глава российского государства продемонстрировал волю и самым убедительным образом дал понять: что касается российских граждан и их интересов – слово держу и буду их защищать. Так и должен поступать президент в демократическом государстве. По данным проведенного Левада Центром опроса, 70% россиян считают, что российское руководство сделало всё возможное для того, чтобы не допустить эскалации конфликта, 74% считают, что Грузия стала заложником геополитических устремлений США.

4. Действия нашей армии в зоне грузино-югоосетинского конфликта радикально поменяли отношение россиян к собственным Вооруженным силам. «Основные чувства, которые испытывают россияне, когда говорят о Вооруженных силах нашей страны, – это гордость, уважение и надежда», – сообщил гендиректор ВЦИОМ В. Фёдоров. По его словам, гордость за российскую армию испытывают 30%, о своем уважении к ней заявили 29% респондентов, надежды на нее возлагают 25%. «Только 12% испытывают по отношению к армии разочарование, только 7% – недоверие и только 4% – безразличие. Это радикальный переворот в отношении россиян к нашей армии», – считает гендиректор ВЦИОМ. Одновременно председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин заявил об увеличении в следующем году расходов на оборону.

Известно, что чем хуже отношение к России в других странах – тем зачастую лучше отношение наших граждан к собственной власти. Но есть и несколько иные точки зрения. Так, по мнению аналитика из Курска

¹ См.: www.wciom.ru.

В.Шаповалова, по всей вероятности, существенного роста популярности властей в результате конфликта не произошло. Общество восприняло решение России вмешаться в конфликт как должное и, пожалуй, даже вынужденное, хотя и трудное. Большинство россиян полагает, что если бы своевременного вмешательства России в вооружённую фазу конфликта не произошло, это нанесло бы колоссальный удар по авторитету власти внутри страны, поставило бы под сомнение позиции нынешнего российского руководства, сформировало бы образ Д.Медведева как «слабого» президента, не способного защитить интересы своих сограждан.

Решение российских парламентариев о признании независимости Южной Осетии и Абхазии в этом контексте выглядит логичным и последовательным, поскольку и Д.А.Медведев, и В.В.Путин демонстрируют готовность российской власти быть последовательной. Сами российские лидеры инициируют системные действия по разрешению данного конфликта вблизи российских границ. Выбранный для этого путь, на наш взгляд, можно назвать правовым с активной силовой составляющей. Поясним: для Запада посылаются сигналы о том, что Россия готова как договариваться, так и совместно действовать. Но одновременно подтверждается умение российской армии и российского государства отстаивать свои национальные интересы. Поэтому российская власть как бы мягко предлагает Западу: «Всё для вас. Выбирайте!» А правовой путь заключается в попытке повторить косовский вариант в отношении Южной Осетии и Абхазии (поскольку в нашей стране признание независимости Косово рассматривается как международно-правовой прецедент).

Были ли просчитаны до конца последствия признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии? Очевидно, что все последствия просчитать невозможно. Но, судя по всему, президент, премьер-министр и политическая элита России настроены решительно и готовы довести начатое дело до конца. Это вызывает уважение, хотя и не снимает с российской власти необходимости разъяснять как отечественному, так и зарубежному экспертному сообществу суть собственных решений и планов.

Полагаем, что в связи с возможными негативными санкциями со стороны Запада есть весьма позитивный момент для России и связанное с ним существенное противоречие. Плюс заключается в том, что в условиях той или иной степени изоляции появляется время заняться реализацией пожелания президента о формировании инновационной экономики и уменьшении зависимости от энергоносителей. Но есть ли фактически такая возможность и самое главное – заказ на такие действия со стороны элиты? Ведь после 8 августа руководство страны все силы на достаточно долгий период времени сосредоточило на участии в разрешении конфликта в Южной Осетии.

По нашему мнению, в условиях, когда элита формирует заказ на дальнейшую консолидацию власти, когда вертикаль власти в нашей стране окрепла и продолжает осваивать всё новые социальные пространства (например, местное самоуправление, дачные сообщества), реформаторские возможности президента сужаются. Полагаем, что без серьёзных реформ (в том числе, и самой власти) будет непросто создать что-либо инновационное в нашей стране. Но власть, похоже, настроена на дальнейшую борьбу за национальную безопасность любой ценой, поэтому пока не видно практической возможности разрешить это противоречие. И в этом не виноваты ни Грузия, ни США, ни НАТО, ни европейские страны.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что через несколько месяцев после окончания конфликта российская власть была вынуждена переключиться на еще большую угрозу – мы имеем в виду финансово-экономический кризис, который продолжается до сих пор. Тем не менее, в прессе изредка все же появляются осторожные критические оценки внутриполитических итогов вооружённого конфликта. Они связаны, как правило, с двумя направлениями.

Во-первых, в отечественном экспертном сообществе продолжается поиск интенсивных возможностей социально-экономического развития России. Увеличение количества бюджетных средств, выделяемых на любые направления и проекты, таковым не является по определению, да и восстановление инфраструктуры Южной Осетии выльется в немалые расходы из федерального бюджета. К будущим немалым расходам также относится принятое решение о строительстве двух российских военных баз в Южной Осетии и Абхазии и обсуждавшееся решение о строительстве в Абхазии военно-морской базы.

Во-вторых, среди части аналитиков иногда продолжается дискуссия о возможной либерализации политической и экономической жизни страны. Таковая периодически признаётся желательной для России, особенно применительно к политической системе, к расширению общественного диалога в стране. Хотя после 8 августа надежды на неё несколько ослабели, но, пожалуй, финансово-экономический кризис всё же подвигнет высшее российское руководство ослабить государственный контроль за экономической и общественной жизнью в стране.

Неоднозначная оценка военных итогов конфликта

С методологической точки зрения военная деятельность на международной арене – это разновидность политической деятельности, ее продолжение и результат. В связи с этим полагаем, что озвученное после вооружённого конфликта приостановление военного сотрудничества России со странами НАТО детерминировано политикой. Военного сотрудничества между Россией и НАТО ранее фактически не было (может

быть, за исключением совместных учений). А вот на политическом уровне были и контакты, и попытки улучшить отношения, понять друг друга. И ранее российские и натовские военные структуры не испытывали потребности в общении. Все-таки Америка и НАТО – такой традиционный для нас противник! У великой державы иного противника не может и не должно быть.

При этом военная составляющая не является основной в функциях НАТО, в большей степени это политическая организация. Поэтому стремление «насолить» НАТО, например, запретив транзит невоенных грузов альянса в Афганистан через российскую территорию, контрпродуктивно и может быть принято только политическим руководством. Военные руководители могут влиять на подготовку некоего запретительного решения, но последнее слово не за ними. Принятие такого решения может быть детерминировано дальнейшими действиями НАТО, а то, что эти действия последуют – сомнений нет.

Каковы могут быть последствия обоюдозапретительных (со стороны НАТО и России) решений для Российской Федерации?

Во-первых, ухудшатся отношения нашей страны как с самим блоком, так и со странами, входящими в блок (но не со всеми). Россия к этому готова.

Во-вторых, имидж России, как страны, с которой не получается договориться, в определённых странах будет ухудшаться (но не во всех). И к этому готовность есть.

В-третьих, наша страна всё более активно будет втягиваться в гонку вооружений. В нашей стране немало сторонников такого развития событий.

В-четвёртых, состояние обороны и военной организации России не пострадает.

Не думаем, что возможно полное прекращение сотрудничества между Россией и НАТО. Вопрос о том, кто больше выиграет или проиграет в отношениях Россия–НАТО, кажется не слишком корректным. Почему? Дело в том, что от стран, входящих в эту организацию, да и от России по-прежнему зависят вопросы войны и мира на планете. Поэтому мы считаем резкий рост в России антиамериканских настроений и укрепление конфронтационной схемы реальности «мы» – «они» контрпродуктивным. Это результат государственной пропаганды.

Так получилось, что благодаря стараниям элит после 1985 года мир отошел от края военной пропасти. Но если нынешняя тенденция нагнетания напряжённости продолжится, то после вопроса о том, кто больше выиграет или проиграет, появляется вопрос: кто виноват? Так уже произошло с Россией на территории Южной Осетии. Почти никто не хочет разбираться с сутью того, что произошло (виноватого уже назначили). А виноватый себя таковым не чувствует и будет стремиться защищаться.

А чтобы защищаться, надо вооружаться и т.д. и т.п. Круг замыкается. Поэтому полагаем, что чем меньше страны и организации будут сотрудничать между собой, тем больше вероятности, что в результате проиграют все. Поэтому озвученные итоги саммита НАТО (стремление учесть интересы России) в апреле 2009 г. мы оцениваем положительно.

Собственно военные итоги вооружённого конфликта в Грузии могут быть оценены положительно для России. Российские вооружённые силы оказались более подготовленными к ведению боевых действий в горно-лесистой местности при безусловной поддержке местного населения. Иначе и не могло быть. Как отмечает, например, А.Цыганок, быстрота реакции российской армии и эффективность ее ударов оказались неожиданными не только для грузинского руководства, но и для многих руководителей и СМИ стран Запада, а также для некоторых пессимистически настроенных отечественных наблюдателей. За трое суток на изолированном и крайне сложном по природным условиям операционном направлении удалось создать весьма мощную группировку сил и средств, способную быстро нанести поражение группировке грузинской армии такой же численности. Важно, что контрактной армии Грузии противостояли российские воинские части, также в основном укомплектованные (впервые!) контрактниками.

При этом ряд специалистов (М.Гареев, П.Грачёв, П.Дейнекин, А.Корнуков, В.Литовкин, В.Мухин, В.Мясников, Ю.Неткачев, А.Храмчихин, А.Цыганок) отмечают немало недостатков в деятельности российских военных, которые мы не будем перечислять. Нужно признать, что бесконтактной войны в стиле НАТО (которая бы началась воздушно-космической операцией) не получилось. Все исследователи единодушно отмечают: Российские Вооруженные силы действительно требуют скорейшей модернизации, поскольку армия воюет уже сейчас, а не тогда, когда закончатся те или иные планы военного реформирования.

Тезисами отметим несколько наиболее актуальных для реформирования моментов.

1. Абсолютное молчание министра обороны России во время вооружённого конфликта и после него не может быть признано нормальным. Ненормально также, что действия российской армии во время конфликта и после него комментировал только заместитель начальника Генштаба генерал-полковник А.Ноговицын¹. Но какие выводы сделаны из этой, как представляется, совершенно ненормальной ситуации? Например, А.Цыганок предлагает создать информационные войска, в со-

¹ См.: Вестник информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации. Спец. выпуск. – М.: Агентство «Военинформ» МО РФ, 2008.

став которых включить государственные и военные СМИ. Нам же более реальным видится усиление органов информационного обеспечения Вооружённых Сил РФ (которые предназначены для формирования позитивного общественного мнения), получив на выходе эффективную систему военного пиара (об этом пишут В.Белозёров, А.Гольц, А.Петрунин).

2. Необходимо срочно развернуть массовое применение беспилотных ударных самолетов и аппаратов.

3. Следует полностью оснастить армейские структуры переносными и стационарными приёмниками Глобальной навигационной спутниковой системы, полностью развернув орбитальную группировку космических аппаратов ГЛОНАСС.

4. Видимо, целесообразно армейскую авиацию вывести из состава ВВС и ПВО и вновь передать в состав сухопутных войск, восстановив командование армейской авиации в общевойсковых армиях и корпусах.

5. Возможно, что есть смысл вернуться к реализации предложения В. Шлыкова из Совета по внешней и оборонной политике о переподчинении военных разведывательных органов напрямую министру обороны¹.

Отдельно скажем о военном пиаре. Его нынешнее состояние, на наш взгляд, детерминировано несколькими обстоятельствами.

Во-первых, не слишком активная позиция Минобороны России в информационном пространстве характерна не только для органов военного управления, но и для органов государственной власти. Зачастую пиар воспринимается, в лучшем случае, как синоним информирования общественности. Этого сегодня, полагаем, явно недостаточно.

Во-вторых, до сих пор не реализована программа т.н. военного пиара, сформированная под руководством С.Рыбакова (в бытность С.Иванова министром обороны). Полагаем важным напомнить, что необходимость военного пиара была осознана в США после поражения американской армии во Вьетнаме². Но в нашей стране до сих пор военно-имиджевая политика, призванная сформировать и поддерживать позитивный имидж вооружённых сил, в принципе отсутствует.

В-третьих, деятельность органов военного управления в информационном пространстве не синонимична информационной борьбе. За общественное мнение, конечно, нужно бороться, но не только военными/силовыми/пропагандистскими методами.

И последнее. Прежде чем формировать общественное мнение, органы военного управления должны иметь собственную консолидированную

¹ Шлыков В. Демонополизация информации (www.milpol.ru).

² Организация информационного обеспечения Вооружённых Сил Российской Федерации. – М.: ВУ, 2007. – С. 34.

инициативную позицию по всем ключевым вопросам функционирования вооружённых сил. Инициативность – это не последняя, а во многом ключевая характеристика. Если в армейских и флотских структурах чётко понимают, что они хотят и чем реально занимаются, то, по всей видимости, смогут это объяснить внешним потребителям информации. И даже будут упреждать общественные и властные информационные потребности и запросы. Мы так считаем потому, что в Европе и США жители привыкли больше думать и меньше реагируют на лобовую пропаганду и агитацию.

Есть ли успехи в дипломатии и в информационном пространстве?

Что касается дипломатических итогов конфликта, то оценить их сложнее. Вначале казалось, что возможна изоляция России, во всяком случае, со стороны европейских стран, США и НАТО. Однако вскоре стало понятно, что действия и позиция России находят понимание и поддержку. Никарагуа первой признала независимость Южной Осетии и Абхазии. При этом важно понимать, что добиться поддержки в мировом сообществе признания независимости Республик Абхазия и Южная Осетия в качестве самостоятельных, суверенных и независимых государств будет сложно.

Но есть немало стран, которые явно симпатизируют действиям России (см. итоги саммита 2008 года в Душанбе). Трудно согласиться с утверждением некоторых специалистов о том, что саммит стран-членов ШОС не принес ощутимой поддержки российской политике, проводимой на Кавказе. Вряд ли можно было ожидать публичного обращения со стороны одной или нескольких стран-членов ШОС в международный трибунал. Это должна сделать Россия как сторона данного конфликта. Может быть, кто-то надеялся, что лидер какой-либо страны-члена ШОС обвинит США в поддержке режима М.Саакашвили и поклянется порвать с Америкой отношения? Маловероятно, что странам ШОС сегодня принесут позитивные долговременные результаты пропагандистские и одновременно радикальные действия.

В настоящее время сложно действовать лидерам стран, которые не хотят послушно следовать за Западом и должны ориентироваться на другие центры влияния и мнение собственных элит. Еще сложнее оперативно определиться со своей политикой несамодостаточным странам, да еще и с многочисленными конфликтами на своей территории или вблизи своих границ. Все страны ШОС таковы, и поэтому спешка просто-напросто неуместна. Словом, более активные действия этих стран на международной арене еще впереди.

В случае роста усиления противостояния России с Западом наши партнёры (например, страны СНГ, ШОС) будут руководствоваться

собственными национальными интересами. А Россия, на наш взгляд, сегодня готова платить за поддержку своих шагов. Конечно, принцип интернационализма сейчас не в моде, но по сути все осталось по-прежнему: кто нас поддерживает, тому мы поможем. Это нормально.

Что касается западных стран, то есть ощущение, что в некоторых из них элиты живут иллюзиями о каких-то имманентных либерализме и «мягкости» нашего президента. Ведь было очевидно, что российское руководство вполне серьёзно рассматривало вариант признания независимости Южной Осетии и Абхазии. Не принимая всерьёз некоторые действия (ранее В. Путина, а теперь Д. Медведева), элиты Запада дали прекрасную возможность нашему руководству проявить волю, характер в практической реализации наших национальных интересов (во всяком случае, так, как их понимает российская элита).

Причин того, что европейские страны с началом конфликта негативно восприняли решение о признании Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, немало. Кратко зафиксируем некоторые из них.

1. Видимо, предполагалось, что российское руководство и в этот раз не решится проявить самостоятельность. Неверие в решительность российской элиты ещё не раз вызовет разочарование на Западе.

2. Кроме того, выход России из-под плотного контроля западных стран и международных организаций не может им понравиться. Это очевидно.

3. Ещё одна причина связана с тем, что Россия показывает возможность развития прецедента и практического решения национально-этнического/территориального конфликта. А ведь российское руководство предупреждало: не открывайте «ящик Пандоры». Но теперь уже поздно.

4. Постоянное обращение внимания общественности в ряде стран в сторону России позволяет, как обычно, отвлекать внимание от внутренних проблем. Теперь и военные расходы во многих странах могут начать расти, и социальные программы могут быть урезаны, и т.п. А инициатором всегда можно выставить недемократическую Россию, дескать не стала играть по правилам и тем самым катализировала негативные процессы во всем мире.

5. Возникает понимание, что скоро придется менять «правила игры» на международной арене. Фактически на наших глазах меняется послевоенное (1945 г.) мироустройство. После признания Косова многие верили, что это, во-первых, прецедент и, во-вторых, это может себе позволить только сильный в экономическом и политическом отношении Запад (условное название). Уверен, что аналитическая работа в связи с событиями на Кавказе идёт в сотнях (если не в тысячах) интеллектуальных центрах, как властных, так и научных и общественных. То есть

элиты на Западе в связи с действиями России столкнулись в очередной раз с интеллектуальным вызовом.

Думается, что последовавшая через определённое время после окончания боевых действий достаточно взвешенная политическая оценка членами НАТО и европейскими странами действий России на Кавказе является следствием нескольких обстоятельств.

Во-первых, есть понимание имманентной противоречивости норм международного права.

Во-вторых, руководство европейских стран прекрасно понимает роль США в милитаризации Грузии. Силу вооружённую создали, теперь она «выстрелила» (как ружье, которое висит в первом акте на стене).

В-третьих, пока нет ясности относительно судьбы режима М.Саакашвили. Если его действия не осудить, то очевидно, что вооруженная агрессия со стороны Грузии повторится практически со стопроцентной вероятностью. А если осудить, и тем более – принять к Грузии меры, то тем самым компрометируется самооценочность «самой демократии» (о противоречивости позиции Европы и США по вопросам войны и мира несколько лет назад была опубликована отличная статья О.Белькова «Военный мундир демократии»).

Следовательно, Запад, видимо, понимает провокационность политики М.Саакашвили как принцип. Другое дело, что Запад неоднороден и страны – бывшие республики СССР и бывшие же социалистические страны еще долго будут «сводить с нами счёты». Что касается перспектив развития международных отношений в целом, то охлаждение продолжится в ближайшее время. Видимо, провокации в адрес России возможны, как возможны «двойные», «тройные» и какие еще угодно стандарты. Но ведь они всегда были и будут, поэтому их нужно прогнозировать и готовиться реагировать на них.

Результаты встречи стран-членов НАТО по ситуации в Грузии в очередной раз показали, что основная линия противоборства между этим блоком и Россией пролегает не в политическом, а в информационном пространстве. Если слепо верить СМИ (особенно первым публикациям), то наша страна – однозначно агрессор. И вот теперь собираются политики, приезжают в Россию и в Южную Осетию журналисты, а мы видим и слышим совсем иные оценки.

Как можно оценить заявления о том, что Россия нарушила нормы международного права? С ними следует согласиться, потому что такое запутанное и внутренне противоречивое международное право нельзя было не нарушить, реализуя свои интересы вблизи собственных границ, защищая собственных граждан и миротворцев-россиян. Однако эта оценка лишь частично характеризует произошедшее и действия только одной из сторон конфликта.

Другая сторона правовой оценки конфликта объективно связана с концептуально-правовыми установками России в области безопасности. В Концепции национальной безопасности России и в Военной доктрине (действующие, кстати, с 2000 года) четко написано, что вооруженные конфликты вблизи российских границ есть угроза национальной безопасности. А эти документы детерминируют действия власти и органов военного управления в области безопасности. Следовательно, гарантированную безопасность Россия могла обеспечить своим гражданам, только практически пресекая угрозы политическими и военными средствами (их соотношение и должно быть урегулировано правовыми нормами).

Чтение многочисленных статей о вооружённом конфликте на территории Южной Осетии позволяет выделить то общее, что отмечается многими исследователями. Это реально существующее отставание России в информационном пространстве, что предопределило такой результат воздействия на общественное мнение в странах Европы и США. Имеется в виду готовность западного общественного мнения признать Россию агрессором еще до начала боевых действий.

Полагаем, что искомый результат усилий нашей страны будет зависеть от эффективности действий России в информационном пространстве. Объектом информационной политики, как известно, является общественное мнение. Влияние же российского руководства и отечественных СМИ на общественное мнение большинства стран пока ограничено.

Какова возможная стратегия действий России?

Первая часть возможной стратегии России заключается во всемерном наращивании информационных ресурсов и возможностей за рубежом. Сделать это будет непросто привычными методами пропаганды, и нужно развивать институт связей с общественностью. Сначала – внутри страны, потом – на международной арене. Объяснять, объяснять и еще раз объяснять свою позицию всем и каждому – вот, на наш взгляд, магистральный путь.

Если Россия хочет быть великой державой (а большинство россиян этого хочет), в перспективе Минобороны должно занять ключевую роль в оборонной политике (в политике обороны и безопасности). Для этого придётся усиливать информационную и аналитическую составляющую деятельности этого министерства.

Вторая часть стратегии России (её президент озвучил четко) заключается в тщательном и весьма скрупулезном выполнении норм международного права. Например, если российские военные не имеют права выходить вне территории Южной Осетии и Абхазии (плюс 12-километровая зона), то ни в коем случае этого не надо делать. Словом, не поддаваться на провокации. Думается, что эта часть нам по силам.

Третью часть возможной стратегии обозначим как доведение всех начатых дел до конца. То есть подготовить документы для трибунала в Гааге и обязательно их туда передать. Добиваться международно-правовой (а не только политической) оценки. Все-таки политика отличается ситуативностью, право более фундаментально. Сделать это будет тоже непросто.

Четвертая часть очевидна. Это продолжение координации вокруг России стран, которые признают право наций на самоопределение. Таких стран немало, и среди них Россия может стать (уверены, что станет) моральным лидером в случае, если полностью реализует линию на разрешение постсоветских конфликтов. Результатом должно стать завершение формирования международно-правовых статусов всех протогосударственных образований на постсоветском пространстве.

Не стоит забывать, что Абхазия расположена рядом с Сочи – столицей Олимпиады 2014 года. Осетия тоже недалеко. Стабилизация ситуации в регионе – цель российской политики. Вопрос в цене, которую Россия готова за это заплатить, а платить ей приходится.

И в завершение. В марте 2009 года в Высшей школе экономики состоялся семинар, организованный Советом по внешней и оборонной политике (СВОП), по теме: «Реформа Сердюкова» как победа здравого смысла» (с докладом выступил В. Шлыков). Данное название некоторыми присутствующими было вначале воспринято как издевательство. Но затем оказалось, что, по мнению СВОПа, многое из того, что в настоящее время делается в Минобороны, было разработано и предложено СВОП несколько лет назад. Был сделан такой, достаточно противоречивый вывод: хотя еще несколько месяцев назад министр обороны категорически отрицал возможность реформирования Вооружённых Сил России, он все же сейчас почти всё делает правильно.

Развернувшаяся затем дискуссия выявила целый спектр взглядов на ход современного военного реформирования в России. Оказалось, что немногие из присутствующих понимают и принимают реформы А.Сердюкова. В выступлениях звучало немало критики в адрес власти и руководства Минобороны России. С одной стороны, фактически никто не ставил под сомнение необходимость реформирования российской армии. В то же время практически все выступающие прогнозировали основные проблемы в связи с непониманием общественностью страны и офицерским составом сути реформаторских действий.

Следовательно, личные выводы и наблюдения, сделанные Президентом Д.Медведевым и министром обороны России, спровоцировали начало достаточно энергичных действий по реформированию вооружённых сил. Ничем иным мы это объяснить не можем.

Александр Перенджиев

ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ПРИМЕР ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Война и терроризм – это жестокие явления нашей жизни, так как они оба несут людям смерть и страдания, разрушения и значительные материальные убытки. Однако, в целях противодействия этим явлениям, ученым, политическим и общественным деятелям вновь и вновь приходится осмысливать их с учетом новых событий на Земле. Ведь практически во всем мире, и в нашей стране, в частности, продолжают совершаться террористические акты, приводящие к жертвам в сотни и даже в тысячи жизней. И пусть, как бы цинично это ни звучало, в войнах (особенно в крупных, мировых) гибнет значительно больше людей, чем в результате терактов. Поэтому полагаем, что все эти социально-политические явления – террористические акты, войны и вооружённые конфликты – имеют для современных обществ деструктивный характер.

Политики и общественники, средства массовой информации, силовики и спецслужбы также вынуждены считаться с тем огромным влиянием, которое война и крупные террористические акты оказывают на властные структуры и на государственную политику. Причем это влияние носит далеко не одномерный и весьма неоднозначный характер. Например, террористический акт в США в сентябре 2001 года привел к образованию суперведомства – Министерства безопасности¹. А террористический акт в сентябре 2004 г. в школе №1 города Беслана привел к отмене прямых выборов губернаторов в Российской Федерации.

¹ По мнению спецпредставителя Президента России по вопросам борьбы с терроризмом, оргпреступностью и незаконным оборотом наркотиков А.Сафонова, образование Министерства безопасности потребовало от руководства США колоссальной работы. По его словам «... в Соединенных Штатах предпринимается попытка работать над информацией со всех сторон, чтобы сделать её более выстроенной. Интеллектуально это очень сложная работа. Такая же задача должна ставиться и в России». См.: *Петровская Ю.* Спецслужбы взаимодействуют хуже, чем террористы // Независимая газета. – 2006. – 16 июня.

Размышляя над диалектикой политики, войны и терроризма, автор старался применить выработанную им методологию анализа их взаимосвязи к конфликтам современности. Некоторые сделанные им выводы первоначально могут показаться не бесспорными, однако применительно к вооружённому конфликту на территории Южной Осетии в августе 2008 года обнаружена четкая взаимозависимость между государственной политикой грузинского руководства и применением Грузией военной силы против гражданского населения, властных структур республики и российских миротворцев.

Целью данной статьи является выработка комплекса мер (прежде всего, политических, информационных и военных) по противодействию вновь возникшим угрозам террористического характера безопасности России. В связи с такой целью, задачами статьи являются: переосмысление некоторых теоретических положений, полученных в ходе изучения современных войн и такого негативного социально-политического явления, как терроризм; а также анализ военно-политической обстановки в приграничной с Россией территории.

1. Взаимосвязь терроризма и войны

Проблема соотношения таких понятий, как «терроризм» и «война», давно привлекает внимание различных ученых и экспертов. Давно замечено, что терроризм и война имеют много общего между собой.

Во-первых, **по целеполаганию** терроризм и война преследуют политические цели. Прусский генерал и военный теоретик Карл Клаузевиц в посмертно изданном труде «О войне» предложил классическую формулу, определившую место угрозы силой и её применения во внешнеполитическом арсенале, когда писал: «Война есть продолжение политики другими средствами»¹. Большинство современных исследователей терроризма приходят к выводу о том, что терроризм – это, прежде всего, проведение политики террора (то есть, по сути – террористической политики), основной, конечной целью которой является оказание давления на власть, элиту и общество той или иной страны (группы государств или всего мирового сообщества) для последующего вызова необходимых политических изменений.

Во-вторых, **по характеру применения средств** терроризм и война связаны с применением насильственных средств. Так, исследователь А.М.Бородин считает, что «... крайней формой проявления насилия в сфере политических отношений, когда на карту ставится жизнь человека, является терроризм, где насилие выступает как инструмент сохра-

¹ Клаузевиц К. О войне. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 5, 27.

нения или изменения проводимой в стране политики»¹. Пороку террористические и воинские формирования мало отличаются по вооружению, обмундированию и боевой выучке. Например, незаконные формирования так называемой республики Ичкерия в период с 1994 по 2002 год в ходе боевых действий (на территории Чечни и Дагестана) и террористических актов (в Буденновске, Первомайском) применяли оружие производства многих государств (США, России (СССР), Великобритании, Китая, Пакистана и т.д.), в том числе танки, артиллерию и авиацию.

Факт оснащения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики новейшей военной техникой констатировал в 1995 году Конституционный Суд Российской Федерации². Исследователи А.В.Малашенко и Д.В.Тренин также считают, что «...реальный противник России³ располагал существенной военной силой»⁴. В свою очередь ученые-террологи Академии управления МВД России в своей монографии пришли к однозначному выводу: «сегодняшние террористические организации ... широко используют новейшие типы оружия, средства связи и транспорта»⁵. То есть террористы имеют вооружение не хуже, а порою и лучше по качеству, чем действующие армии многих суверенных государств.

Война, как мы уже отмечали выше, также как и терроризм, связана с применением насильственных средств. Например, современный исследователь военно-политических проблем О.М.Михайленок, анализируя соотношение войны и насилия, в своей научной работе утверждает: «В течение тысячелетий война рассматривалась как единственное средство решения международных проблем, насилие – как решающий фактор развития отношений между классами, нациями, этническими группами, как «повивальная бабка истории»⁶.

В-третьих, оба явления, что терроризм, что война, как мы отмечали выше, своим **последствием** имеют человеческие жертвы, разруше-

¹ *Бородин А.М.* Политические проблемы современного терроризма: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2001. – С. 10.

² *Агапов П.В.* Организация незаконного вооружённого формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. – М.: АНО «Юридические программы», 2005. – С. 23.

³ Имеется в виду так называемая армия Ичкерии.

⁴ *Малашенко А.В., Тренин Д.В.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М.: Гендальф, 2002. – С. 133.

⁵ *Дзгоев М.И., Иззатдуст Э.С., Киреев М.П.* Современный терроризм: социально-политический облик противника / МВД РФ. Академия управления; Под общ. ред. д-ра юрид. наук, генерал-лейтенанта милиции В.В.Гордиенко. – М.: Academia, 2007. – С. 11.

⁶ *Михайленок О.М.* Военно-политические проблемы национальной безопасности России в переходный период: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – М., 2003. – С. 3.

ния объектов, нанесения огромного вреда экологии и жизненного пространства для человечества. Исследователь-терролог М.П.Требин отмечает возрастание количества смертей посторонних и случайных лиц. Если в 1970-х годах 80% террористических акций было направлено против собственности и 20% – против людей, то в 1980-х годах 50% из них были направлены против собственности и 50% против людей. Эта тенденция сохраняется и в 1990-х годах. Террористические акты стали более тщательно готовиться. В итоге – до 90% этих акций в той или иной мере достигают своей цели. По данным Национальной комиссии по терроризму США, содержащимся в ее докладе конгрессу в июне 2000 года, среднестатистический террористический акт в 1990-е годы приносил на 20% больше жертв, чем два десятилетия назад¹.

Войны несут смерть и страдания большому количеству людей, независимо от того, являются ли они комбатантами или нет. Так, в Первую мировую войну число погибших составило около 10 млн. человек, раненых – свыше 20 млн. Во Второй мировой войне число погибших превысило 55 млн. человек, а количество раненных составило около 28 млн².

В-четвертых, терроризм и война, как явления, **рождаются в результате** глубоких политических и социально-экономических **противоречий** как внутри отдельного общества, так и между государствами или группами государств. Например, исследователь Ю.А.Брусницын пришел к выводу: «... мировой опыт свидетельствует о том, что терроризм особенно остро проявляется в тех регионах и в те периоды, когда обостряются противоречия в социально-политической сфере, происходит смена общественных отношений и государственного устройства, отсутствует стабильность правового пространства и правопорядка ... Терроризм есть следствие нерешённости социальных, в том числе национальных и религиозных, проблем, имеющих для данной социальной, национальной или иной группы онтологическое значение»³.

Исследователь А.М.Бородин подтверждает, что «терроризм, являясь по своей сути сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в ... обществе уровня конфликта»⁴. В то же время специалист из Военного университета МО РФ доцент А.Н.Мешин считает, что и война является социальным явле-

¹ *Требин М.П.* Терроризм в XXI веке. – Минск: Харвест, 2003. – С. 148.

² *Синькелев А., Самосват Д.* История мировых войн // Ориентир. – 2008. – № 4. – С. 52.

³ *Брусницын Ю.А.* Правовая политика современного российского государства в сфере противодействия терроризму: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – С.14.

⁴ *Бородин А.М.* Политические проблемы современного терроризма: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2001. – С. 4.

нием, «представляющим собой одну из форм разрешения общественных (в первую очередь политических) противоречий между государствами, нациями, классами и другими социальными группами средствами вооружённого насилия»¹. Специалисты из Военной академии РХБЗ А.Синькелев и Д.Самосват также считают, что «мировые войны порождаются глубинными социально-политическими и экономическими причинами объективно-субъективного характера»².

Выразим вышесказанное в виде таблицы (см. таблицу №1).

Таблица №1

Общие черты войны и терроризма

Основные характеристики	Терроризм	Война
По целеполаганию	Политические цели: оказание давления на власть, элиту и общество, для вызова политических изменений.	Политические цели: захват территории, изменение характера и устройства власти у противоборствующей стороны.
По характеру применяемых средств	Насильственные. Захват заложников, применение взрывчатых устройств в многолюдных местах, нападение на органы государственной власти и т.д.	Насильственные. Уничтожение живой силы противника и военной техники, разрушение объектов оборонительного и наступательного назначения и т.д.
Последствия	В результате террористических актов гибель людей , массовый психоз, разрушения объектов нападения.	В результате военных действий гибель людей , как военнотружущих, так и гражданского населения, разрушение объектов военного и гражданского назначения.
Причинность появления	Наличие глубоких политических и социально-экономических противоречий.	Наличие глубоких политических и социально-экономических противоречий.

Одновременно, между войной и терроризмом в обозначенных нами характеристиках имеются существенные различия.

¹ Мешин А.Н. Проблемы войны и мира в современной политологии // Актуальные проблемы военной политики и военной безопасности России: Материалы научно-теоретических конференций / Отв. ред. С.А.Мельков, А.Н.Мешин. – М.: ВУ, 2005. – С. 7.

² Синькелев А., Самосват Д. История мировых войн // Ориентир. – 2008. – № 4. – С. 52.

Первое состоит в различии предметов воздействия при преследовании политических целей. Обратим внимание на то, что основным объектом воздействия как при проведении террористических актов, так и при ведении войны является руководство государства¹. А вот предмет воздействия, по нашему мнению, имеет существенное различие. Так, предметом своего воздействия террористы выбирают либо представителей политической власти, либо отдельных людей, которые оказываются жертвами в большинстве случаев по случайным обстоятельствам и не являются прямыми политическими противниками террористов. Например, убийство эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда в г. Сараево (Босния) в июне 1914 года, которое стало формальным поводом для начала Первой мировой войны, является примером, когда в качестве предмета воздействия выбран политический лидер. При этом объектом воздействия при совершении данного теракта явилось высшее руководство Австро-Венгрии и ее союзников. А в случае чудовищного захвата заложников в сентябре 2004 года в школе №1 города Беслана предметом воздействия были выбраны случайные жертвы: дети, их родители и работники школы. Однако объектом воздействия при совершении этого теракта было высшее руководство страны во главе с Президентом России В.В. Путиным и проводимой в Чеченской республике политики, против которого террористы пытались (имели цель) вызвать протест российского общества.

В отличие от террористических акций, предметом воздействия при ведении войны (когда также преследуются политические цели) становятся вооружённые силы противника, его система коммуникаций, связи и управления. При этом, агрессор, как правило, старается если не привлечь гражданское население на свою сторону, то хотя бы минимизировать его способность оказывать помощь своей армии. Например, немецко-фашистские захватчики во время нападения на Советский Союз в 1941 году провозглашали лозунг «освобождения от большевистского ига» народов СССР и создавали структуры местного самоуправления на оккупированной территории из числа лиц, проживающих на ней (старосты, полицейские и т.д.). Армия США, при вторжении в Ирак в 2003 году, с помощью лозунгов освобождения от «тирании» С.Хусейна и «установления демократии» в стране постоянно подчеркивала свое миролюбие по отношению к гражданскому населению оккупированной территории и всячески пыталась привлечь его на свою сторону.

Второе различие состоит в отношении к степени информированности населения. Современный терроризм, который, в отличие от более

¹ Здесь пока мы не делаем различий между руководством «своего» государства или чужого.

ранних террористических актов, приводит к значительным разрушениям, вовлекает в свою орбиту значительно большее количество населения, властных структур, активно развивается благодаря расширению информационных технологий и сильно зависит от средств массовой информации и степени информированности населения. Можно сказать, что при проведении террористических актов насилие осуществляется только (в основном) для того, чтобы оно получило наиболее широкий общественный резонанс, стало известным как можно большему кругу людей, с помощью СМИ и других информационных каналов стало источником психологического воздействия (наведение страха и ужаса) на политическую власть и общество.

Например, захват заложников в театральном центре на Дубровке в Москве в октябре 2002 года, а также участие в переговорах с террористами известных общественных деятелей (врача Л.Рошала, певца И.Кобзона и т.д.) позволили действиям террористов стать центральной темой всех отечественных СМИ. Проведенные в то время социологические исследования показали, что 67% населения испытали в результате этого теракта чувство боли, катастрофы по отношению к себе, своей семье и месту жительства, а 70% – предположили, что следующий теракт произойдет в их населённом пункте¹. Аналогичные данные были получены после воздушной атаки террористов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, которая ударила по психике миллионов людей во всем мире².

В отличие от актов терроризма, противоборствующие стороны во время ведения современной войны всячески препятствуют получению достоверной информации об их истинных намерениях и целях и способствуют дезинформации широкого круга мировой общественности, властных структур, военной разведки противника и т.п. Фактически во время боевых действий ведётся информационная работа по созданию положительного имиджа своей военной политики, действий своих войск и созданию негативного образа неприятеля в глазах мирового общественного мнения. Например, Соединённые Штаты во время войны с Ираком в 1991 году (кодовое название «Буря в пустыне») сумели не только создать себе образ мирового борца со злом, но и присвоить себе ореол победителя. Однако по результатам той военной операции армия С.Хусейна не была окончательно разгромлена и у многих высших военных руководителей государств, граничащих с Ираком, еще возникал вопрос: возможен ли новый кризис в Персидском заливе³?

¹ Яковлева Е. Теракт в прямом эфире // Российская газета. – 2004, 10 сентября.

² Панарин И. Тайны 11 сентября // Военно-промышленный курьер. – 2008, 17–23 сентября. – С. 2.

³ Халед ибн Султан А.А. Воин пустыни. – М.: Дар аль-Кэмам, 1999. – С. 440.

Третье различие состоит в степени возможности противодействия насилию и защиты собственной жизни. Насилие в терроризме в основном осуществляется против случайных людей, не имеющих прямого отношения к политической власти. Жертвы терактов, как правило, не готовы оказывать террористам сопротивление. Погибшие люди в Москве в 1999 году, во время взрывов домов в Печатниках и на Каширском шоссе, не являлись политическими противниками террористов и их руководителей, не были готовы к тому, что их может застать неожиданно смерть, когда они мирно спали. Сами по себе дети являются, по сути, незащищенными без помощи взрослых в окружающем мире. Тем более выглядит чудовищным захват в заложники детей (в том числе малолетних) в школе №1 г. Беслана в 2004 году и незащищенных рожениц в больнице Буденновска в 1995 году. При этом взаимоотношения между террористами и жертвами терактов (например заложниками) не регулируются никакими правовыми актами, что еще больше развязывает руки первым в совершении насильственных действий над вторыми. При этом любое государство и всё мировое сообщество изначально признает, что террористы – это преступники, которые должны или быть уничтожены, или преданы суду.

В отличие от терроризма международное право допускает возможность разрешения конфликтных ситуаций военным путём, стремясь поставить участников выбора разрешения спора вооружённым путем в определённые рамки соблюдения правил применения силы. То есть, правовое регулирование военных действий устанавливается нормами международного гуманитарного права, в основе которого лежит основополагающий принцип гуманизации ведения войн¹. Это защита жертв вооружённых конфликтов, установление правового статуса военнопленного, уголовное преследование за совершение «военных преступлений», посредничество Международного Комитета Красного Креста и т.д.

Таким образом, различие состоит в том, что жертвы от актов терроризма не способны защищать свою жизнь и противодействовать террористам. А при проведении боевых действий насилие применяется, как правило, против вооружённых участников (комбатантов²), которые с

¹ Корнеев М.М. Проблемы правового регулирования вооруженных конфликтов // Право вооружённых конфликтов. Материалы научно-практической конференции. – М.: ВУ, 1998. – С. 7.

² Комбатант (от франц. combattant – воин, боец) в международном праве лица, входящие в состав вооружённых сил и непосредственно принимающие участие в военных действиях. Комбатантами считается весь личный состав регулярных вооружённых сил (за исключением медицинских работников, интендантского состава и др.), а также ополчений, добровольческих партизанских отрядов. См.: Советский энциклопедический словарь / научно-редакционный: А.М.Прохоров (пред.), М.С.Гиляров, Е.М.Жуков и др. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 614.

оружием в руках могут не только защищать себя и оказывать сопротивление нападающей стороне, но и наносить ответный удар противнику, в том числе лишая его жизни. То есть, в отличие от актов терроризма, во время войны осуществляется противоборство вооружённых участников конфликта, в ходе которого происходит гибель с обеих сторон. При этом комбатанты противоборствующих сторон могут оказывать друг другу сопротивление и психологически готовы (пусть иногда и вынужденно) принять смерть или потерю здоровья. Например, лейтенант А.Соломатин, героически погибший в бою с боевиками в районе села Первомайского (Чечня) 1 декабря 1999 года (взорвал себя гранатой вместе с врагами), так писал незадолго до своей гибели: «... Я клянусь, что умру за свою великую Родину, не задумываясь и не сожалея ни о чем»¹.

Четвертое состоит в различии соотношения внешних и внутренних сторон социально-политических противоречий. Терроризм, как правило, рождается в результате внутренних политических, социально-политических и социально-экономических противоречий, наличия внутри общества конфликтов между различными социальными группами в тяжёлой и острой форме. Например, исследователь А.М.Бородин среди причин терроризма называет незанятость, инфляцию, неопределённость жизненных перспектив и общую неуверенность, царящую в обществе, изъяны в системе образования и культуры, слабость государственной власти, социальный страх ... углубляющийся всеобъемлющий кризис, который поразил все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политическую и духовную². Исследователь С.М.Бутрин также считает, что проявления терроризма тесно связаны с социально-экономическими, политическими и духовными процессами, происходящими в данной стране³.

Войны чаще всего происходят между государствами, то есть они появляются в результате наличия неразрешённых межгосударственных противоречий и конфликтов. Например, военный мыслитель С.А.Тюшкевич считает, что «война – это и особое состояние общества и государства, ведущих войну; и особая, насильственная форма взаимоотношений государств и народов; и особая, специфическая форма разрешения

¹ Учебное пособие по общественно-государственной подготовке для солдат (матросов), сержантов (старшин), проходящих военную службу по контракту в Вооружённых Силах Российской Федерации: Отечество. Честь. Долг / Под ред. А.И.Колясникова. – М.: Изд-во Московской типографии №2, 2005. – Вып. 7. – С. 220.

² Бородин А.М. Политические проблемы современного терроризма: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2001. – С. 20.

³ Бутрин С.М. Политические технологии противодействия терроризму в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006. – С. 12.

противоречий и спорных вопросов между ними и т.д.»¹. Исследователь Г.В.Ососков также приходит к выводу, что «...война в самом общем виде представляет собой форму разрешения общественно-политических, экономических, идеологических, религиозных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами средствами вооружённого насилия»². Таким образом, в отличие от терроризма, причина появления войн для отдельной страны имеет внешне-политическую природу.

Сведём вышеназванные отличия терроризма и войны в таблицу (см. таблицу №2 на 115 стр.).

Итак, мы рассмотрели общие и отличительные черты войны и терроризма. Что же образуется в случае, когда терроризм и война соединяются вместе, говоря языком известной рекламы – «являются изделием в одном флаконе»? Ученые-террологи называют такое явление разными терминами. По нашему мнению, внимания заслуживают три достаточно часто употребляемых термина: «военный терроризм», «внешний государственный терроризм» и «террористическая война». Рассмотрим их последовательно.

Так, термин «военный терроризм» пока не нашел в отечественной научной мысли единого и устоявшегося толкования. Например, в выпущенной в Военном университете монографии «XXI век: новые вызовы национальной безопасности России» доцент К.П.Буртный описывает этот термин следующим образом: «Военный терроризм имеет место во время войны и направлен на экономическое и военное ослабление противника, уничтожение его промышленной и оборонной мощи, на приведение его в оцепенение, наведение ужаса на население, изменение психологической обстановки в стране, причем иногда самым существенным образом ... Во многих случаях военный терроризм – это, по существу, геноцид ... Репрессии оккупационных режимов против мирного населения могут рассматриваться как особый вид военных действий и, скорее всего, как часть войны. Тайными эти террористические репрессии бывают редко, поскольку тогда утрачивается смысл – устрашение»³.

При этом доцент К.П.Буртный не дает определение военному терроризму, но выделяет его признаки:

– объектом воздействия являются, с одной стороны, экономическая и военная мощь противника, с другой стороны – гражданское население

¹ Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. – М.: Книга и бизнес, 2002. – С. 12.

² Ососков Г.В. Источники и причины войн: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 1996. – С. 203.

³ XXI век: вызовы национальной безопасности России: Монография / Под общ. ред. А.Б.Макушкина, В.Ф.Ницевича, А.И.Сацуца. – М.:ВУ, 2003. – С. 120–121.

Таблица №2

**Отличия между терроризмом и войной
по основным характеристикам**

Суть отличия	Терроризм	Война
В различии основных предметов воздействия:	Предметом своего воздействия террористы выбирают либо представителей политической власти, либо отдельных людей, которые оказываются жертвами в большинстве случаев по случайным обстоятельствам и не являются прямыми политическими противниками террористов.	Предметом воздействия становятся вооружённые силы противника, его система коммуникаций, связи и управления. При этом агрессор, как правило, старается если не привлечь гражданское население на свою сторону то хотя бы минимизировать его способность оказывать помощь своей армии.
В отношении к степени информированности населения:	Для получения наиболее широкого общественного резонанса. С помощью СМИ насилие становится источником психологического воздействия (наведение страха и ужаса) на политическую власть и общество.	Противоборствующие стороны во время ведения современной войны всячески препятствуют получению достоверной информации об их истинных намерениях и целях и способствуют дезинформации широкого круга общественности.
В степени возможности противодействия насилию и защиты собственной жизни:	Жертвы терактов не готовы оказывать террористам сопротивление. Взаимоотношения между террористами и их жертвами (например заложниками) не регулируются никакими правовыми актами. Мировое сообщество изначально признаёт, что террористы – это преступники, которые должны или быть уничтожены, или преданы суду.	Правовое регулирование военных действий устанавливается нормами международного гуманитарного права. Комбатанты противоборствующих сторон могут оказывать друг другу сопротивление и психологически готовы (пусть иногда и вынужденно) принять смерть или потерю здоровья.
В различии соотношения внешних и внутренних сторон социально-политических противоречий:	Основные противоречия – внутренние . Наличие внутренних социально-политических противоречий.	Основные противоречия – внешние . Наличие неразрешённых межгосударственных (внешних) социально-политических противоречий и конфликтов.

противостоящей стороны. В то же время обратим внимание на то, что уничтожение промышленной и оборонной мощи противника осуществляется, как правило, диверсионными методами. По-видимому, К.П.Буртный не делает различия между диверсантами и террористами во время войны;

- военный терроризм и геноцид – понятия одного порядка;
- основное «оружие» военного терроризма – это репрессии против мирного населения.

Помимо К.П.Буртного такого же мнения относительно сути, содержания термина «военный терроризм» придерживается исследователь Ю.М.Антонян в своей книге «Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование»¹.

Термин «внешний государственный терроризм» имеет иное звучание, в отличие от «военного терроризма», и, по нашему мнению, представляет собой политику террора (то есть террористическую по характеру) отдельного государства в отношении других стран. В отличие от внутреннего государственного терроризма, когда высшее политическое руководство проводит репрессии в отношении собственного населения, внешний государственный терроризм представляет собой совокупность действий (систему) органов государственной власти одной страны по планированию, организации и проведению террористических актов против руководства и населения других государств.

«Несомненно, – утверждают, к примеру, исследователи И.П.Блищенко и Н.В.Жданов, – террористические акты государств представляют наибольшую опасность для международного мира и безопасности, однако их следует относить к актам агрессии ... Террористические акты, совершаемые властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористических актов, в другом государстве, необходимо квалифицировать как акт косвенной агрессии»².

Итак, внешний государственный терроризм подразумевает, прежде всего, агрессию, пусть и в косвенной форме одного государства против другого. К примеру, администрация США обвиняет в проведении политики внешнего государственного терроризма Иран, Сирию (а в недавнем прошлом обвиняло Ирак и Афганистан). В то же время многие действия официального Вашингтона на международной арене можно квалифицировать как политику внешнего государственного терроризма. Например, военная и финансовая поддержка со стороны США моджахе-

¹ Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 1998. – С. 35–36.

² Блищенко И.П., Жданов Н.В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 87.

дов, воюющих против Советской Армии в Афганистане (1979–1989), привела к появлению мощных международных террористических организаций, одна из которых известна как «Аль-Каида» (дословный перевод – «База»). А бомбардировки территории Сербии в 1999 году способствовали смене политического режима в Белграде, окончательному распаду некогда союзного государства (после отделения Черногории и отторжения Косово). Независимость последнего, как известно, уже признали 47 стран¹. Фактически все эти события привели к пересмотру (кризису) существующего международного порядка.

Достаточно основательно учение о «мятежевойнах» разработал один из выдающихся русских военных теоретиков зарубежья XX века Е.Э.Месснер. Классик отечественной военной мысли давно предупреждал о появлении в XXI веке нового вида войн – мятежевойн, которые как раз и характеризуются «воеванием в стиле мятежа». Терроризм, по мнению Е.Э.Месснера, это одновременно одна из новых форм ведения современной войны и способ борьбы слабых акторов против более сильных.

Похожий термин, но под другим названием – «террористическая война» – разработал современный немецкий политический философ Х.Хофмайстер, который под ним понимает эффективный способ ведения войны слабыми акторами против сильных. Эту войну, полагает Х.Хофмайстер, невозможно выиграть, используя только силовые (военные) средства². По его мнению, сильная в военном отношении сторона ведет обычную (классическую) войну (агрессию) против слабой. В то же время слабый актер, чтобы уравнивать свои шансы против сильного, как правило, избирает террористические методы борьбы, то есть ведет террористическую войну.

Между мятежевойной и террористической войной, с одной стороны, и терроризмом, с другой стороны, отмечается немало сходства. Главными средствами в такой войне являются отсутствие каких-либо шаблонов и норм, классических, грандиозных массовых сражений (против массовых армий – тактика «комаров»), психологическое воевание с целью покорения разума и души атакованного народа, насилие (устрашение, террор) и партизанство³. Видимо, разными названиями авторы – создатели данных терминов описывали ранее и описывают в настоящее время одни и те же социально-политические явления.

¹ Храмчихин А. Размножение суверенитетов делением // Независимое военное обозрение. – 2008, 10–18 октября. – С. 1.

² Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О.А.Коваль. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – С. 262–282.

³ Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э.Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – С. 557–565.

Таким образом, среди общих черт военного терроризма, внешнего государственного терроризма и террористической войны (мятежевойной) мы можем назвать следующие:

- сочетание военных и террористических методов ведения боевых действий;
- объектами воздействия в первую очередь являются руководство и население государства (которое порою переходит в геноцид) и только в последующую – вооружённые силы противника;
- отсутствие классических шаблонов при ведении боевых действий;
- все вышеперечисленные термины чаще всего подразумевают способ борьбы слабых (в социально-политическом и военном аспектах) акторов против сильных, который позволяет порою уравновесить шансы на победу для более слабой стороны.

Отметим, что в обычной (классической) войне, как правило, важнейшими задачами для войск наступающей стороны (агрессора) являются:

- уничтожение и подавление живой силы противника (комбатантов);
- уничтожение боевой техники противоборствующей стороны;
- разрушение военных объектов и всей военной инфраструктуры противника (в том числе коммуникаций).

Прежде чем разобраться в различии между классической войной и вышеприведенными терминами, сначала попробуем ответить на вопрос: есть ли принципиальные различия между терроризмом и диверсиями? Так, по мнению авторов монографии «Современный терроризм: социально-политический облик противника», диверсия – это не терроризм, а один из видов борьбы, в первую очередь с военным противником. Различия, по мнению ученых Академии управления МВД РФ, между терроризмом и диверсиями существенны и заключаются в следующем¹:

- диверсионные акции совершаются, как правило, во время боевых действий и против государства-противника, а террористический акт обычно осуществляется в мирное время и от имени своей, негосударственной и обычно нелегальной организации;
- объектом действий диверсантов являются военные объекты или объекты двойного назначения (мосты, вокзалы, порты), а современные террористы наносят свои удары по местам массового скопления мирного населения;
- диверсия объективно выражается лишь в совершении взрыва, поджога и других общественно опасных действий, и не более того, а терро-

¹ Дзлиев М.И., Иззатдуст Э.С., Киреев М.П. Современный терроризм: социально-политический облик противника / Под общ. ред. В.В.Гордиенко. – М.: Academia, 2007. – С. 209.

ризм такими действиями не ограничивается, террористам более выгодна угроза, а не сама акция;

- при совершении акта диверсии действия направлены на причинение противнику максимально возможного вреда, а при совершении террористического акта цель совершенно иная – устрашение населения или его части, создание и поддержание в обществе обстановки страха;

- целью диверсионных акций является ослабление государства-противника, подрыв его экономической мощи и обороноспособности¹, а цели террористов состоят в давлении на властные структуры для принятия какого-либо решения или отказа от него;

- диверсанты действуют тайно, никому не сообщая о своих действиях и их результатах, а террористы обычно действуют открыто, демонстративно предъявляя свои требования.

Согласимся в целом с этим мнением ученых Академии управления МВД РФ. Однако предположим, что вышеизложенные различия могут быть справедливы в случае, когда мы рассматриваем проведение диверсий в ходе обычной (классической) войны. Возможно, что когда ведётся террористическая война (военный терроризм, внешний государственный терроризм), различия между диверсиями и террористическими актами могут исчезать. На чем основаны наши предположения?

Во-первых, как мы отмечали выше, в террористической войне (военном терроризме, внешнем государственном терроризме) боевые действия ведутся с комплексным сочетанием военных и террористических методов борьбы. Они могут как бы меняться местами, и тогда диверсии могут проводиться в отношении гражданского населения, а теракт – в отношении вооружённых участников противостоящей стороны (комбатантов), то есть может происходить слияние террористического акта и диверсионного действия. Примером здесь могут служить действия боевых групп против войск США и НАТО в Ираке и Афганистане, когда террористический акт, организованный боевиками, имеет целью поразить военнослужащих оккупационных войск. Однако в результате террористических акций вместе с военнослужащими США и НАТО гибнут представители местного населения.

Во-вторых, подготовкой и проведением терактов и диверсий может заниматься один и тот же круг диверсантов-террористов, с каждой из сторон. Ярким примером здесь служит вооружённый конфликт между ХАМАС и ФАТХ в Палестинской автономии (между Западным берегом реки Иордан и сектором Газа). В этом противостоянии полностью отсут-

¹ Исследователь К.П.Буртный считает это целями военного терроризма.

ствует деление на комбатантов и некомбатантов, фактически идет гражданская война между одной половиной тотально вооружённого народа против такой же другой половины.

В-третьих, в отличие от классической войны, диверсии и теракты в террористической войне (военном терроризме, внешнем государственном терроризме) направлены против руководства государств и населения стран, в чем имеется схожесть с классическим терроризмом. Например, руководство Ирана, с помощью такой мощной террористической организации, как «Хезболла», ведет необъявленную террористическую войну против Израиля (как против его руководства, так и граждан этой страны). В то же время правительство Израиля с помощью специально созданной антитеррористической команды «Мивцах эвлохим» («Божий гнев») уничтожает организаторов, вдохновителей и исполнителей терактов в отношении граждан еврейского государства. Врагов Израиля, заслуживающих смерти, определяет специальный совет при правительстве. Премьер-министр лишь сообщает решения этого совета командиру группы¹.

Таким образом, очевидные выводы и теоретические положения, сделанные при сравнении «классического терроризма» и «классической войны», могут претерпевать изменения при их наложении. А раз так, то террористическая война, а равно военный терроризм или внешний государственный терроризм, в отличие от теорий Е.Э.Месснера (мятежевойна) и Х.Хофмайстера, могут также стать методом борьбы более сильных акторов против слабых. Сильные в военном отношении государства также ведут войну, сочетая военные и террористические акции против слабых в военном отношении. То есть слабые и сильные акторы меняются местами в выборе средств вооружённой борьбы. Почему нами сделан такой вывод?

Во-первых, ведение террористической войны против слабого актора позволяет сильному актору, в свою очередь, уравнивать шансы на победу (то есть по принципу «клин клином вышибают»), если другими путями не удастся добиться собственных целей. С одной стороны, если более сильный актор начнет так называемую классическую войну на чужой территории, то он неминуемо будет объявлен агрессором (согласно нормам международного права). С другой стороны, сильному актору, как правило, практически невозможно с помощью крупных войсковых формирований уничтожить негосударственные террористические организации, построенные по сетевому признаку. Например, Израиль (сильный актор) вынужден был создать уже упомянутую нами органи-

¹ Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / Под общ. ред. А.Е.Тараса. – Минск: Харвест, 2000. – С. 223.

зацию «Мивцах эвлохим» для уничтожения палестинских террористов и их пособников (слабый актер)¹.

Во-вторых, применение террористических методов позволяет сильному актору более эффективно воздействовать на **руководство** противостоящей стороны с помощью разрушения его общественного и государственного устройства без широкого применения военной силы.

В-третьих, ведение террористической войны против слабого актора дает возможность сильному актору минимизировать свои людские и материальные потери.

Таким образом, террористическая война (мятежевойна), а равно военный и внешний государственный терроризм могут вестись (осуществляться) с обеих сторон, как со стороны слабых акторов, так и сильных. То есть все эти термины применимы для двух противоборствующих сторон (независимо от степени силы актора) и имеют тенденцию к слиянию в один термин, описывающий одно и то же социально-политическое явление. Принимая во внимание вышесказанное, а также схожесть терминов «террористическая война», «военный терроризм» и «внешний государственный терроризм», считаем возможным объединить их в один термин – «террористическая война».

2. Террористическая пятидневная война на Кавказе в августе 2008 года

Чтобы начать разговор о пятидневной войне на Кавказе в августе 2008 года, необходимо вспомнить недавнюю предысторию конфликта. Еще 10 ноября 1989 г. Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области провозгласил ее автономной республикой в составе Грузинской ССР. В свою очередь, Верховный Совет Грузии в то же время объявил требования Южной Осетии незаконными. Так начался первый грузино-осетинский конфликт, продолжавшийся до января 1990 года. А уже 20 сентября 1990 г. Верховный Совет Юго-Осетинской автономной области принял Декларацию о суверенитете, провозгласив Юго-Осетинскую демократическую советскую республику. Его депутаты обратились к Москве с просьбой о признании Южной Осетии как суверенной республики, входящей в состав СССР. В свою очередь, 10 декабря 1990 г. Верховный Совет Грузии упразднил Юго-Осетинскую автоно-

¹ Бойцы «Божьего гнева» ликвидировали десятки других палестинских террористов из Организации освобождения Палестины (ООП), Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), Народного фронта освобождения Палестины – Главное командование (НФОП-ГК), «Черного сентября», ХАМАС, «Хезболлах» на территории Ливана, Ливии, Кипра, Италии, Франции, Дании, ФРГ, Бельгии и других стран. «Мивцах эвлохим» действует и сегодня. См. подробнее: *Кожушко Е.П.* Современный терроризм: Анализ основных направлений / Под общ. ред. А.Е.Тараса. – Минск: Харвест, 2000. – С. 222–224.

мию и объявил территорию Южной Осетии административной единицей Грузии – «Цхинвальским регионом». Так в декабре 1990 года начался второй грузино-осетинский конфликт, который сопровождался вооружённым столкновением с обеих сторон, закончившийся в июле 1992 года.

Затем югоосетинским руководством была предпринята попытка присоединения к России. С этой целью 19 января 1992 г. в Южной Осетии был проведен референдум об объединении Южной и Северной Осетии и присоединении к России (99% голосов – «за»). Однако результаты референдума не были признаны законными ни в Грузии, ни в России. В ответ на это 29 мая 1992 г. Верховный Совет Южной Осетии принял Акт о государственной независимости. Для урегулирования грузино-осетинского конфликта 24 июня 1992 года в Сочи (Дагомысе) президент России Борис Ельцин, председатель Госсовета Республики Грузия Эдуард Шеварднадзе и представители Южной Осетии подписали соответствующее соглашение. В соответствии с этим документом, в зону конфликта в июле 1992 года были введены смешанные российско-грузинско-осетинские миротворческие силы, которые подчинялись Смешанной контрольной комиссии (СКК), объединяющей Тбилиси, Цхинвали, Владикавказ и Москву. Для прекращения мандата миротворцев необходимо было согласованное решение всей четверки.

Также важно отметить, что у России после распада СССР и образования на его территории независимых государств сложились проблемные отношения с Грузией, на которую Запад (условное название) сделал ставку на Кавказе. Это произошло не случайно. Помимо решения глобальной задачи по распространению собственных стандартов мироустройства на весь Южный Кавказ, для Запада (прежде всего, для США) Грузия представляет особый интерес в качестве территории, через которую проходит стратегический нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и строящийся газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум. Кроме того, северные границы Грузии непосредственно примыкают к России, к ее Северному Кавказу, нестабильность ситуации в котором всегда можно использовать в качестве козыря в глобальной внешнеполитической игре.

Известный исследователь из Ростова-на-Дону И.П.Добаев накануне новой войны на Кавказе высказывал беспокойство по поводу военно-политической обстановки в указанном регионе. По его мнению, главными акторами кавказской геополитики в настоящее время, безусловно, выступают Россия и Соединенные Штаты. Для Америки, полагает профессор И.П.Добаев, определение стратегической инициативы в этом регионе мира означает сохранение своего глобального лидерства. Вполне естественно, что растущая вовлечённость Запада в политические процессы на Южном Кавказе не может не вызывать обоснованного беспокойства России. Усиление военного присутствия США, ведение разведки с со-

предельных территорий Южного Кавказа и еще целый ряд действий стимулируют конфликтность в регионе¹.

В Грузии же изначально считали виновником возникновения территориальной проблемы именно Россию и всегда усиленно готовились к военному реваншу против Абхазии и Южной Осетии, что без активной помощи извне вряд ли могло быть достигнуто. По данным экспертов, после «революции роз» американцы выделили Грузии в качестве помощи 1,5 млрд. долларов. За эти же годы в рамках американской программы «Обучение и оснащение» Грузия получила более 64 млн. долларов, а по программе «Операции по сохранению стабильности» в 2005 году было выделено 60 млн. долларов, в 2006 году еще около 40 млн. долларов. В это же время в рамках военной помощи от Турции Грузия получила по 40 млн. долларов в год².

Президент Грузии М.Саакашвили неоднократно заявлял о желании республики в краткосрочной перспективе войти в союз НАТО. Официальный Тбилиси в 2006 году открыл воздушное пространство и дал разрешение на использование своей территории для транспортных средств вооружённых сил США³. Таким образом, США и страны НАТО приняли активное участие в милитаризации Грузии. Говоря по аналогии с театром, силу вооружённую создали, и теперь она «выстрелила» (как то ружье, которое висело в начале спектакля).

Проведем анализ событий в августе 2008 года на Южном Кавказе. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что агрессия Грузии против Южной Осетии велась вразрез с классическими правилами ведения войны, которые мы отмечали в первой главе. В отличие от «обычных» войн, во-первых, военная сила Грузии была направлена, прежде всего, на массовое уничтожение мирного населения (некомбатантов) непризнанной республики; во-вторых, разрушению со стороны грузинской армии подверглись в первую очередь гражданские объекты Южной Осетии (школы, больницы, жилые дома и т.д.). «Я думаю, что мы сегодня можем говорить на весь мир, что Цхинвал – это город-герой. То, что я сегодня увидел, – это Сталинград», – небезосновательно сказал дирижёр оркестра Мариинского театра В.Гергиев, приехавший в столицу Южной Осетии вместе с возглавляемым им творческим коллективом с концертом⁴.

¹ Добаев И.П. Глобальная конкуренция на Кавказе // Ориентир. – 2008. – №7. – С. 13.

² Северный Кавказ: история, региональная специфика, проблемы обеспечения национальной безопасности: Монография / Под общ. ред. А.В. Кулакова. – М.: Пограничная академия ФСБ России, 2007. – С.31.

³ Там же: С. 32.

⁴ Панарин И. Распад США и геноцид в Южной Осетии // Военно-промышленный курьер. – 2008, 10–16 сентября. – С. 1.

По свидетельствам корреспондентов журнала «Русский репортер» Р.Хестанова и Д.Белякова, в Цхинвали «...погибших может оказаться больше, чем официально объявлено. В селах оставались только старики и пожилые женщины. Мужчины пытались вывезти детей и молодых жён. По непонятной логике крестьяне полагали, что грузинские солдаты не будут трогать слабых и старых. Но военная машина Саакашвили была настроена на тотальную этническую чистку»¹.

В-третьих, основные усилия грузинского руководства при помощи американской администрации были сосредоточены в мировом информационном пространстве с целью формирования позитивного (по отношению к Грузии в целом и к ее возможным силовым действиям) общественного мнения в странах Европы и в США. По мнению аналитика П.Золотарева, информационное противоборство, развернувшееся в ходе пятидневной войны, находится лишь в самом начале. Причём эта первая фаза, к сожалению, не дает оснований для оптимизма российской стороне².

В действиях грузинских подразделений по отношению к населению Южной Осетии мы наблюдаем все признаки «военного терроризма», а в действиях официального Тбилиси признаки политики «внешнего государственного терроризма» и ведения против республики, на тот момент непризнанной, «террористической войны». Обоснуем это утверждение.

«Военный терроризм» грузинской армии (согласно подходу К.П. Буртного) проявился:

- в первоочередном их воздействии на объекты социального и экономического характера Южной Осетии, в целях экономического и военного ослабления противника, уничтожения его промышленной и оборонной мощи;

- в планомерном и систематическом уничтожении мирных граждан (в том числе женщин, стариков и детей), в основном осетинской национальности, многие из которых являлись гражданами России. По сути, так называемый «военный терроризм» принял форму полноценного геноцида. Например, по заявлению главы МВД Республики Южная Осетия Михаила Миндзоева, число жертв нападения Грузии превышает 2 тыс. 100 человек. Но эти цифры не окончательны. Такое же количество жертв называет постоянный представитель России в ООН В.Чуркин³.

Кроме этого, по сообщениям агентства Франс Пресс со ссылкой на международную правозащитную организацию Human Rights Watch, официальный Тбилиси подтвердил факт использования кассетных бое-

¹ Русский репортер, 2008, 21–28 августа. – С. 21.

² Золотарев П. Информационное бессилие // Независимое военное обозрение. – 2008, 29 августа – 4 сентября. – С. 2.

³ СМС – портал радио «Маяк» в Интернете.

припасов грузинской армией в ходе боевых действий против Южной Осетии. От этого варварского оружия, как известно, особенно страдает мирное население, а не военнослужащие¹.

Внешний государственный терроризм высшего руководства Грузии (согласно теории ученых Академии управления МВД России) заключается в планировании агрессии террористического характера против Южной Осетии и Абхазии. В качестве подтверждения данного факта можно привести сообщения российских СМИ о заранее проведенной подготовке грузинских военнослужащих иностранными инструкторами для проведения диверсий и терактов на территории «Цхинвальского района»² и тотального уничтожения проживающих в нём осетин. Примечательно, что американские военнослужащие принимали участие не только в учениях грузинских вооружённых сил, но и в неудачной операции по захвату Цхинвала летом 2004 года: как выяснили западные журналисты (что было подтверждено и рядом независимых экспертов), в объединённом штабе грузинской войсковой группировки тогда находились 11 сотрудников ЦРУ и офицеров сухопутных войск США. В составе подразделения армейской авиации действовали два экипажа американских вертолётчиков, занимавшихся ведением разведки, доставки военнослужащих и грузов в ночное время. А в рядах боевых подразделений оказались 25 американских военных советников³.

По мнению вице-президента Коллегии военных экспертов генерал-майора А.Владимирова, «...грузинская агрессия и уничтожение тысяч мирных граждан Цхинвала и десятка южноосетинских сел, а также расстрел грузинскими войсками российских миротворцев и ответная сокрушительная реакция России – все это есть только эпизод «Большой Американской войны», которую ведут США против своих главных геополитических соперников, в данном случае – против России и Евросоюза⁴.

Поэтому мы можем говорить о проведении политики внешнего государственного терроризма со стороны ряда государств (прежде всего, США), которые оказали официальному Тбилиси как политическую и информационную поддержку, так и значительную помощь в обеспечении материальными ресурсами (вооружением, военной техникой, инструкторами, продовольствием и т.д.) вооружённых сил Грузии. Некоторые аналитики и эксперты считают, что активное участие американ-

¹ Мясников В. На Южную Осетию падали американские кассетные бомбы

² Термин, употребляемый высшим военно-политическим руководством Грузии.

³ Щербаков В. Кто и как помогал готовить грузинское вторжение // Независимое военное обозрение. – 2008, 12–18 сентября. – С. 5.

⁴ Владимирова А. «Большая Американская война» // Военно-промышленный курьер. – 2008. – 24–30 сентября.

ской администрации в развязывании грузино-югоосетинского (а также грузино-абхазского) конфликта связано с обострением противоречий внутри США, в связи с предстоящими выборами президента, как в политической, так и в социально-экономической сфере¹.

Черты террористической войны (согласно теории Х.Хофмайстера) во вторжении официального Тбилиси в Южную Осетию проявлялись в ее характере и действиях грузинской армии. Основной задачей грузинской агрессии являлась присоединение территории «Цхинвальского района» с помощью геноцида, наведения страха и ужаса на местное население, разрушения гражданских объектов. Целями террористической агрессии являлись:

1. Уничтожить непокорное население, а оставшихся в живых осетин выдвинуть с занимаемой территории.

2. Одновременно разрушить систему государственного управления Южной Осетии, показать населению непризнанной республики (на тот момент) неспособность ее руководителей отстаивать свою независимость.

3. Показать руководителям Запада (условный термин) и США готовность официального Тбилиси сплотить нацию любым путем. А после завоевания «непокорных территорий» Грузия в полной мере отвечала бы требованиям вступления в Североатлантический блок. То есть в перспективе команда М. Саакашвили готовила себе членство в НАТО.

Как мы уже сказали в первой части нашей статьи, такие цели идут вразрез с целями обычной (классической) агрессии, а действия грузинской стороны носят террористический характер. Фактически, на наш взгляд, в августе 2008 года Грузией была развязана настоящая террористическая война против Южной Осетии. Основным заказчиком, спонсором и пособником этой войны являются Соединенные Штаты Америки.

3. Прогнозы дальнейшего развития событий и возможные способы противодействия негативным последствиям вооруженного конфликта

Наш анализ, с учетом мнения других аналитиков, дает возможность предполагать, что последующие события будут активно развиваться в трёх взаимозависимых сферах: в политической, информационной и военной.

В политической сфере, используя образ агрессивной России для всего мирового сообщества, официальный Вашингтон: во-первых, постарается заставить своих партнеров по Североатлантическому блоку принять в члены НАТО Грузию и Украину; во-вторых, продолжит работу

¹ Панарин И. Распад США и геноцид Южной Осетии // Военно-промышленный курьер. – 2008, 10–16 сентября. – С. 1.

по размещению ПРО в Восточной Европе; в-третьих, будет противодействовать стратегическому сближению России с Европейским Союзом. Все эти действия будут связаны с желанием США в условиях планетарного финансового кризиса сохранить статус мирового лидера. Не исключено, что официальный Вашингтон может попробовать втянуть Россию в новый военно-политический конфликт с другими ее соседями, например с Японией, которая весьма нуждается в новых территориях и полезных ископаемых.

В информационной сфере война против нашей страны будет продолжена со стороны США, ее европейских союзников и Грузии. По мнению аналитика П. Золотарева, усилия союзников по антироссийскому блоку будут сосредоточены на двух направлениях:

1. Снова поднять проблему приоритета государственной целостности Грузии, дабы оправдать американское присутствие в Закавказье, предположительно – в форме миротворчества.

2. Представить официальную Москву в качестве нарушителя основных принципов ООН, агрессора и захватчика чужих территорий.

Все эти действия США, ее европейских союзников (прежде всего Великобритании) и Грузии будут направлены на достижение своих политических целей в информационном пространстве. Фактически России угрожает затяжная война в информационной сфере, которая, впрочем, против России никогда и не прекращалась.

В военной сфере ожидается попытка со стороны Грузии при помощи США и других заинтересованных стран восстановить утраченную военную мощь во время пятидневной войны. Скорее всего, против российских воинских подразделений на территории Южной Осетии и Абхазии, как и против самих суверенных республик, грузинским руководством будут продолжены действия диверсионно-террористического характера. В пользу такого предположения говорит террористический акт в Цхинвали, совершённый возле штаба российских миротворцев 3 октября 2008 года. Террористическая война против своих бывших «непокорных территорий» будет продолжена Грузией с применением партизанских и диверсионно-террористических подразделений.

Какие меры необходимо предпринимать в связи с новыми вызовами и угрозами?

В политической сфере:

1. Начать поиск новых, возможно, нетрадиционных союзников в Европе и мире. Например, это может быть Испания, с которой на протяжении истории не было у России прямых конфликтов. Сотрудничество с Испанией может принести некоторые дивиденды в вопросах противодействия терроризму. Очевидно также, что схожие с Россией проблемы противодействия террористической угрозе имеет Китай (особенно на территории Синцзян-Уйгурского автономного района).

2. Поддерживать диалог с Европейским Союзом и Францию в ее миротворческой роли. Создавать больше экономических и культурных связей с европейскими государствами, Турцией, Китаем, Израилем, Ираном, Японией и арабскими странами. Такой диалог нужен в целях недопустимости международной изоляции России, а также создания таких условий, когда агрессия против нашей страны со стороны других государств (прежде всего стран НАТО, США, Турции и Китая) может обернуться для них серьёзным экономическим ущербом.

3. Продолжить работу по нормализации отношений с официальным Тбилиси, всячески подчеркивая, что официальная Москва не рассматривает грузинский народ в качестве своего врага. Это необходимо, чтобы заложить базу для дальнейшего (в перспективе) восстановления доверия между нашими странами и народами.

4. Внутри Российской Федерации:

- продолжить формирование политики в сфере противодействия коррупции и в сфере противодействия терроризму. В основу этих двух направлений общегосударственной политики должна быть положена разработка Антитеррористической и Антикоррупционной доктрин;

- поднять роль Федерального Собрания и других законодательных органов в политическом процессе. Ввести институт парламентского расследования;

- способствовать становлению реального гражданского общества. Создать механизмы общественного контроля над властью. Ввести институт уполномоченного по правам военнослужащих.

В информационной сфере:

1. Создать государственную систему на основе органов информационного обеспечения Вооружённых Сил Российской Федерации для повышения эффективности действий в информационном пространстве, в которую включить все информационные структуры Главного управления воспитательной работы Вооружённых Сил Российской Федерации, Генерального штаба и других силовых структур государства.

2. Ввести должность помощника Президента РФ по военно-информационной политике и информационному противодействию, который должен стать членом Совета Безопасности.

3. Создать систему СМИ (газет, журналов, радио и телевидения) по освещению деятельности Вооружённых Сил, которая бы замыкалась на едином органе, образованном из числа членов Общественной палаты и депутатов Государственной Думы.

В военной сфере:

1. *Принять политическое решение министром обороны о подготовке армии к антитеррористическим действиям как наиболее вероятным в ближайшей перспективе. Возможно, что подготовка нашей армии к ан-*

титеррористическим действиям неизбежно обернётся настоящей военной реформой.

2. Развивать организационную структуру и вооружение Вооружённых Сил РФ. Как показала практика, крупные соединения не способны вести борьбу с противником, действующим партизанскими методами и малочисленными группами. Потребовалось создание подразделений, специально предназначенных для ведения боевых действий в горной местности (двух горных бригад в посёлке Ботлих и станице Зеленчукской). Войсковые подразделения, ведущие борьбу с террористическими группами, нуждаются в более совершенном снаряжении и вооружении. При решении задач по недопущению террористических актов и противодействию незаконным вооружённым формированиям армейским частям и подразделениям важно учитывать опыт деятельности войск в Дагестане, Чечне и Афганистане.

3. Совершенствовать систему военного управления. Вопросы противодействия террористическим, диверсионным и партизанским группам все настоятельнее требуют создания для этой цели в военном ведомстве специального управления или Службы, которая вела бы целенаправленную разведывательную и аналитическую работу, непосредственно взаимодействовала бы со спецслужбами страны, со спецслужбами Южной Осетии и Абхазии, другими зарубежными антитеррористическими центрами.

4. Организовать военное сотрудничество с Южной Осетией и Абхазией в вопросах противодействия террористам, диверсантам и партизанам. Основными задачами этого направления в настоящее время являются:

- анализ поступающей информации о состоянии, динамике и тенденциях работы диверсионно-разведывательных, террористических и партизанских групп грузинской армии и их наймитов;
- выработка предложений главам Южной Осетии и Абхазии;
- участие в формировании и развитии эффективной системы в Южной Осетии и Абхазии по выявлению, предупреждению и пресечению террористических и диверсионных акций, которая соответствовала бы оперативной обстановке;
- координация совместной деятельности российских, югоосетинских и абхазских силовых структур по недопущению совершения террористических актов;
- организация совместных мероприятий силовых структур дружественных государств по ликвидации существующих террористических организаций и незаконных вооружённых формирований, перехвату и перекрытию каналов незаконного оборота оружия, боеприпасов, расщепляющихся и высокотоксичных материалов.

Итак, мы пришли к следующим выводам:

1. Террористические войны становятся в мировом пространстве типичным способом разрешения внутренних и внешних социально-политических конфликтов, которые могут вестись как со стороны сильных (в военном отношении) акторов (государств, национальных групп или классов), так и со стороны слабых акторов. Предположительно, России в ближайшей перспективе еще неоднократно придется столкнуться с развязанной против неё террористической войной со стороны других государств, в том числе США и НАТО.

2. В ближайшее время Грузия, при помощи США и стран НАТО, продолжит противоборство с официальной Москвой, а также с Южной Осетией и Абхазией, выступая авангардом развязанной Западом против России террористической войны.

3. Высшему политическому руководству Российской Федерации в целях обеспечения национальной безопасности необходимо организовать эффективное противодействие новым вызовам и угрозам в политической, информационной и военной сфере. Организация такого противодействия тесно связана с дальнейшими демократическими преобразованиями внутри России, прежде всего в политической системе страны.

Александр Селиванов

СОБЫТИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И АБХАЗИИ: НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИЛИ КЛАНОВО-ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ ПОДХОД?

Существовало и будет существовать множество версий и оценок событий, произошедших в августе 2008 года в Южной Осетии и Абхазии. Например: «порыв» народов этих республик, грузинские региональные амбиции, «американская рука» в преддверии выборов президента США, российская провокация, «игра» спецслужб США и России, российский ответ на американские ПРО, патриотический шаг и защита национальных интересов России на Кавказе, превентивная мера против эскалации терроризма в регионах Кавказа, защита наших исторических союзников, «сговор» криминально-олигархических групп и другие. Поскольку обсуждать гипотезы – дело бессмысленное, а достаточной информации нет и не будет (скорее всего, никогда), остаётся лишь одно средство – попытаться аналитическими усилиями вскрыть некоторые контуры причинно-следственного комплекса произошедших событий, а также сопоставить их с чередой других – близких по содержанию – событий.

В российской прессе и общественном сознании делается всё для того, чтобы возобладала оценка, близкая к патриотизму: речь идет о защите интересов России и помощи «меньшому брату». Однако эта версия несостоятельна. Действительно, имеются альтернативные примеры, то есть примеры других «меньших братьев», особенно Крыма и Приднестровья. Например, в Приднестровье было 7 референдумов, и на всех голосовали за присоединение к России¹. Близка к аналогичной ситуация в

¹ Кстати, пора бы и в России возобновить практику референдумов, вводить постоянно действующие формы непосредственной и представительной демократии. В том числе для обсуждения вопросов о присоединении тех или иных территорий, о приватизации тех или иных объектов, о многих других вопросах. Например, о том, какой нужен экономический и политический курс. Иначе говоря, пора вернуться к народной демократии и уйти от «демократии» либеральной, то есть элитарной, демократии для богатого

Крым (особенно в Севастополе) и других частях Украины. Подобная ситуация возникала и в Сербии. Не будем говорить о других постсоветских республиках СССР и Восточной Европы. Конечно, можно ответить на это, что, мол, для решения всех проблем пока не пришло время, а геополитическая ситуация сложная. Спору нет, есть давление. Но также бесспорно и то, что у сегодняшнего российского правительства и деловой «элиты» нет экономического интереса. Однако в названных регионах интерес России может быть только национально-государственным, а не коммерческим. Вывод первый: у сегодняшнего руководства страны нет национально-государственных интересов и имен, но поэтому они не представлены в решении территориальных проблем, никак не обсуждаются, не планируются. Вся совокупность интересов – сугубо деловая, кланово-олигархическая. В действительности она построена не на мифической «помощи меньшим братьям», а на расчетливой торговле этой «помощью» с целью получения преференций в экономике для российских кланов в мире от европейских и американских деловых «элит». А также с целью получения конкретной деловой выгоды, в частности, для контроля над территориями газонефтяных транспортных артерий.

Нельзя разучиться видеть другие факты – о том, как формируются и отстаиваются истинные национально-государственные интересы на примере других стран. Например, если в России в условиях рыночной стихии и либерализма лишь разрушили всё, что можно было разрушить, то в Китае за 30 лет создана новая страна, в которой каждый из 1,4 млрд. китайцев уже обеспечен современным жильём в среднем по 30 кв. м. (именно квадратных метров, именно на каждого, именно на всей территории, именно и на селе, и в городах, именно современного и комфортабельного). И наименее обеспеченные (порядка 15% населения) в Китае имеют жильё площадью от 8 до 10 кв. метров, то есть то, что по нашим стандартам имеют примерно 70–80% населения. Причем 85% жилья построено за последние 25 лет, и это лишь некоторые штрихи. Венесуэла, в которой оказалось нефти в полтора раза больше, чем в Саудовской Аравии, контролируемой США, а также ряд латиноамериканских стран проявляют завидную самостоятельность в становлении нового типа народной демократии¹. Не будем говорить об Индии, некоторых европейских государствах, которые интенсивно строят новый мир, причем мир для человека, для народа, а не только для исчезающе-

и властного меньшинства. То есть перейти к той самой народной демократии, демократии в истинном смысле слова, о которой, в частности, так ярко сказал в своей речи в Мюнхене в 2007 году В.В.Путин. Сказал, но, похоже, лишь для того, чтобы опять «выбить преференции» (см. ниже).

¹ Достаточно посмотреть публикации журнала «Наш современник» за 2008 год.

го тонкого слоя самых богатых (уже давно не «золотого миллиарда», а нескольких сот самых богатых семей мира).

В то же время Россия, имея исторический опыт и традиции справедливости, истинно народной демократии, все больше уходит в сторону от этой – становящейся генеральной – линии движения основной части мира – интенсивно развивающихся стран. Наша страна в лице ее руководства пытается остаться в поле притяжения мирового аристократически-олигархического центра, сформировав собственные олигархические кланы, которые лишь маскируются под государственное лицо, но всё менее успешно, потому что всё менее эффективным становится это правление, всё дальше отходит оно от национальных интересов, уже даже дальше, чем в эпоху Ельцина, а теперь – ещё дальше, чем в эпоху Путина, реставрируя даже наиболее радикальные либеральные формы, хотя полновластие кланово-олигархических структур уже существует и без них (хотя, быть может, пока новому клану нужна для передела еще большая свобода).

Мир разделился на страны, пытающиеся организовать народно-демократические, пусть и различные по форме, общества, и на группу наиболее богатых частных лиц, формирующих мировой порядок нелегитимно, без мнения народа и совершенно не считаясь с его интересами. То, что по инерции продолжает считаться капитализмом, давно перестало быть таковым. Формирование общемирового финансового центра фактически возвращает мировое сообщество к феодальному строю. Даже по форме оно все более тяготеет к феодальным корням западной аристократии (в первую очередь английской и испанской, теперь – и российской), к их состоявшемуся «родству» с наиболее богатыми кланами (в первую очередь американскими – Рокфеллеры, Морганы, Лазары и др.), теми, кто в начале XX века создал новый финансовый порядок в США в виде группы частных банков, объединённых в Федеральную резервную систему (ФРС) и даже выпускающих мировую валюту¹ и пытающихся сегодня подчинить себе весь мир (в результате финансового кризиса ФРС получила контроль над 40% финансовых ресурсов мира).

Однако мировой финансовый центр – отнюдь не единственная теперь сила. Поскольку «иной мир» – это гигантские человеческие ресурсы (особенно Китай и Индия), технологические ресурсы (БРИК², пока – включая Россию), природные ресурсы (Россия, Ближний Восток, Юж-

¹ К слову, доллар – именно частная, а не государственная валюта и даже малейшие попытки перевести ее под контроль американского государства стоили жизни не одному президенту США. А США превратились в площадку для мирового капитала, все ресурсы страны обращены только на капитал, который высасывает не только мировые «соки», но и соки из США, как в свое время Англия – из Индии.

² Бразилия, Россия, Индия, Китай.

ная Америка (Бразилия, Венесуэла и др.). Другой пример: «силой» становятся государства, до недавнего времени бывшие местами размещения «беглого» капитала, это оффшорные зоны различного типа, которые теперь контролируют более 20% мировых капиталов и вполне могут скоординированными действиями влиять на крупнейшие финансовые процессы и все чаще пользуются этой возможностью. А если завести речь об интенсивно развивающихся странах, то вопрос о том, почему мы смотрим в Европы и Америки, все время именно с ними «сверяем часы», это вообще становится непонятным, нелогичным, а теперь уже – в условиях разворачивающегося мирового кризиса – просто смертельно опасным для России. Причем ничего снова не меняется! Никто не признал ошибок, не ушел в отставку, не покаялся.

Отойдя так далеко в сторону от заявленной проблемы, мы подходим очень близко к ответу на вопрос: в чьих интересах действовала (и действует) российская политическая элита в решении территориальных вопросов, в частности, в ситуации с Южной Осетией и Абхазией (то же самое – с другими государствами Кавказа, Средней Азии, с Украиной, Приднестровьем, а также такими «мелочами», как Китай и Индия)? Без сомнения – в интересах отечественных олигархических кланов и их (не наших, а их) иностранных «партнеров», причем интересов с серьезным довеском теневой и криминальной компонент. Не приходится удивляться, что это достигается путём игнорирования общенациональных тактических и стратегических интересов России.

Примеров – тысячи. Даже вопрос, почему Украина до сих пор получает газ по заниженной цене (что подтвердило очередное «соглашение») и кто получает за это «откаты» в Украине, России и США, – вопрос риторический (например, незадолго до газового кризиса Юлия Тимошенко призналась в том, что главный «кусок», за который сражаются претенденты на власть на окраине России (теперь это называется «в Украине»), это разница в 3 млрд. долл., в которые входит и разница за цену поставки и продажи российского газа).

Не будем останавливаться на проблеме наркотрафика, незаконной торговли оружием, людьми, чтобы понять – «мировые власти» и их российские «партнеры» торгуют всем, в том числе интересами целых народов в странах «собственного базирования». И, к сожалению, российская элита решила, что это и есть правильный путь – путь превращения России из страны в территорию базирования капитала.

Но этот путь уже имеет историческую версию своего логического завершения – немецкий фашизм. Именно этот путь, называемый сегодня «либеральным фашизмом», пытается навязать миру Америка, именно против этого пути восстаёт сегодня значительная часть мирового сообщества. Вполне обоснованно в научном мире появилось наименование нашего политического строя – «имитационное государство», то есть го-

сударство, в котором национально-государственный интерес и государственная деятельность лишь имитируются, маскируются речами президентов и премьеров, решения которых выполняются только на 2%. И на вопрос, на чьей же стороне российская элита, так бесцеремонно «играющая» со своей страной и своим народом, всякий раз можно дать один и тот же ответ – на стороне кланово-олигархических интересов. Это относится и к территориальным решениям.

Поэтому после очередных проблем на Кавказе возникает не прогноз. Возникает Главный Вопрос – захочет ли российский народ вслед за своей «элитой» надолго оставаться в единой упряжке с нашими «заклятыми друзьями» из Англии и США, других европейских стран в их реставрационном аристократически-олигархическо-криминальном порыве войти в эту «мировую элиту», «голубую кровь»? И тогда состоится ответ на вопрос – в чем причины и каковы долгосрочные последствия кавказских событий. Хотя финансово-экономический кризис уже к весне текущего года заставит дать однозначный ответ, и было бы большим счастьем, если бы этот ответ был дан не морем крови.

Владимир Серебрянников

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВОЙН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Отразив агрессивное нападение Грузии на Южную Осетию, Россия принудила ее к миру, предотвратила расползание конфликта, укрепила безопасность в регионе. Военные меры российской стороны явились ответными, правомерными, справедливыми.

Последовавшее за войной и связанное с ней дипломатическое наступление России глубоко перепахивает поле мировой политики, закладывая семена новых позитивных реалий.

Аналитики, сосредотачиваясь на двух указанных фазах кавказского конфликта, проходят мимо его предшествующей войне фазы, когда война была лишь возможностью. Тогда должно делаться нечто исключительно важное, что в случае успеха ценится выше всего. В начале XX века крупный военный деятель и теоретик А.Е.Снесарев, будучи первым начальником Академии Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии, определил критерии оценок государства при отстаивании своих национальных интересов следующим образом: простая победа в войне – лишь «3» (тройка); успех политики в войне – «4»; успех при избежании войны – «5»; поражение в войне – «2»; утрата независимости, крах государства – «1»¹. Этот взгляд, выражавшийся и многими другими видными деятелями и учеными, по существу, воплотился в нынешней военной доктрине России. В ней указывается, что главные цели системы военной безопасности страны и главная задача Вооруженных Сил Российской Федерации – своевременное предотвращение войн и вооруженных конфликтов, «локализация, нейтрализация и ликвидация военных угроз»². Забота о практическом осуществлении этих установок с новой силой проявилась в практическом осуществлении этих установок, действиях и выступлениях Президента – Верховного Главнокомандующего наших Вооруженных Сил Д.Медведева после недавней войны в Закавказье.

¹ См.: Военная мысль. – 2007. – №11. – С. 27.

² Военная доктрина Российской Федерации. Правовые акты Российской Федерации в сфере военно-гражданских отношений : Сб. документов. – М., 2002. – С. 86; Красная звезда. – 2007. – 26 ноября.

1. Исходные положения и опыт

Понятие «предотвращение войны» применяется давно, вошло в руководящие документы России и многих государств, но до сих пор нет его общепринятого научного толкования.

В «Военной энциклопедии» под этим понимается «система политических, правовых, экономических, военных и других мер по своевременному разрешению объективных противоречий и нейтрализации субъективных факторов, которые могут стать причинами развязывания войны или вооружённого конфликта»¹.

Однако часто войны предотвращались без таких глубоких социальных трансформаций. Во второй половине XX века угрозы всеобщей ядерной войны между США и СССР, НАТО и Варшавским Договором не раз доходили до последней черты, но предотвращались без разрешения объективных противоречий и нейтрализации субъективных факторов, детерминировавших военно-конфликтные отношения. Последние на какой-то момент переходили в плоскость усиления невоенной борьбы, основанной на тех же причинах, снова накаляясь до красной отметки и т.д. То же можно сказать о блестящей стратегической операции «Анадырь», осуществлённой Советскими Вооружёнными Силами в 1962 году и предотвратившей подготовленное американцами нападение на Кубу с целью свержения её правительства и последующей оккупации острова. Объективные противоречия и фактор враждебности США к Кубе в тот момент и после него стали еще сильнее, а их вынудил отказаться от агрессии призрак катастрофического для них возмездия за нее.

В указанном выше энциклопедическом понимании предотвращение войны, по существу, отождествляется с исключением её из жизни общества, то есть цель данного деяния предельно завышается до необходимости изменить фундаментальные основы жизни человеческого общества. На деле предотвращение войны всякий раз есть целеустремленное недопущение, отсрочка, оттягивание какой-то конкретной войны. Конечно, расширение и углубление таких действий служит достижению и более высокой цели, но это не стирает их качественного отличия. Исключение войн из жизни человечества – дело отдалённого будущего, а их предотвращение – неотложная потребность сегодняшнего дня.

Нередко отождествляют понятия «предотвращение войн (вооруженных конфликтов)» и «военно-политическое сдерживание». Действительно, они весьма близки друг к другу, перекрещиваются, во многом совпадают. Но между ними есть и существенные различия, что показано в следующей таблице.

¹ Военная энциклопедия. Т.1. – М., 1997. – С. 245.

Таблица №3

№№ пп	Важнейшие элементы (стороны) содержания данных понятий	Особенности содержания понятий	
		«предотвращение войн»	«сдерживание» (военно-политическое)
1.	Исходные общенаучные дефиниции	По Вл. Далю «предотвратить – предустранив, отвратить заблаговременным распорядком, устранить ранними мерами»	По Вл. Далю «сдерживать – удерживать, задерживать, придерживать, не пускать, не давать всей воли»
2.	Цели (основания, конечные результаты)	Нейтрализация и устранение самой угрозы; создание условий (политических, экономических, культурно- гуманитарных, военных и т.д.), препятствующих войне	Удерживать угрозу контругрозой, не оставляющей потенциальному агрессору надежд на какой-либо успех при развязывании войны, неизбежность неприемлемого ущерба
3.	Средства	Комплекс невоенных и военных средств при приоритете первых	Комплекс невоенных и военных средств при приоритете вторых
4.	Способы действий	Формирование общих интересов, ведущих к отказу от военных угроз друг другу, убеждение в недопустимости войны	Приоритет принуждения к отказу от войны неотвратимостью возмездия в случае нападения
5.	Субъекты, осуществляющие действия	Государство (коалиции), а также международные организации (ООН, Совет Безопасности, ОДКБ и др.), общественные организации и массовые движения	Военная мощь государств (коалиций), вооружённые силы

Из таблицы видно, что предотвращение войны по сравнению со сдерживанием ее есть дело более широкое и далеко идущее по цели, средствам, способам, субъектам, социальной роли и значимости. Но при этом сдерживание, в первую очередь ядерное, является ключевым фактором предотвращения войн на глобальном, региональном и локальном уровнях. Причем на последнем уровне возрастает значимость сил общего назначения. Никакая самая искусная политика сама по себе, не опираясь на необходимый оборонный потенциал, не может предотвращать войны. Нельзя не заметить, что в предотвращении войны и сдерживании агрессора вооружённые силы применяются лишь в форме косвенного, опосредованного использования в качестве политического средства принуждения агрессора к отказу от войны, но в одном случае они играют вспомогательную роль, а в другом – приоритетную роль. Подобным

образом меняется роль невоенных средств: в предотвращении войны им отдается приоритет, а в сдерживании они играют вспомогательную роль.

В процессе сдерживания политические средства применяются в интересах усиления этого процесса: заявления, декларации, предупреждения о возможности применения военной силы в определенных случаях угрозы жизненно важным интересам страны; ультиматумы агрессору; денонсация и выход из договоров по военной безопасности и ограничению вооружений в случае грубых нарушений их другой стороной; применение санкций против стран, проводящих агрессивно-провокационную политику и т.п. В процессе же предотвращения войн невоенные средства акцентируют внимание на конструировании такой военно-политической обстановки и таких отношений между государствами, которые выступают барьерами на пути войны, формируют общие миролюбивые установки и общее стремление к снижению военной составляющей в них.

Важно также подчеркнуть, что сдерживание есть дело государства (коалиции), вооружённых сил. А в предотвращении войны участвуют и множество других субъектов – ООН и её Совет Безопасности, подобные региональные институты, общественные организации и массовые движения, гражданские органы власти, выдающиеся публичные деятели. Они не раз предупреждали и останавливали войны, что не может не учитываться в научном толковании рассматриваемого явления.

Таким образом, сдерживание есть одна из форм предотвращения войны, включающая в себя деятельность, как было показано выше, не только военную, но и невоенную.

Представляет интерес философско-методологическое определение предотвращения войны, данное американским ученым Майклом Лундом – руководителем группы превентивной дипломатии Института мира США, который считается там одним из ведущих исследователей этой проблемы. Это «действия, предпринимаемые в опасных местах и времени, чтобы избежать угрозы использования силы или вооружённой силы и связанных с ними форм принуждения государствами или группами для разрешения политических диспутов, которые могут исходить от дестабилизирующего эффекта экономических, социальных и международных изменений»¹. Эта несколько усложненная формула сужает рассматриваемый феномен. Во-первых, имеет в виду действия, предпринимаемые в «опасных местах» и в «опасное время», то есть в условиях оформившейся угрозы, а дело в том, что предотвращение войны предполагает действия, и прежде всего тогда, когда есть лишь возможность возникновения такой угрозы и недопущения превращения ее в действительность, то есть предельно раннюю профилактическую деятельность.

¹ Свободная мысль. – 2008. – №2. – С. 83–84.

Именно так ставится задача в военной доктрине России, и такое ее углубление отвечает интересам безопасности. Во-вторых, определение Майкла Лунда нацеливается на полное неприменение силы и военного принуждения потенциального агрессора, то есть даже и косвенного, опосредованного, политического использования вооружённых сил (без вооружённой борьбы), в том числе для сдерживания, что в современных условиях является иллюзией и станет достижимым при фундаментальном изменении международных отношений в далёком будущем. Это идеал, для реализации которого сейчас нет условий и субъектов, способных воплотить его в жизнь. В действительности сила используется в превентивных действиях косвенно (предупредительные демонстрации) или непосредственно (прямое применение). В последнем случае только по решению Совета Безопасности ООН.

Любое научное понятие базируется на всей массе фактов, относящихся к данному классу явлений, вводится на основе выделения общего и специфичного для них. Оно должно опираться на объективный показатель, позволяющий отличать действительное предотвращение войн от действий, которые выдаются за таковые, а на самом деле не являются ими. Например, военно-политические концепции США и НАТО освещают так называемые превентивные войны и удары, в том числе с применением ядерного оружия, то есть «войны для предотвращения войн», ликвидации военных угроз. В качестве таковых выдаются войны против Югославии (1999), Афганистана (2001), Ирака (2003), а теперь и подготавливаемая война против Ирана и других «стран-изгоев». Фактически эти действия не имеют ничего общего с предотвращением войн, а напротив, иницируют и распространяют вооружённое насилие, международные и внутренние конфликты, терроризм. Они в соответствии с международным правом есть военные преступления, агрессия, вооружённый геноцид против народов. Войны США против Ирака превратили эту страну в кровавый ад: миллионы людей убиты или изгнаны со своих мест, разрушена экономика, вся инфраструктура большого народа. Все это под флагом предотвращения ядерной войны со стороны Ирака, как известно, не имеющего такого оружия.

Объективным критерием, позволяющим отличить предотвращение войны, является реальное избежание вооружённой борьбы. Результатом предотвращения войны (конфликта) является несостоявшаяся, не произошедшая война (конфликт). Если нет этого результата, то это может обозначать неудачу дела либо осуществление иного деяния, выдаваемого за него.

Сказанное выше важно иметь в виду, ибо почти все государства (коалиции) формально провозгласили стремление предотвращать войны и даже возникновение военных угроз на ранних стадиях их зарождения, а не ждать, когда они созреют и разразятся огнём. Если бы

было при этом единое понимание сути предотвращения войны как избежания ее, то их бы становилось все меньше. Но этого нет. Жизнь не подтверждает и положения «Военной энциклопедии», изданной в России, что «реальности конца XX века существенным образом повлияли на изменение роли современных армий в жизни общества, которые все больше превращаются в фактор предотвращения (сдерживания) войн и вооружённых конфликтов как на международной арене, так и внутри своих стран»¹. На деле же многие из них становятся более агрессивными.

Нельзя обойти и сугубо коллаборационистское понимание избежания войны как отказа от вооружённого сопротивления агрессору. Оно сильно проявилось перед и в начале Второй мировой войны, когда ряд европейских государств элементарно сдавались на милость германским агрессорам под предлогом спасения своих народов и стран от массовых жертв, разрушений, бед и страданий. Об этом «перевернутом» понимании предотвращения войны можно было не говорить, если бы идея отказа от защиты Отечества с оружием в руках не оказалась усиленно пропагандируемой рядом СМИ. Она воспринята немалой частью наших людей, полагающих, что если бы СССР сдался Гитлеру без войны, то жизнь у нас была бы не хуже европейской. Но дело еще и в том, что такое «предотвращение войны» считается некоторыми политиками не только допустимым, но и чуть ли не самым благоразумным. Например, Россия направляла своих спецпредставителей в Югославию (1999), Ирак (2003), чтобы уговорить глав этих государств не отвечать вооружённым сопротивлением наглым агрессорам. Так, Виктор Черномырдин, исполняя указанную роль, убеждал президента Сербии Милошевича, считавшего необходимой наземную операцию против натовских войск: «Ты себе представляешь, что такое воевать с НАТО? Это 19 государств. Они просто «проутюжат» всю страну, камня на камне не оставят. Какая тут может быть наземная операция?»² Натовцы как раз больше всего боялись такой операции и могли быть хорошо проучены сербами, имевшими крепкую армию.

Агрессоры вообще, стремясь к захватам и мировому господству, желают сделать это «подешевле», по возможности избегая вооружённой борьбы или сводя ее к минимуму, зная, сколь много неопределённостей таится в ней, особенно боясь неприемлемого для себя ущерба. Во имя этого используются невоенные средства и способы: создание в государствах, против которых готовится агрессия, «пятых колонн», насаждение кротов-предателей в руководстве, развертывание подрывной деятельности, информационной обработки населения и т.д.

¹ Военная энциклопедия. Т.1. – М., 1997. – С. 245.

² Свободная мысль. – 2008. – № 2. – С. 33.

Нередко сдерживание войн (конфликтов) связывается только с военными средствами или также и невоенными, которые якобы самостоятельно могут играть даже главную роль в сдерживании. Таким свойством, например, наделяют резко возросший объём и уровень взаимопроникновения экономик США и КНР, которые «сдерживают американское руководство от каких-либо резких акций в отношении Китая». В определённой мере это верно. Но важно помнить, что главное назначение этого «взаимопроникновения» – материальный интерес и выгода сторон, не отменяющие их соперничества. Более того, обострение конкурентной борьбы за рынки и ресурсы, как это в определённой мере происходит и сейчас, может подорвать этот сдерживающий фактор. При господстве либеральных экономических систем, наличии сильнейших социально-политических противоречий между разнородными государствами, экономические условия, служащие в данный момент сохранению мира, носят в своей основе неустойчивый характер. Военная сила в конечном счете остается главным и устойчивым гарантом безопасности КНР. Да и в долгосрочных отношениях США к КНР упор делается на военные средства в разрешении исторического спора. Требуется специальный конкретно-социологический анализ с соответствующими измерениями роли каждого из невоенных средств в сдерживании.

На основе рассмотренного выше можно дать следующее определение предотвращению войны: это политика конструирования такой общей и особенно военно-политической обстановки (внутренней и внешней), которая снижает и устраняет военные угрозы, делает неизбежным крах военных агрессий, устанавливает персональную правовую ответственность их вдохновителей и организаторов, настраивает на отказ от войн.

Хотя целеустремлённое предотвращение войн родилось в далекой древности, прошло большой путь развития, но стало важнейшим направлением государственной политики в XX веке в деятельности Советского Союза, что рельефно проявилось в 30-е годы в борьбе против Второй мировой войны, а затем с конца 40-х годов в недопущении третьей ядерной мировой войны, ряда локальных вооружённых конфликтов.

Так, достаточно было Советскому Союзу предупредить Великобританию, Францию и Израиль, развязавших войну против Египта в 1956 году, что если они не выполнят решение Чрезвычайной сессии Генеральной ассамблеи ООН о прекращении агрессии, то он применит силу, и через два дня мир был восстановлен. Показательны здесь и Карибский кризис 1962 года, а также развертывание в начале 80-х годов группировки советских морских ядерных сил в Атлантике у территориальных вод США в ответ на размещение американских ракет средней и большой дальности в Западной Европе, что заставило Америку пойти на ликвидацию этих ракет. Решительные дипломатические предупреждения с демонстрацией готовности их осуществить, военное давление посредст-

вом развертывания стратегических группировок в неожиданных местах для нейтрализации опасных действий западных государств не давали нужный эффект.

Еще в 30-е годы XX века сложились две разные целостные модели такой политики, которые показаны в следующей таблице.

Таблица №4

Сравнение советской и западно-демократической моделей действий по предотвращению Второй мировой войны

Сравниваемые параметры	Страны	
	СССР	Англия, Франция, США
Цели и принципы	пресекать любые агрессивные акции, войны; создать систему коллективной безопасности в Европе и Азии для недопущения агрессии; собственную безопасность нельзя обеспечить за счет других; объединение всех миролюбивых сил, создание коалиции антифашистских государств	избавление от войны своих государств за счет подталкивания агрессора к войне против других; отказ от идеи коллективной безопасности, нежелание объединяться с СССР в противодействии фашистской агрессии; попытки сговора с Гитлером против СССР с целью его уничтожения
Средства и способы действий	применение для обуздания агрессора невоенных и военных средств; разработка и осуществление совместных планов пресечения агрессии коллективными силами миролюбивых государств; всесторонняя помощь жертвам агрессии; укрепление собственной обороноспособности; решительность и недопущение уступок агрессору	воздействие на агрессора исключительно невоенными средствами (дипломатия, мораль, право и т.д.); боязнь принудительных (силовых) действий по отношению к агрессору; стремление умиротворить агрессора уступками и уговорами; нерешительность, безволие, утрата возможностей проучить Гитлера
Результаты	СССР выиграл почти два года для подготовки к отражению фашистской агрессии; укрепил свой авторитет и влияние как миролюбивое государство; заложены предпосылки для создания коалиции антифашистских государств	Вторая мировая война началась внутри капиталистической системы, а западные демократические страны вступили в нее почти на два года раньше; неожиданное крупное военное поражение англо-французской коалиции в июне 1940 года, капитуляция Франции и т.д.

Для советской модели характерно сочетание последовательного миролюбия с готовностью дать решительный отпор агрессору. Выступая за коллективные силовые действия для обуздания агрессора, готового ринуться на войну за мировое господство, СССР был готов выставить такое количество войск, которое, при сложении с возможными силами за-

падных демократических государств, давало решающее преимущество над агрессором, делало невозможным осуществление его планов. Западная модель характеризовалась непоследовательностью и безволием, уступками, боязнью силовых действий против агрессора, упором на морально-психологическое воздействие на фюрера и, как следствие, фактически содействием ему. В этом одна из главных причин того, что войну не удавалось предотвратить.

Самой сложной проблемой в предотвращении войн является согласование политики с военной стратегией, невоенных мер с военными. Известный американский деятель Г.Киссинджер пишет, что неумение решить эту проблему странами, пытавшимися не допустить Второй мировой войны, явилось главным негативным фактором в этом деле. Западные политики, указывает он, задавшись целью остановить Гитлера, «не сумели разработать военную стратегию, соответствующую этой цели», а сами военные не проявили инициативы, «полностью передоверились политическим лидерам», вели себя «чересчур скромно», что обессилило политику»¹. Эта оценка правильна по отношению к действиям Запада в конце 30-х – начале 40-х годов XX века.

Противоречивая, порой провокационная (мюнхенский заговор и др.) политика, вера, что войну удастся направить на восток, неизбежно порождала пассивность военной стратегии Запада в отношении фашистской Германии. Попытка Киссинджера распространить свою оценку взаимодействия политики и военных на Западе и на положение дел в СССР в то же время является не вполне правомочной. Советская политика выступала принципиально против зреющей агрессивной войны, а потому была более обоснованной и требовательной к военной стратегии. Она комплексно охватывала международные отношения на Западе и Востоке, базировалась на теоретических обоснованиях и возможности, учете условий и факторов, путей достижения успеха в предотвращении войны.

Линия на оттягивание войны в грозных условиях мая-июня 1941 года была реалистичной. Однако есть мнение, что политика, обязанная считаться с природой и законами военных средств, вступила в противоречие с ними. Действия военных якобы сковывались установками политики, чтобы военные дела не мешали предотвращению войны, не усиливали напряжённость в межгосударственных отношениях, не давали оснований западным государствам и мировому общественному мнению для обвинения СССР в воинственности, не провоцировали германские войска. Особенно критикуется оттягивание решения на приведение в полную боевую готовность войск западных военных округов. Все это как бы затуманивало понимание того, что предотвращение и оттягива-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. – М., 1997. – С. 300–301.

ние нападения есть движение по опасной тропе, когда ни на минуту нельзя спускать глаз с другой стороны, чтобы не оказаться врасплох перед ее внезапными ударами.

Авторитетные политики, военачальники и ученые, в том числе маршал А.В.Василевский, полагают, что будь боеготовой наша армия в 1941 году, нападение фашистской Германии могло бы не иметь места. И эта гипотеза, вокруг которой продолжаются научные споры, все больше становится истиной.

Сейчас нарастает поток публикаций, в которых утверждается, что СССР мог добиться предотвращения германского нашествия, если бы политики и военные действовали более искусно и согласованно. Критикуется недостаточно активное воздействие на руководство и генералов Германии с целью разбить их ошибочное представление о «непрочности и шаткости» Советского Союза и его Вооружённых Сил. Необходимо, мол, было лучше показывать крепость обороны, военно-экономические, технические и мобилизационные возможности страны, не сокращать, а наращивать число учений и маневров, подобных тем, которые проводились в середине 30-х годов в западных военных округах, которые буквально удивили Запад развитием военно-оборонного дела. Военачальники и военные ученые критикуются за недостаточное внимание к разработке и внедрению идей и проектов усиления роли армии в предотвращении войн.

В переизданной у нас книге шведского историка Леннарта Самуэльсона «Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941» (2001) утверждается, что если бы СССР не тяготел к чрезмерной закрытости и показал немцам более полно свои лучшие танковые, авиационные и другие заводы, то мы бы удержали их от войны. СССР сделал это лишь в малой дозе и слишком поздно (в марте-апреле 1941 года)¹. Доклады военных атташе Германии об увиденном были очень тревожными.

Это несколько упрощенные, но заслуживающие внимания толкования действий нашей страны и армии по предотвращению фашистской агрессии. Главное – они стимулируют изучение такого опыта, который, к сожалению, не стал предметом глубокого научного исследования.

В настоящее время эта деятельность стала более объемной и сложной по своему содержанию, но и более значимой для безопасности страны.

Известно, что политика «производит» войну: выдвигает цель, план, организует подготовку, разжигает воинственность в обществе и армии, ищет внешних помощников и спонсоров, принимает окончательное решение и т.д. Предотвращение войны есть активное противодействие

¹ *Самуэльсон Леннарт. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М., 2001. – С. 300–301.*

всему этому. Российское государство отдаёт приоритет в этом деле невоенным средствам – политическим, дипломатическим, экономическим, информационным и другим. Данная «политика антивоенности» призвана формировать такие отношения, которые были бы жизненно ценными для соседних государств и нарушать их было бы крайне невыгодно никому. Она призвана активно трансформировать обстановку, сужая и сводя на нет объективные возможности для агрессивных действий.

Сейчас, после августовских событий на Кавказе, когда авантюрные действия правящего режима небольшой страны, в данном случае Грузии, дестабилизировали общую ситуацию в мире, когда система международной безопасности, основанная на однополярности, оказалась несостоятельной, не обеспечила «умиротворения» или «сдерживания» агрессора, ясно, что необходимо строить новую систему. Путь на этом направлении открывают предложения Президента РФ Д.Медведева о заключении нового договора о европейской безопасности.

Они предусматривают конкретные ее элементы, служащие именно предотвращению войн и вооружённых конфликтов.

При обострении обстановки важно активизировать превентивные дипломатические контакты с субъектами военных угроз, добиваться заключения соглашения о недопустимости применения военной силы для разрешения конфликта, повышать эффективность миротворческих миссий, осуществлять разумные демонстрационные учения войск, торгово-экономические санкции и т.д. Но эти действия должны быть системными, гибкими, конкретными, своевременными, а не «бьющими по хвостам», а главное – не обостряющими, а снижающими накал агрессивности.

Давно стало аксиомой, что предотвращение войн (конфликтов) есть союзническое дело. Важно, чтобы союзники руководствовались общей, выработанной совместно оценкой обстановки, ранжирования имеющихся конкретных угроз, выделения наиболее опасных для всех союзников, общим планом, стратегией, имели общий механизм воздействия на те или иные ситуации. А главное – имели обязанность сообща поддерживать друг друга, особенно подвергшегося агрессии. История учит, что каждая страна, заботящаяся о своей безопасности, стремится иметь верных друзей и союзников, не допуская ухудшения отношений с ними в угоду конъюнктуре. России важно соответственно строить связи со всеми соседями, в первую очередь со странами СНГ, в целях сохранения общего культурно-цивилизационного наследия. Глубоко ошибочным является бездумное повторение известного тезиса, что у России нет других союзников, кроме ее армии и флота. В нем не только искажены положение и роль вооружённых сил в государстве, но и глубоко ошибочная политико-дипломатическая установка, оправдание стратегических поражений России на этом поприще за последние пять-десять лет.

Россия в последние годы далеко не в полной мере использует (если не сказать, что совершенно не использует) возможности публичной диплома-

тии, культурно-гуманитарных, информационных, гражданских связей для формирования нужного общественного мнения, воздействия на правящие круги и командование вооружённых сил соседних стран. Предотвращение войн (конфликтов) предполагает постоянную и целеустремлённую работу по недопущению милитаризации соседних стран, наращивания ими наступательного оружия, распространения воинственных настроений.

Агрессоры развязывают войны, когда уверены в успехе. Поэтому важно заблаговременно разгадать их замыслы и планы, а также разрушить веру в успех, внушить неизбежность поражения. Даже самые дикие агрессивные субъекты, поставленные перед выбором – «гибель или трансформация», как правило, меняют вектор поведения. Внушение и показ агрессору неприемлемого ущерба, который его ожидает в случае нападения, стоят в ряду реальных сдерживающих факторов, если осуществляются целеустремлённо и искусно. Западный военный теоретик Кингстон-Макклори сформулировал своего рода закон: «нападают лишь на слабых, на сильных – никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно свои силы и производящих со стороны впечатление слабых»¹. Важно в связи с этим владеть искусством подачи стратегических сигналов (жестов), в том числе и мировым титанам в точном соответствии с международным правом, не превращая их в угрозы, затрудняющие или тем более закрывающие путь к улучшению отношений, как это делалось, например, при принуждении к отказу от войны Советским Союзом во время Суэцкого (1956), Карибского (1962), Берлинских (60–70-е) кризисов и др. Хотя возможности у нынешней России на этот счет другие, но преуменьшать их не следует.

Конечно, наивно полагать, что при активности и искусном действии предотвращение войны неизбежно даст желаемый результат. Это действие имеет двусторонний характер, включает немало неопределённостей и неожиданностей, но не относится к разряду тех, которые заранее сулят только негативный результат.

В документах ООН, Совета Безопасности, трудах известных политиков, дипломатов, ученых изложены уроки успехов и причины неудач в предотвращении войн и вооружённых конфликтов на основе мирового опыта XX века, которые остаются, к сожалению, во многом неусвоенными Россией, что проявилось и в отношении к создавшемуся российско-грузинскому конфликту до его перехода в стадию вооружённой борьбы.

К объективным причинам неудач относятся: недостаток средств; неблагоприятная обстановка; отсутствие ключевой развединформации, поддержки союзников и общественного мнения; отсталость применяемых стратегий, технологий, механизмов. Среди субъективных причин

¹ Кингстон-Макклори. Э.Д. Глобальная стратегия. – М.: Кучково поле, 2005. – С. 67.

выделяются: недооценка угрозы, убаюкивание себя надеждами, что всё рассосётся само собой; слабое воздействие на сознание, волю и поведение воинственных субъектов; узость знаний и опыта, инертность политического и военного руководства, их пассивность. Отмечается, что на поведение политиков влияет и то, что мирно предотвращённый конфликт не дает им очков, а успешное применение силы, как правило, поднимает их рейтинг. Сказывается и у политиков присущая большинству людей склонность отвлекаться от тяжелых и мучительных дум об опасностях, пока они не наступят.

Ведущее и все возрастающее значение имеет именно субъективный фактор, который может творчески изменять объективные условия, приспособлявая их к решению задачи предотвращения войн.

Политика руководит невоенными и военными средствами, сливая дела отдельных звеньев в единый процесс предотвращения войны. Но политика занимается не только военными угрозами, но и массой невоенных угроз глобального и национального порядка, многими другими делами. Поэтому, беря на себя самое важное, определяя принципы и задачи каждого средства, политика предоставляет им простор для проявления инициативы и творчества, относительной самостоятельности.

2. Военная доктрина о задачах Вооружённых Сил в предотвращении войн

Вооружённые Силы являются, согласно установкам политики и Военной доктрины, главным гарантом обеспечения военной безопасности государства. Они должны быть надежны в двух отношениях: 1) готовности разгромить любого агрессора в случае нападения; 2) предотвращать войны, вооружённые конфликты. Важно чётко понимать превентивную роль армии. Преувеличение или недооценка этой роли, нарушение единства политической и военной стратегии снижают эффективность всего дела. Например, передача всей ответственности за предотвращение войны военным неизбежно умаляет роль самой политики, дипломатии, утяжеляя военную составляющую на невоенной стадии конфликта, снижает общую инициативу, что проявилось и в развитии недавнего нового конфликта на Кавказе.

Совмещение в деятельности вооружённых сил двух противоположных функций (готовности сражаться и побеждать, а также предотвращать войны) требует от политического и военного руководства, личного состава армии большой гибкости, недопущения какого-либо ослабления первой функции и тех качеств, которые нужны для ее осуществления, ибо это остаётся основополагающим фактором успеха осуществления второй.

Хотя наши Вооружённые Силы активно действуют по предотвращению войн, эта их деятельность недостаточно теоретически осмыслена и практически организована.

Накопленный в этом отношении опыт используется недостаточно, слабо отражён в военной доктрине. Она ограничивается лишь самыми общими установками на этот счёт: поддерживать готовность вооружённых сил к согласованным действиям по выполнению этой задачи, своевременно вскрывать угрожающее развитие обстановки, подготовку нападения, локализовать очаги напряжённости, пресекать враждебные вылазки. Но ничего не говорится о практических мерах, конкретных планах, обязанностях тех или иных командных структур, формах и способах взаимодействия военной силы с другими элементами национальной мощи (политическими, дипломатическими, информационными и т.д.), также занимающимися предотвращением войн.

Ненормально, что в Военной доктрине России отсутствуют установки по предотвращению внезапного нападения на страну. В доктрине даже отсутствует термин «внезапность». Страна и вооружённые силы не раз несли колоссальные потери (людские и материально-технические) от внезапных нападений. Теперь этот способ развязывания войны или конфликта грозит еще большими бедами, возможностью полного поражения. Он из военного фактора превратился в военно-политический, что, к сожалению, не отражено даже в недавно переизданной «Военной энциклопедии»¹.

Полезно в связи с этим сравнить постановку рассматриваемой проблемы в руководящих документах США².

В США имеются три главных документа по вопросам обеспечения безопасности: «Стратегия национальной безопасности», подписываемая президентом; «Стратегия национальной обороны», подписываемая министром обороны, и «Национальная военная стратегия», подписываемая председателем Комитета начальников штабов Вооружённых Сил США. В последнем документе, который исходит из установок первых двух, излагаются взгляды военного командования на строительство, применение и роль американских Вооружённых Сил на определенный период. Во всех трёх документах большое внимание отводится вопросам предотвращения войн и вооружённых конфликтов, внезапных нападений на США. Но наибольший интерес представляет в этом отношении именно третий документ, так как он непосредственно адресован вооружённым силам и даёт возможность оценить, какое значение придаёт именно военное командование различным аспектам предотвращения войн и внезапных нападений. Кроме того, этот документ по своему назначению сопоставим с нашей военной доктриной, что позволяет провести сравнительный анализ постановки и разработки соответствующих положений.

¹ Военная энциклопедия. В 8 тт. Т. 2. – М.: Воениздат, 1994. – С. 110–111.

² См. Национальная военная стратегия США // Военная мысль. – 2005. – № 3,4,5.

Таблица №5

**Степень отражения задач предотвращения войн (конфликтов)
в военно-доктринальных документах России и США**

№№ пп		Военная доктрина России	Национальная военная стратегия США
1.	Специальные установки по предотвращению войн (конфликтов), локализации и устранению военных угроз	жизненная необходимость исчерпывающих мер для этого; определение этих мер как главных целей системы безопасности; поддержание готовности Вооружённых Сил к согласованным действиям по достижению этих целей; предотвращение вовлечения других государств в войну на стороне агрессора	предупреждение конфликтов и внезапных нападений на США – одна из главных целей политики и стратегии; вооружённые силы по всем параметрам должны соответствовать этим целям; главное условие – умение вооружённых сил сражаться и побеждать любого противника
2.	Силы, средства и способы предотвращения войн (конфликтов)	предпочтение политических (невоенных) средств; Вооружённые силы должны своевременно вскрывать угрожающее развитие обстановки, подготовку нападения на страну и союзников; пресекать и предотвращать диверсии, террористические акты, приграничные конфликты: быть готовыми для этого при необходимости размещать свои группировки за рубежом; использование возможностей ООН, других международных организаций; формирование всеобъемлющей системы международной безопасности; расширение мер доверия; своевременное вскрытие угрожающей развитию обстановки	использование для этого общей национальной мощи и военных средств; укреплять возможности для этого партнерства, союзничества, альянсов и коалиций; формирование вместе с союзниками более безопасного мирового устройства; максимальное упреждающее противодействие противникам: удерживание их от опасных действий против США и союзников; принуждение к отказу от враждебных замыслов и планов применения для этого максимально широкого набора средств: передового присутствия, демонстраций военных возможностей, давления военными и невоенными средствами, использование оппозиции в странах-противниках, упреждающие удары и т.д.

3.	Механизм. Организационные аспекты предотвращения войн; обязанности командования	Положения на этот счет ОТСУТСТВУЮТ	указания о непосредственном участии командующих группировок войск в разработке планов таких действий совместно с дипломатами, разведкой, СМИ; командующие обязаны заблаговременно получать от разведки сведения об угрозах, мотивах, планах, целях и действиях противника, прогнозы на перспективу, делать все, чтобы сорвать их замыслы; развернутые меры по приведению строительства и подготовки армии в соответствие с этими делами, планирование согласованного применения всех компонентов национального потенциала, критериям оценки деятельности и т.д.
4.	О предотвращении внезапного нападения	Какие-либо установки и само понятие «внезапное нападение» отсутствуют	одно из ключевых понятий военной политики и стратегии; упреждающие действия: превосходство над противником в скорости и качестве решений; полномочия командующих по инициированию действий и использованию «ускользающих возможностей»

В нашей доктрине говорится о важности плана отражения агрессии, но игнорируется необходимость *планов отслеживания, предупреждения, локализации, нейтрализации угроз, войн и вооружённых конфликтов* задолго до их вызревания, не указываются способы и направления скоординированного применения военных и невоенных средств, конкретные обязанности командующих в обеспечении взаимодействия военной силы с другими элементами национальной мощи (политическим, дипломатическим, информационным и др.).

В «Национальной военной стратегии США», документе, сопоставимом с нашей доктриной, кроме общих и конкретных установок по этой же проблеме в ее 14 разделах имеется специальный раздел «Предотвращение конфликтов и внезапного нападения», который примерно в де-

сять раз объемнее всего соответствующего содержания нашей доктрины. А главное – в нем чётко даны конкретные установки по организации данной деятельности.

Конечно, все меры, предусмотренные в концепции США, в основном направлены на упреждающие силовые действия, нанесение упреждающих ударов, в том числе, возможно, ядерных, на действия по принципу «война против войны», что служит оправданию агрессивных войн, выдаваемых за действия по их предотвращению (Югославия, Афганистан, Ирак, а теперь и подготовка войны против Ирана под видом предотвращения ядерной войны с его стороны против США и НАТО). Но критически и творчески переработанные достижения военной мысли, отраженные в стратегии США и служащие агрессивным целям, могут эффективно служить действительному делу предотвращения войны.

У них стало правилом направлять целые стаи высших политиков, дипломатов, парламентариев, военных и общественных деятелей во взрывоопасный район, где намечается «предупредить» вооружённый конфликт, которые не вылезают оттуда до тех пор, пока не сформируют нужную обстановку: согласуют дела с союзниками, склонят к поддержке нейтралов, общественное мнение, изолируют жертву и т.п. Почему мы не научились так действовать во имя действительно благородных целей предотвращения вооружённых конфликтов?

3. Отставание науки и стратегии

Предотвращение войны – одна из сложнейших социально-политических проблем, разработкой которой призваны заниматься прежде всего общественные науки, а также естественные и технические. Поскольку современные войны – сложнейший умственный продукт, то и предотвращение их в возрастающей степени должно быть, прежде всего, результатом умственной деятельности. Причем более трудным и новым, чем подготовка войны. Правы те, кто утверждает, что пытаться останавливать современные войны со старыми знаниями, стратегиями, методами и технологиями также смехотворно, как пытаться уничтожить танк, бросая в него зефиры. На Западе работают десятки научных центров, исследующих эту проблему. У нас нет ни одного. Нет за последние двадцать лет ни одной крупной работы, которая бы произвела заметное воздействие на общественное сознание и практику.

Наша военная наука существенно отстаёт в разработке теории, стратегии и оперативного искусства, осмыслении отечественного и мирового опыта предотвращения войн и вооружённых конфликтов. Эта проблема не определилась даже как особая составная часть военной науки и военного искусства.

Двадцать лет назад начальник Генштаба генерал армии М.Моисеев писал: «Одной из сложных задач военной науки является разработка стратегии предотвращения войны. Такая проблема еще никогда не ставилась в наших Вооружённых Силах. Требуются глубокие научные исследования, разработка конкретных рекомендаций органам управления, войскам и силам флота»¹. Мы первыми выдвинули эту задачу, но ничего до сих пор не сделали для её решения. Спустя двадцать лет генерал армии Ю.Балуевский, будучи начальником Генштаба, напомнил об этой задаче, подчеркнув ее возросшую значимость: «Если для советской военной науки предметом исследования в первую очередь были проблемы ведения широкомасштабной войны, то сейчас на первый план выходит проблематика предупреждения, недопущения этих войн»². Здесь, к сожалению, задача сводится к разработке проблем предотвращения крупномасштабной войны. А ведь агрессивные силы делают сейчас ставку в достижении своих целей на малые конфликты типа южноосетинского, которые, по их мнению, более выгодны и менее опасны.

Специальная статья, посвященная проблемам предотвращения войны, опубликованная двадцать лет назад в журнале «Военная мысль», базировалась на качественно иных международных и внутренних основах военно-политической обстановки в мире, в России и ее ближайшем окружении³. Хотя она и содержала ценные обобщения и выводы, сохраняющие значение и ныне, ряд положений потеряли актуальность или ушли в прошлое. Ныне «Военная мысль» публикует много статей, посвящённых проблемам военного сдерживания, роли различных видов Вооружённых Сил и родов войск в этом деле, в которых, естественно, рассматриваются и более интересные вопросы предотвращения войн, но без акцентирования на них внимания⁴[14].

Мало занимаются этой проблемой, как и другими новыми проблемами, научные структуры Минобороны, Академия военных наук. Нет серьезных работ по стратегии предотвращения войн (конфликтов), разработке соответствующих методов, технологий, организационных механизмов, руководящих документов на этот счет. Многие высокие начальники, преподаватели академий считают эту проблему надуманной, искусственно навязываемой военным. Нет осознания актуальности и сложности проблемы.

Нет даже постановки вопросов о единстве политической и военной стратегии в предотвращении войн, что является коренной проблемой.

¹ Коммунист Вооружённых Сил. – 1989. – №21. – С. 25.

² Красная звезда. – 2007. – 11 декабря.

³ Каневский Б. Проблема предотвращения войны: понятие, возможности, механизмы // Военная мысль. – 1989. – № 4. – С. 48–56.

⁴ Военная мысль. – 2004. – № 9. – С. 33–36; 2007. – № 11. – С. 26–33; №12. – С. 12–15.

Политикам, чтобы дело приобрело осмысленный, целеустремлённый, конкретный и подконтрольный характер, необходимо решить следующие задачи:

- организовать разработку теории и стратегии, специального документа (Руководства) по предотвращению войн (конфликтов), который бы конкретно определил функции, задачи и ответственность различных государственных (невоенных и военных) структур за деятельность на этом направлении;

- в Совете Безопасности РФ иметь специальный сектор (отдел) с возможным названием «Отдел по предотвращению войн (вооружённых конфликтов)», который постоянно занимался бы этим делом под руководством одного из заместителей секретаря Совета Безопасности. Государству целесообразно дать заказ на системную разработку проблемы Российской академии наук;

- в Министерстве иностранных дел, которое несет непосредственную ответственность за сохранение мира и предотвращение войн, целесообразно иметь координационный центр, ведущий оперативную работу со всеми министерствами, занимающимися внешней деятельностью, а также с Минобороны, составляющий общий план, организующий проведение специальных кампаний в наиболее угрожаемых зонах, затрагивающих безопасность страны; в ООН добиваться принятия общего понятия «предотвращение войн», не оставляющего лазеек для агрессора;

- в Минобороны (как и в других ведомствах, занятых этим делом) кроме установочных положений доктрины по участию Вооружённых Сил в предотвращении войн, важно иметь наставление (инструкцию) для командования видов и родов войск, учебные пособия и другие издания для личного состава армии и флота;

- гражданский контроль над Вооружёнными Силами важно направлять не только на совершенствование их внутреннего состояния, но и на то, как выполняется главная задача – не допустить войн;

- важно предусмотреть создание и нештатных структур по решению этих задач на региональных, локальных и местных уровнях, обеспечивающих эффективное взаимодействие, особенно в зонах повышенной напряжённости и «горячих точках»;

- жизнь показывает необходимость создания подобных специализированных (не обязательно штатнообособленных) структур в союзнических объединениях (ШОС, ОДКБ, СНГ и т.д.).

Главная цель и главная задача в обеспечении военной безопасности, то есть предотвращение войн, требует серьезного государственного внимания, конкретных дел государства и общества.

Возникают новые войны, меняются существующие, следовательно, становятся необходимыми новые средства, способы и формы дей-

ствий по их предотвращению. Справедливо полагают, что нынешняя революция в ведении войн предполагает и революцию в борьбе против них.

Сейчас наряду с сохранением традиционных, классических войн быстро множатся опасности нетрадиционных, неклассических – в формах мятежевойн, восстаний, террористических, повстанческих, партизанских, сетевых, информационных и других войн.

В книгах американцев Элвина и Хейды Тоффлеров «Война и анти-война», немецкого историка ван Кревельда «Трансформация войны»¹ и других обосновываются новые средства и способы предотвращения таких войн, перспективность перехода в этом деле на рыночные начала, так как обычные армии здесь-де не годятся.

Надо, мол, ООН разрешить, а государствам содействовать созданию специальных частных «корпораций мира», которые будут получать тем большую плату за соблюдение мира в том или ином регионе, чем больше будет успехов в предотвращении вооружённых конфликтов. Эти корпорации будут располагать неполитической профессиональной вооружённой силой, составленной из добровольцев разных стран – наёмными подразделениями быстрого развертывания. Утверждается, что надо покрыть земной шар, на котором возможны не 30–35 конфликтов, как сейчас, а 50–100 крупных и многие сотни мелких конфликтов, множеством самоокупаемых миротворческих организаций с высокой мотивацией деятельности. Их следует оснащать информационными средствами, позволяющими вскрывать местонахождение неучтённого оружия, особенно массового поражения, и даже отдельного боевика (террориста) в любых условиях и мгновенно его нейтрализовать, используя сетевые принципы слежения и борьбы, нелетальное оружие и т.д. Становятся якобы ненужными классические армии, привычные массовые миролюбивые движения и другие привычные инструменты.

Выдвигается верный призыв перестать мыслить в этом деле устаревшими категориями, ориентироваться в борьбе с конфликтами низкой интенсивности, прежде всего на превосходство в знаниях (информации), создание новых стратегий и тактик, особенно для действий в космосе.

Нельзя недооценивать этих и других идей, тем более выдвигаемых довольно обоснованных моделей предотвращения войн, например, на основе осмысления неудачного опыта таких действий по предотвраще-

¹ *Мартин Ван Кревельд. Трансформация войны. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005 – 344 с.; Тоффлер Э. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – 412 с.*

нию гражданских войн в Югославии, приведших к уничтожению государства.

Однако в этих работах явно недооценивается способность современных армий приспособиться к предотвращению и ведению новых типов и видов войн. Сложная социально-политическая проблема, требующая единого подхода в глобальных масштабах, дробится на множество разрозненных «рыночных» дел.

Содержание

Предисловие	3
Арбатов А.Г. Международная безопасность после Кавказского кризиса	9
Белозёров В.К. Некоторые выводы для России и её оборонной политики в свете последствий августовского конфликта	16
Владимиров А.И. Стратегический этюд: Война «Все включено» или Выводы из эпизода войны против России руками «собственных мерзавцев» США	30
Гусейнов В.А. Тезисы о некоторых политических и военно-стратегических аспектах августа-2008	45
Гусейнов В.А., Демиденко С.В. Югоосетинский разлом: размышления о причинах и последствиях	58
Денисов А.П., Савкин Н.П. «Завтра была война...»?	77
Забузов О.Н. Действия России в информационном пространстве в связи с вооруженным конфликтом в Южной Осетии	85
Мельков С.А. Вооружённый конфликт в Южной Осетии: катализатор военного реформирования в России?	93

Перенджиев А.Н.

Грузино-югоосетинский конфликт
как пример террористической войны

105

Селиванов А.И.

События в Южной Осетии и Абхазии:
национально-государственный
или кланово-олигархический подход?

131

Серебрянников В.В.

Предотвращение войн: теория и практика

136

Сведения об авторах

Арбатов Алексей Георгиевич, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук. Член Совета по внешней и оборонной политике.

Белозёров Василий Клавдиевич, кандидат политических наук, сопредседатель Ассоциации военных политологов.

Владимиров Александр Иванович, кандидат политических наук, вице-президент Коллегии военных экспертов.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович, директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики». Член Совета по внешней и оборонной политике.

Демиденко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, сотрудник Института стратегических оценок и анализа.

Денисов Алексей Петрович, заместитель директора Института стратегических оценок и анализа. Член Совета по внешней и оборонной политике.

Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, эксперт Ассоциации военных политологов.

Мельков Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова. Сопредседатель Ассоциации военных политологов.

Перенджиев Александр Николаевич, кандидат политических наук, эксперт Ассоциации военных политологов.

Савкин Николай Павлович, заведующий отделом Института стратегических оценок и анализа. Член Лиги военных дипломатов.

Селиванов Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, Академия экономической безопасности МВД России.

Серебрянников Владимир Васильевич, доктор философских наук, профессор, Институт социально-политических исследований РАН.

ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Корректор *А.Панюгина*
Дизайнер обложки *Г.Сафина*
Верстальщик *А.Алешин*

Издательский дом «Красная звезда»
123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38
Тел.: (495) 941-26-66, 941-36-46

Подписано в печать 19.05.2009. Формат 70х100/16.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №247.